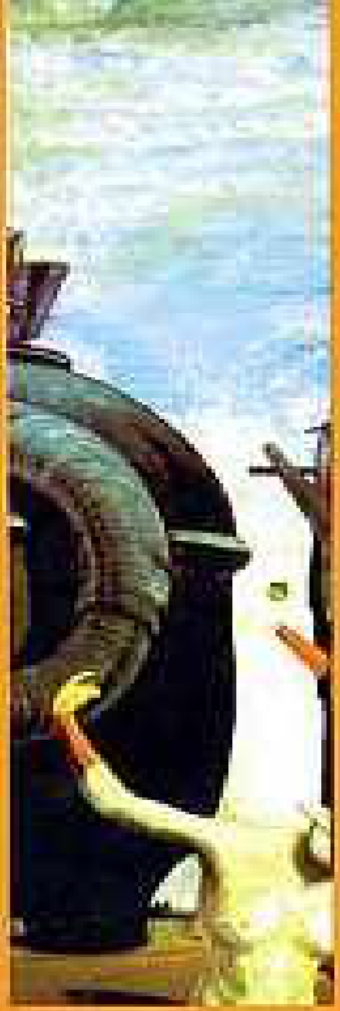
Пол Ди Филиппо

СТИМПАНК



«Шедевр в жанре панк-коллажа!»
Уильям Гибсон

Культовая фантастика

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

СТИМПАНК.

Своеобразный «ответ киберпанку» от любителей альтернативной истории.

Читаем: «стим» – от паровых двигателей, «панк» – ясно, от чего, а идея – от доведенного до веселого безумия стиля «что было бы, если…».

Стимпанк основали великие интеллектуалы контркультурной фантастики Пауэрс и Блэйлок, но самое знаковое из произведений жанра создал «enfant terrible» альтернативной научной фантастики Пол Ди Филиппо!

Итак. В Англии на престоле – не королева Виктория, а юная самка тритона, но викторианские нормы остаются прежними…

В воспетом «черной школой визионеров» Массачусетсе случилось нашествие вполне лавкрафтовских монстров…

На юго-западе США Уолт Уитмен и Эмили Дикннсон, открывшие способ путешествовать между мирами, отправляются в самый странный из миров – «мир иной»…

- Пол Ди Филиппо
  - Виктория
    -
    -
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
  - Готтентоты
    -
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
  - Уолт и Эмили

-
- 1
- 2
- 3
- 4
- 5
- 6
- 7
- 8
- 9
- 10
- 11
- 12
- 13
- 14

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25
  - 26
  - 27
  - 28

- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72

- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116

- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127
- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133
- ○ 134
- ○ 135
- ○ 136
- ○ 137
- ○ 138
- ○ 139
- ○ 140
- ○ 141
- ○ 142
- ○ 143
- ○ 144
- ○ 145
- ○ 146
- ○ 147
- ○ 148

Пол Ди Филиппо
СТИМПАНК

Виктория

Victoria Перевод. И. Гурова, 2005.

Я устала, а потому тихонько ускользнула.

Королева Виктория, в своем личном дневнике

1
Полуночная политика

Трубочка из сверкающей латуни, прикрепленная зажимом к лабораторному кронштейну, торчала вертикально над углом письменного стола с ножками в виде львиных лап и обтянутого сверху наилучшим сафьяном. На высоте пятнадцати дюймов шарнир подсоединял к ней вторую трубочку, обеспечивая ей почти полное сферическое движение. Третья трубочка, подсоединенная к первым двум еще одним шарниром, завершалась насадкой, подогнанной по руке пишущего, – паз для большого пальца и четыре противолежащие выемки для остальных четырех. Из конца насадки высовывался кончик пера автоматической ручки.

Мерцающий свет газовых рожков, шипящих по стенам уютного увешанного картинами кабинета, озарял этот механизм по всей его длине, придавая ему зыбкий маслянистый блеск. За пышными гардинами больших окон царствовал насыщенный холерой лондонский туман: густые клубы раскручивались и расползались наподобие византийских заговоров. Тоскливый бесприютный перестук копыт упряжки лошадей, влекущих последний омнибус линии Уимблдон – Мертон – Тутинг, доносился в кабинет едва-едва, усиливая ощущение приятной уединенности от всего мира.

Под кончиком пера, завершающего систему трубок на кронштейне, помещалась наклонная платформа. Платформа эта ползла по сложной системе зубчатых рельсов на крышке стола и приводилась в движение вращением ручки слева. В чугунной скобе у верхней части платформы медленно вертелся рулон бумаги. Бумага, проползая пространство, отведенное для письма, затягивалась валиками в нижнем конце платформы. Валики эти также вращались ручкой синхронно с движением платформы по рельсам.

На полу в глубоком пространстве между тумбами обширного стола стоял многогаллонный стеклянный жбан, полный чернил. От плотной крышки жбана резиновый шланг тянулся к латунным трубкам и, следовательно, к перу. Ножной насос гнал чернила из жбана в систему, сколько их требовалось.

В центре этого механизма для письма помещался его хитроумнейший, эксцентричный двигатель.

Космо Каупертуэйт.

Каупертуэйт был худым молодым человеком с румяным

лицом и светло-рыжими волосами. Одет он был щеголевато, что указывало на приличный доход: пластрон из узорчатого кашемира, вышитый жилет, элегантные панталоны.

Вытащив из жилетного кармашка большие серебряные часы луковицей, Каупертуэйт поставил стрелки по моменту проезда тутингского омнибуса – одиннадцать сорок пять. Возвратив часы в их кармашек, он одернул натуропатический жилет, который носил непосредственно на теле. Эта громоздкая панацея со множеством вшитых вместилищ для целебных трав имела обыкновение подскакивать от его талии к подмышкам.

Теперь довольно-таки лунообразное лицо Каупертуэйта приняло выражение абсолютной сосредоточенности: он полировал свои мысли, прежде чем доверить их бумаге. Правой рукой сжимая перо на конце третьей трубки, левой рукой стискивая ручку, держа правую ступню наготове над насосом, Каупертуэйт пытался совладать со сложными эмоциями, порожденными последним визитом к его Виктории.

Наконец он, казалось, привел в надлежащий порядок свои мысли. Наклонившись, он погрузился в писательство. Ручка вертелась, насос качал, платформа по-крабьи ползла поперек стола, описывая конхоиду Слюза, трубки раскачивались туда-сюда, бумага двигалась под пером и чернила растекались словами. Только с помощью этого фантастического механизма, который он был вынужден изобрести сам, Каупертуэйту удавалось успевать с требуемой быстротой за своим лихорадочно-пылким мозгом натуралиста.

25 мая 1838

В. в своем новом жилище как будто счастлива, насколько я способен заключить по ее маловыразительной – хотя и магически привлекательной – физиогномии и горловым звукам. Мадам де Малле заверила меня, что ее не слишком утруждают как в смысле количества посетителей, так и в смысле их знаков внимания. (Там имеются другие мордашки, более напрактикованные и закаленные, чем моя бедняжка В., к которым старуха де Маме бдительно отправляет более, скажем, требовательных клиентов.) Правду сказать, бедное создание словно бы расцветает под воздействием физического внимания. Когда я инспектировал ее сегодня, она, бесспорно, выглядела здоровой и веселой, и ее прекрасный гладкий эпидермис так и манит к нему притронуться. (Мадам де Малле, видимо, скрупулезно выполняет веемой инструкции касательно необходимости

поддерживать кожу В. постоянно увлажненной. На видном месте стоит большой пульверизатор французского изготовления, и В. поняла, как им надо пользоваться.)

Щупая ей пульс, я вновь поразился хрупкости ее костей. Когда я нагнулся над ней, она приложила одну руку с тонкими, чуть перепончатыми пальцами к моему лбу, и я почти лишился чувств.

Нет, я вновь признал про себя, что самое лучшее – не держать ее у себя дома. Лучше для нее и, главное, лучше для меня, для уравновешенности моих нервов, не говоря уж о моей телесной организации.

Что до ее питания, то уже установлена надежная связь с компанией местных уличных оборвышей, которые за двухпенсовик ежедневно каждому охотно ловят требуемых насекомых. Я также обучил их тому, как зачерпывать студень лягушачьей икры в многочисленных миазматических стоячих водоемах, разбросанных по беднейшим кварталам города. Плата мальчикам вычитается из заработков В., хотя я дал понять, что в случае, если ее клиентура когда-либо сократится, покрытие всех расходов, связанных с ее содержанием, я, разумеется, возьму на себя.

Прискорбно, что моему эксперименту суждено завершиться подобным образом. Бесспорно, я не мог знать, что плотские потребности скрытожаберников, в просторечии именуемых гуляками, окажутся столь не поддающимися сдержанности, а ее разум – столь не поддающимся развитию. Я испытываю ощущение трансцендентной вины из-за того, что принес в этот мир такую монструозную игру природы. Моя единственная надежда, что жизнь ее продолжится недолго. Хотя относительно, средней продолжительности жизни ее более мелких родичей я пребываю в сомнении, ибо авторитеты сильно расходятся в этом вопросе.

Боже Всемогущий! Сначала кончина моих родителей, а теперь вот это, причем обе страшные случайности прямо восходят к моим злополучным посягательствам на Законы Природы. Неужто мое честное желание улучшить жребий рода человеческого – на самом деле всего лишь своего рода пример роковой гордыни?…

* * *

Каупертуэйт опустил голову на платформу и тихо зарыдал. Он не часто предавался подобной жалости к себе, но поздний час и события дня вкупе возобладали над его обычным суровым научным стоицизмом.

Это временное погружение в уныние прервал властный стук в дверь кабинета. Поза Каупертуэйта мгновенно изменилась. Он сел прямо и отозвался на стук с видимым раздражением.

– Да, да, Коготь, войдите же.

Дверь отворилась, впуская слугу Каупертуэйта.

Коготь Макгрош – экспатриант-американец, бахвалившийся историей жизни, которая могла бы лечь в основу целой мифологии, – был незаменимым фактотумом каупертуэйтского домашнего очага. Конюх, кучер, дворецкий, дворник, повар, телохранитель – Макгрош выполнял все эти функции и более с восхитительным умением и пользой, хотя и в фамильярной манере.

Но сейчас Каупертуэйт увидел на физиономии Макгроша, застывшего в дверях, выражение непривычной почтительности. Прежде чем заговорить, он потер щетинистый подбородок.

– К вам посетитель, старый цилиндр.

– В такой непотребный час? Визитная карточка у него нашлась?

Макгрош приблизился и вручил ему картонный прямоугольничек.

Каупертуэйт не мог поверить своим глазам. Карточка докладывала об Уильяме Лэме, втором виконте Мельбурнском.

Премьер-министр. И если верить скандальным сплетням, в настоящее время полыхающим по Лондону, любовник хорошенькой девятнадцатилетней королевы Англии, занимающей трон с прошлого года. И в настоящее время, пожалуй, самый могущественный человек в Англии.

– Он сказал, что ему нужно?

– Не-а.

– Ну, Линнея [1] ради, не торчите тут! Просите его войти! Макгрош направился к двери, но сразу же остановился.

– Ужин-то я съел давно, как вы не любите, чтоб вас беспокоили. Но вам кое-что оставил. Пирог из угря. Не такой смачный, какой бы я сварганил, будь у меня под рукой свеженькая гремучка, но есть можно.

С этим он удалился. Каупертуэйт снисходительно покачал головой. Не тронут цивилизацией, но зато по-собачьи предан.

Минуту спустя виконт Мельбурн, премьер-министр империи, почти опоясывавшей земной шар от Ванкувера до Хайдерабада, уже пожимал руку ошарашенному Каупертуэйту.

В свои пятьдесят девять лет Мельбурн все еще сохранял сногсшибательную красоту. Среди тех многочисленных женщин, чьим обществом он наслаждался, особое восхищение вызывали его глаза и посадка головы. Он был обладателем редкостных светских талантов, его остроумие было оригинальным и едким.

При всех этих достоинствах и блистательной карьере Мельбурн не был счастлив. Собственно говоря, Каупертуэйту тут же бросилась в глаза прославленная Меланхолия Мельбурна. Источник ее был ему достаточно известен, как и всему Лондону.

Вопреки желаниям своей семьи Мельбурн женился на прелестной, эксцентричной и своевольной леди Каролине Понсонби, единственной дочери леди Бессборо. Превратив себя в скандальную притчу во языцех безответной страстью к распутному повесе и поэту Джорджу Гордону лорду Байрону (с которым, по иронии судьбы, ее познакомила собственная свекровь Элизабет Лэм), она в конце концов вынудила Мельбурна разъехаться с ней вопреки его легендарным терпению, терпимости и готовности прощать. Затем леди Каролина становилась все более необузданной, пока не сошла с ума и не умерла десять лет назад, в 1828 году. Их сын Огестес, единственный их ребенок, оказался слабоумным и умер год спустя.

Как будто этого недавнего скандала было мало, Мельбурну все еще приходилось противостоять толкам, ходившим уже более полувека, будто на самом деле его отцом был кто-то другой, а не первый виконт Мельбурн, и, значит, титул этот ему по справедливости не принадлежит.

Более чем достаточно трагедий для одной жизни. И тем не менее Каупертуэйт почувствовал, что Мельбурн находится на грани новых ударов судьбы, быть может, личных, быть может, политических, быть может, тех и других вместе.

– Прошу вас, премьер-министр, не благоугодно ли вам сесть?

Мельбурн придвинул себе стул с сиденьем, обтянутым бязью, и устало опустился на него.

– Говоря между нами, мистер Каупертуэйт, сведения, которые я намерен сообщить вам, требуют елико возможно меньше всякой официальности. А потому называйте меня Уильямом, а я буду называть вас Космо. В конце-то концов, я был шапочно знаком с вашим батюшкой и чтил его заслуги перед нашей родиной. Так что мы с вами не совсем посторонние люди, разделенные социальной пропастью.

Голова Каупертуэйта шла кругом. Он понятия не имел, почему премьер явился к нему и что намерен сообщить.

– Ну разумеется… Уильям. Не желаете чего-нибудь выпить?

– Да, пожалуй, не откажусь.

Каупертуэйт с радостью воспользовался случаем встать и овладеть собой. Он приблизился к переговорной трубке, торчавшей из вделанной в стену латунной панели, подергал по очереди несколько рычажков с ручками из слоновой кости, помеченными различными помещениями в доме, пока звон колокольчика в кабинете не известил его, что Макгрош обнаружен. Последний рычажок, за который он дернул, был помечен «нужной чулан».

Из трубки пискливо донесся отдаленный голос слуги:

– Чего еще, Кос?

Каупертуэйт прикусил язык от такой фамильярности, подавляя вполне заслуженный выговор.

– Не будете ли вы так любезны принести нам два шэндигаффа, Коготь?

– Бу сделано, командир.

Макгрош появился незамедлительно, неся поднос с напитками. Из его губ торчала костяная зубочистка, а рубашка свисала поверх штанов. Он непринужденно поставил свою ношу на стол и удалился.

После того как они с наслаждением отхлебнули смесь пива с имбирем, премьер-министр приступил к объяснению:

– Если не ошибаюсь, Космо, вы, как бы это сказать, опекун твари, известной как Виктория, которая в настоящее время проживает в борделе, содержимом мадам де Малле.

Каупертуэйт раз-другой поперхнулся своим шэндигаффом. Мельбурн встал и похлопал его по спине, пока он не перевел дух.

– Как… как вы?…

– Ну, послушайте, Космо, вы же не можете не знать, что бонтон оказывает внимание де Малле и что ваши отношения с этой тварью не могли не стать достоянием гласности через два-три дня, как вы поместили ее туда.

– Я не подозревал…

– Должен сказать, – продолжал Мельбурн, водя мокрым пальцем по краю своего бокала и вызывая до чрезвычайности противное повизгивание, – что тварь эта обеспечивает совершенно новые сенсуальные ощущения. Я полагал, что испытал все, что может дать акт копуляции, но совершенно не был готов для вашей Виктории. Видимо, я не единственный ценитель ее, насколько я понимаю, абсолютно бездумного искусства. Только за прошлую неделю я столкнулся у де Малле со многими значимыми фигурами, которые завернули туда исключительно ради ее услуг. Эти писаки Диккенс и Теннисон, Луи-Наполеон и американский посол. Несколько членов моего

собственного кабинета, включая старых хрычей, которых я уже считал абсолютно целомудренными. Вам известно, что даже одухотворенный и беззаветно преданный искусству господинчик Джон Рэскин тоже был там. Его привели какие-то его друзья. Первый его опыт, и они умудрились внушить ему, будто все женщины так же безволосы, как ваша Виктория. Если он когда-нибудь женится, предвижу всякие неприятности.

– Я не ответственен…

Мельбурн перестал тереть свой бокал.

– Скажите мне… что она, собственно, такое?

Понятия не имея, к чему вели разглагольствования Мельбурна, Каупертуэйт почувствовал облегчение, едва от него потребовали научных сведений.

– Хотите верьте, Уильям, хотите нет, Виктория это тритон.

– Тритон? Такая саламандра?

– Именно. Говоря точнее – «гуляка», скрытожаберник Cryptobranchus alleganiensis, вид, обильно водящийся в Новом Свете.

– Как я понимаю, она была… э-э… значительно модифицирована…

– Разумеется. В моих опытах с местными тритонами мне, видите ли, удалось дистиллировать то, что я называю «фактором роста». Полученный из гипофиза, щитовидной железы и эндокринных желез, он дает результаты, которые вы наблюдаете. Я решил применить его к гуляке, поскольку в естественных условиях они достигают длины в целых восемнадцать дюймов, и сумел получить несколько особей через тамошнего посредника.

– Однако она не выглядит просто исполинским тритоном. Одни груди…

– Да-да, ее внешность – результат смешений саламандрового и человеческого факторов роста. Свежие трупы…

– Прошу, остановитесь на этом. Хотя я здесь полуофициально, но все-таки остаюсь представителем закона.

– Моим намерением было измерить глубину ее разума и проверить, не сумею ли я его развить. В конце концов она показала себя плачевно не поддающейся никаким усилиям. Не желая ее уничтожить, я, за неимением другого выбора, был вынужден поместить ее у де Малле.

– Почему, если мне дозволено спросить, вы назвали ее Викторией? Неудачная шутка? Понимаете ли вы, что в результате можете быть повинны в lese majeste [2]?

Каупертуэйт растерялся.

– Нет-нет, ничего подобного. Случайное сходство с новой королевой. Желание посвятить ей мои научные изыскания…

Мельбурн поднял ладонь.

– Я вам верю. Можете не продолжать.

Несколько минут в кабинете царила тишина. Затем Мельбурн заговорил, словно бы сменяя тему:

– Когда год назад королева взошла на престол, она была невероятно наивна и простодушна. Хотя природным умом она не обижена, ее мать, герцогиня Кентская, воспитывала ее в удушающей монастырской атмосфере. Бог мой, она могла вести беседу только о лошадях и плетении кружев! Она была абсолютно пришита к юбке своей хитрой маменьки и ирландскому любовнику герцогини Джону Конрою.

Я скоро понял, что в нынешнем ее состоянии она никогда не станет матриархом нашей страны. И мне надлежало во имя блага империи сформировать ее характер на более царственной основе.

Я знал, что самый быстрый способ потребует стать ее любовником.

Не стану утомлять вас остальными моими тактическими приемами. Достаточно сказать, что, по-моему, мне удалось отточить ум и инстинкты королевы в такой мере, что теперь она будет превосходной правительницей, возможно, самой великой из тех, кого знал этот державный остров.

– Но я не вижу…

– Погодите. Еще не все. Я постепенно и неуклонно увеличивал рабочее расписание королевы, так что теперь у нее весь день занят чтением депеш и выслушиванием ее министров. Я думал, что она держится восхитительно. Однако теперь я опасаюсь, что слишком поторопился. Герцогиня Кентская и Конрой последнее время назойливо докучали ей всякими неприятными мелочами. Кроме того, она очень нервничает из-за своей коронации, назначенной на следующий месяц. Последнее время в постели она жаловалась мне на то, что чувствует усталость и слабость, тоску и дурноту. Боюсь, я отмахнулся от этих жалоб, как от пустой болтовни.

– Но неужели вы не можете дать бедной девочке передышку?

Мельбурн провел рукой по лбу.

– Боюсь, уже слишком поздно. Видите ли, как раз сегодня королева сбежала с трона.

Каупертуэйт не поверил своим ушам.

– Немыслимо! А вы уверены, что ее не похитили, что ее не сбросила лошадь во время прогулки верхом? Необходимо отправить на ее розыски…

– Нет, бесполезно. Она не лежит без чувств на какой-нибудь тропе для верховых прогулок, нет, она затаилась где-то, как хитрая лисичка, какая она и есть. Исчезли некоторые ее личные

вещи, в том числе дневник. Устроить широкие поиски – значит обеспечить, чтобы через час-другой ее отречение стало достоянием гласности. А при нынешнем политическом положении Британия не может позволить себе хотя бы временно остаться без монарха. Шлезвиг-Гольштейн, ландграфиня Мекленбург-Стрелицкая, Испанское Престолонаследование… Нет, мы ни в коем случае не можем сообщить об ее исчезновении. Среди аристократии найдется немало таких, кого подобный скандал более чем устроит. В частности, я думаю о лорде Чатинг-Пейне. А кроме того, я не хочу, чтобы Виктория лишилась трона. Я верю в эту девочку. Я думаю, она будет великолепной королевой. Это юное безрассудство не следует ставить ей в вину.

– О, я согласен, – от всего сердца сказал Каупертуэйт. – Но почему вы пришли ко мне? Чем могу помочь я?

– Я прошу вас одолжить вашу Викторию. Она нужна мне в качестве дублерши королевы, пока подлинная Виктория не найдется.

– Это смехотворно, – возразил Каупертуэйт. – Тритонша на троне Англии? Нет, не отрицаю, в парике и в отдалении она может обмануть взгляды, но вблизи? Никогда! Почему просто не найти какую-нибудь человеческую женщину, пусть из низших сословий, которая изображала бы королеву, а потом хранила бы молчание за солидное вознаграждение?

– И рисковать будущим шантажом? Или, быть может, тем, что такая актерка из каприза злоупотребит своим временным положением? Нет, благодарю вас, Космо. И вопреки тому, что обо мне болтают люди в связи с Толпаддлскими Мучениками, у меня нет ни малейшего желания пойти из политических соображений на убийство такой женщины ради сохранения тайны. Нет, мне требуется марионетка, нечто абсолютно послушное. Подходит только ваша Виктория. Одолжите ее мне, а остальное я беру на себя.

– Все это так странно… Что еще могу я сказать?

– Просто скажите «да», и страна, а также и я, будем у вас в неоплатном долгу.

– Ну, если вы так ставите вопрос-Мельбурн вскочил.

– Великолепно. Вы и представить себе не можете, какое я испытываю облегчение. К тому же, возможно, моей Виктории успело надоесть играть в верноподданную, и она даже сейчас уже на пути в Букингемский дворец. Но пока отправимся извлечь вашу Викторию из ее постели в заведении де Малле. Вы понимаете, забрать ее придется вам, так как нельзя допустить, чтобы кто-нибудь увидел, как ее увожу я.

– О, конечно…

Только когда они громыхали через город в зашторенном ландо с Мактрошем на козлах, а между ними увлажненно сидела женственная тритонша Виктория под вуалью, целомудренно скрывавшей ее удлиненные черты, Каупертуэйт спохватился и сообщил Мельбурну об особой диете своей подопечной.

– Мухи? – сказал премьер-министр с сомнением.

– Наисвежайшие, – сказал Каупертуэйт.

– Полагаю, конюшни…

– Я понимаю, сэр, почему вы стали премьер-министром! – Каупертуэйт сделал Мельбурну этот комплимент со всей искренностью.

2
Прямой поезд до Китая

Трибуна была задрапирована веселенькими тканями, голубыми с золотом. Местные именитые персоны, политики и члены железнодорожной корпорации восседали чинными рядами на деревянной платформе. Дамы в пышных бомбазиновых юбках защищали себя от летнего солнца кружевными зонтиками. Духовой оркестр играл бодрые мелодии. Птицы заливались контрапунктом на соседних деревьях. Толпа фермеров и торговцев, их жены и дети заполняли широкий луг, окружавший трибуну. Всюду сновали лоточники, предлагая лимонад и леденцы, цветы и безделушки-сувениры.

Местом была деревенька Летчуорт к северу от Лондона, годом – 1834-й, вскоре после утверждения Закона о Бедных, который затем преобразил сельские ландшафты, секвестировав их нищих в соответствующие заведения. Поводом было торжественное открытие новой железнодорожной линии, ветки железной дороги Лондон – Кембридж.

В нескольких ярдах от платформы блестели новые рельсы, тянущиеся за горизонт. Каменный фундамент станции, кирпичное здание которой было не достроено и окружено лесами, обрамлял эту картину с юга.

На рельсах – массивный, гордый, могучий – стоял локомотив революционного устройства. Неподалеку нервно переминался с ноги на ногу его революционный создатель Космо Каупертуэйт в возрасте двадцати одного года.

Рядом с Каупертуэйтом стоял молодой человек лишь немногим его старше, но обладающий куда большей развязностью и явной уверенностью в себе. Это был двадцативосьмилетний Изамбар Кингдом Брунел, сын знаменитого архитектора и изобретателя Марка Изамбара Брунела, чей гений обеспечил создание Туннеля под Темзой, при прокладке которого впервые был применен метод проходческих щитов.

Близость между Каупертуэйтами и Брунелами длилась уже второе поколение.

Клайв Каупертуэйт, отец Космо, был помолвлен с прелестной Констанцией Уинкс. Незадолго до их уже назначенного бракосочетания на данном Королевской ассоциацией инженеров и архитекторов балу Клайв застал свою невесту в компрометирующей позе со старшим Брунелом в нише, частично занятой бюстом Архимеда. Оскорбленный жених – вдвойне

взбешенный совместным поруганием и его будущей супруги, и древнего мудреца – немедленно потребовал дуэли. Брунел согласился.

Однако в промежутке между вызовом и поединком оба молодых человека случайно обнаружили единство своих интересов. Сначала ледяным тоном, все более теплевшим, они начали обсуждать свою взаимную мечту о мире, объединенном железными дорогами и паровыми судами, о мире, ужавшемся и аккуратно упакованном великолепными изобретениями их века. Дуэль не состоялась. Клайв и Констанция поженились в намеченный срок. Марк Брунел стал и деловым партнером Каупертуэйта, и близким другом, часто гостившим у него вместе с собственной женой и юным сыном. После рождения Космо он и маленький Изамбар Кингдом («И. К.», или Икки) росли вместе, прямо-таки как братья.

И теперь молодой Каупертуэйт повернулся к своему другу и сказал:

– Ну, Икки, что скажешь? Он стоит под полными парами всего на нескольких унциях топлива. Чудо, разве нет? Стефенсоновская «Ракета» – ничто в сравнении с ним.

Икки, неизменно практичный, ответил:

– Если это сработает, ты положишь конец всей угольной промышленности. На твоем месте я бы оберегал свою спину от грязного кайла какого-нибудь недовольного шахтера. Или, что куда более вероятно, от серебряного столового ножа владельца его шахты.

Космо погрузился в задумчивость.

– Этого аспекта моего открытия я как-то не учел. Тем не менее никто не в силах остановить прогресс. Если бы я не нашел способа очистки нового металла Клапрота, его, конечно же, отыскал бы кто-нибудь другой.

В 1789 году Мартин Генрих Клапрот открыл новый химический элемент, который назвал ураном в честь недавно обнаруженного небесного тела, названного Ураном. Другие ученые, в том числе Эжен-Мельхиор Пелиго, начали искать способ его очищения. Космо Каупертуэйт, унаследовавший таланты отца, выросший в атмосфере практического изобретательства, преуспел первым путем удаления тетрахлорида урана с помощью калия.

Ища новые способы использования этого увлекательного элемента, Космо наткнулся на идею применить его свойство выделения тепла для замены обычного средства получения пара на одном из паровозов своего отца. Клайв Каупертуэйт неохотно дал согласие, и в этот день предстояло первое испытание

переделанного паровоза.

– Пойдем, – сказал Космо, – мне следует в последний раз проинструктировать машиниста.

Они влезли на паровоз. Паровозная бригада в будке встретила их довольно холодно. Старший машинист, человек в годах с моржовыми усами, без конца кивал в такт словам Космо, но молодой изобретатель чувствовал, что тот пропускает их мимо ушей.

– Запомните, угля в топку этой машине не подбрасывать. Ничего к топливу не добавлять. Нажатие на этот рычаг сближает две доли урана и дает больше жара, тогда как вытягивание его увеличивает расстояние и уменьшает жар. Заметьте, как эта цапфа с насадкой препятствует рычагу продвинуться в опасную зону…

Космо испуганно умолк.

– Насадка, она треснула и вот-вот отвалится! Это выглядит нарочитой порчей всей моей предохранительной системы. Кто ответственен за этот саботаж?

Бригада лениво уставилась в потолок будки. Один наглый кочегар засвистел мелодию, в которой Космо узнал неприличный народный мотив под названием «Шампанский Чарли». Космо понял, что сейчас бесполезно искать виновников.

– Пойдем, Икки. Мы должны исправить поломку до начала испытания. – Они спустились с паровоза. На некотором расстоянии от них на платформе Клайв Каупертуэйт только что поцеловал жену и поднялся на трибуну, чтобы произнести свою речь.

– Я сожалею, что моего партнера сегодня нет здесь, но я уверен, что смогу говорить достаточно длинно за нас двоих…

Толпа ответила легким смехом.

Космо был не в настроении разделить это веселье.

– Где мне найти инструменты? – в отчаянии спросил он у Икки.

– Почему бы не у кузнеца в деревне?

– Отличная мысль. Дай я только скажу отцу, чтобы он задержал запуск машины.

– Просто сбегаем. Ты же знаешь, как долго твой отец разглагольствует. Времени у нас в избытке.

Космо с Икки поспешили в деревеньку.

Еще в кузнице они услышали, как снова заиграл оркестр, который сделал перерыв на время речи Клайва. В тревоге Космо с Икки бросились наружу.

В тот же миг чудовищный взрыв опрокинул их на землю и выбил все стекла в деревеньке. Горячий ветер покатил их по

земле. Когда они кое-как поднялись на ноги, то увидели высоко в небе громоздящиеся остатки грибообразного облака.

В неистовой тревоге, к которой примешивалось немало страха, друзья поспешили назад к месту торжества.

Еще на дальнем расстоянии они наткнулись на край колоссального дымящегося кратера, который уходил в остекленелые глубины – начало туннеля, нацеленного на Азию.

Космо взывал перед этой задымленной безжизненностью:

– Отец! Мама!

Икки положил руку ему на плечо.

– Бесполезно, Кос. Никто не мог уцелеть. Их всех твое изобретение отправило к Иегове. Я усматриваю в этом перст Провидения, которому даже обычное многословное красноречие твоего отца не составило препоны, – перст, указующий, что мир еще не готов к подобным открытиям, если вообще когда-нибудь будет к ним готов… Утешься же мыслью, что такая смерть, слава Богу, должна была быть безболезненной. В любом случае, смею сказать, тут не отыщется человеческого пепла в количестве достаточном, чтобы заполнить подставку для зонтиков.

Космо пребывал в шоке и ничего не ответил. (Но с этих пор его старинная дружба с Икки навсегда осталась подпорченной из-за подобной душевной черствости последнего в свете такой катастрофы, в которой он, как ни поглядеть, был частично повинен.)

Почему-то чувствуя, что медлить там было бы неразумно, Икки поторопился увести своего друга подальше.

По возвращении в Лондон после нескольких дней полубесчувственного состояния Космо, теперь единственный наследник каупертуэйтского имени, мало-помалу вновь обрел умственные способности. Первое, что он заметил, были какие-то странные язвы у него на теле. Оказалось, что Икки также страдает от этой памятки о пережитом им – как и несколько уцелевших жителей деревеньки. С помощью фармацевта Каупертуэйт составил натуропатический пластырь, который при плотном накладывании на кожу, казалось, отводил чуму. (Четыре года спустя все язвы почти исчезли, однако Каупертуэйт продолжал носить свой натуропатический жилет более из предосторожности, чем по каким-либо научным соображениям.)

Позаботившись о собственных недугах, Каупертуэйт понял, что ему надлежит устроить церемониальное погребение своих родителей. И в один прекрасный день он вознамерился посетить местного гробовщика. Открыв парадную дверь, он был ошеломлен тем, что снаружи нее уже кто-то стоит.

Молодчик, пониже среднего роста, был жилистым,

цепкоглазым и одетым по небрежной американской моде. Он энергично приветствовал Каупертуэйта.

– Друг, я следил за вами в вашей тяжкой утрате, как вы бродили обалделым и оглушенным по энтому вот самому городу, и я пришел к выводу, что вы нуждаетесь в моральной поддержке и опоре.

Каупертуэйт никак не мог понять, что это за субъект.

– Вы из заведения гробовщика?

– Куда лучше, паренек. Я из Съеденных Штатов чертовой Америки, и я могу сделать все, чего ни прикажете.

Подавленный виной и смятением Каупертуэйт с надеждой ухватился за это предложение.

– Как… ваше имя?

– Коготь Макгрош, командир, с вашего разрешения. Черт, и без него тоже. Наречен так, поскольку я покрепче любого моего тезки и вдвое острее. Отдайте свои дела в мои руки и живите без забот. Мы покажем этому городу поминки, и похороны, и прием после них, каких тут не видывали с тех пор, как старичина Генрих Восьмой, играя в кости, выбросил два очка.

Каупертуэйт принял решение. Макгрош был нанят, не сходя с места.

Держа слово, нахальный американец устроил первоклассный кортеж в честь Клайва и Констанции Каупертуэйт. Черного крепа хватило бы на то, чтобы обтянуть Вестминстерский собор сверху донизу.

После такого доказательства Каупертуэйт уверился, что Макгрош и правда не мошенник, а просто человек, нуждающийся в постоянном месте и снисходительном нанимателе. Видимо, Каупертуэйт отвечал всем его требованиям.

Макгрош выполнял свои новые обязанности с лихостью. С тех пор таким же незаменимым он показал себя в сотне случаев, и Каупертуэйт порой видел в нем скорее старшего, более опытного брата, чем слугу.

Его внешность и непринужденность не входили в число его привлекательных качеств. Макгрош был дерзок, саркастичен, а иногда пускал в ход ругательства: отнюдь не рекомендация для хорошего слуги. Он принял манеру одеваться в стиле первопроходцев, своего рода дендизм закоренелых бродяг. Макгрош пренебрегал бритьем, и никто не видел, чтобы он мылся, – недостаток, отчасти компенсировавшийся обильным потреблением туалетной воды наиболее крепкой дистилляции. Макгрош, как он любил напоминать Каупертуэйту через краткие интервалы, был «стодесятипроцентным американцем». Цветистая история его жизни часто приводила Каупертуэйта в недоумение:

каким образом, если принять прошлое Макгроша за типичное, одна нация, пусть даже такая большая, могла включать миллионы подобных индивидуумов.

Макгрош утверждал, что участвовал в экспедиции Стивена Остина на территории, носящей название Техас. («ОВТ», или «Отбыл В Техас», на текущем американском жаргоне означало бегство от преследований закона, и Каупертуэйт прикидывал, не таковыми ли были побуждения Макгроша.) Кроме того, он утверждал, что был принят воином в племя индейцев чикасо после того, как спас жизнь вождю Икке-мотуббе, и охотно сражался против своих собратьев-белых, которые стремились согнать этих индейцев с их соблазнительных земель на Миссисипи. (Перманентный рубец у него на заднице, с энтузиазмом выставляемый на обозрение любой случайной знакомой, как бы ни уклонялась она от созерцания голых мактрошевских ягодиц, якобы являл собой особый племенной знак.) Он похвалялся тем, что в Новой Англии был грабителем, и после долгих упрашиваний показывал, подмигивая, маленький плоский золотой слиток, так называемый слиток контрабандиста, который аккуратно умещался в его жилетном кармашке.

Каупертуэйт так никогда и не узнал, что побудило Макгроша искать постоянного убежища в Англии, но подозревал, что причиной было какое-то незаконное деяние титанического размаха.

В общем и целом человек замечательных пропорций, наименьшую из которых составляла культура, а также товарищ, который, как чувствовал Каупертуэйт, служил противовесом его собственной склонности к мечтательным абстракциям.

Под управлением Макгроша года проходили довольно приятно. Икки и его отец занимались объединенными предприятиями «Каупертуэйт и Брунел» без его участия, обеспечивая Каупертуэйту как пассивному компаньону гарантированный доход и позволяя ему предаваться научным изысканиям. Незачем говорить, что он утратил всякий интерес к дальнейшему развитию транспортных средств на урановой основе.

Обратив свое внимание на вопросы биологии, он полагал, что уж тут ему никакая опасность не угрожает. Собственно говоря, что может быть опасного в экспериментах с крохотными амфибиями?

Но вот размерами со взрослую женщину… Каупертуэйт начал подозревать, что это совсем-совсем другое дело.

3
Человек с серебряным носом

В дни, последовавшие за водворением лже-Виктории на трон, когда май ускользнул в июнь, Каупертуэйт порой переставал верить, что премьер-министр действительно нанес ему столь странный визит в час ведьм или что продукт его лаборатории теперь восседает на царственном престоле, предназначенном для членов ганноверской династии. Слишком уж это смахивало на сон или кошмар, вызванный посещением опиумного притона вроде «Тигриной бухты» или «Полей Голубых ворот» в части города, примыкавшей к Старому порту.

Впрочем, такие периоды сомнений недолго выдерживали натиск суровых и неопровержимых фактов. Саламандровая Виктория больше не жила под кровом де Малле. Белые бархатные подушки в ландо покрывали невыводимые пятна. Депеши о развитии событий Мельбурн присылал ежедневно в инкрустированных шкатулках, в которых обычно доставлялись официальные государственные документы. Привозили эти послания курьеры королевы, особые агенты, которым доверялись самые секретные бумаги.

1 июня

Все еще никаких следов подлинной В. Я поручил поиски нескольким доверенным агентам, внушив им, что они якобы ищут мою незаконнорожденную дочь. Натурально, они начнут прочесывать все наиболее очевидные убежища, включая бордели вроде заведения де Малле. Если они потерпят полную неудачу, возможно, я буду вынужден включить в поиски Ярд.

По вечерам, когда псевдо-В. надежно заперта у себя в опочивальне, я сам рыскаю по многолюдному городу, но до сей поры безрезультатно.

С надеждой,

У. Л.

3 июня

Свел соприкосновение В. с ее министрами до минимума. Объявлено, что «невралгия» королевы препятствует ей принимать участие в государственных

делах. Все церемониальные функции отложены на неопределенный срок. Не верю, что кто-то заподозрил подмену, хотя В. все-таки съела насекомое прилюдно. Я невозмутимо продолжал говорить и рассеял всеобщее ошеломление. Труднее всего отбиваться от фрейлин. Среди них много шпионок Конроя и прочих. Предупредил их, что королева испытывает крайне тяжелый и затянувшийся менструальный период и, вооружившись пистолетом, угрожает пристрелить всякого, кто увидит ее нагую, раздувшуюся от воды фигуру. Фрейлины, все до единой, как будто поняли суть. Однако как долго смогу я убедительно продолжать?

В напряжении,

У.Л.

5 июня

Все еще ни единого луча света. Значительная часть времени, которое я мог бы посвящать поискам, уходит на удовлетворение хищного любострастия В., чтобы держать ее в послушании. Ее неутолимость внушает благоговейный ужас. Я совсем иссушен. Теряю надежду.

В отчаянии,

У. Л.

Каупертуэйт читал эти послания с нарастающей тревогой. Все его эксперименты были отложены и забыты. Даже восьминогие телята из Летчуорта не привлекли его внимания. Его мысли были заняты дилеммой Мельбурна. Дилеммой нации, хотя население в целом даже понятия о ней не имело. Что произойдет, если подлинную Викторию не отыщут ко дню ее коронации? Будет ли тритонша торжественно помазана архиепископом Кентерберийским как королева Англии? Для Англии это обернется похуже, чем папство папессы Иоанны обернулось для римско-католической церкви.

А какие жуткие невзгоды терпит подлинная Виктория? Девушка, которой за всю ее короткую жизнь не разрешалось даже по лестнице подниматься в одиночестве из опасений, что она может споткнуться и упасть. А теперь она бесприютна в урбанистической грязи, именуемой Лондоном. Каупертуэйту не удавалось отгонять от себя новые и новые образы унижений и

осквернений, которые одновременно и тревожили, и странно возбуждали.

В конце концов из-за этих галлюцинаций он почти перестал спать и понял, что ему необходимо предпринять что-то, чтобы избавиться от избытка нервичности. Наука временно утратила свое очарование. Оставалось одно: самому принять участие в поисках Виктории. Иначе его до конца дней преследовало бы чувство, что он не сделал всего, что мог.

Однако сообщать об этом Мельбурну не стоило. Премьер-министр как будто был несколько против дальнейшего втягивания Каупертуэйта в происходящее, а молодой изобретатель как лояльный верноподданный не хотел получить четкое запрещение вносить свою лепту.

Вот почему в один туманный вечер девятый удар высоких напольных часов, украшавших переднюю, застал Каупертуэйта в плаще, накинутом на плечи, нерешительно застрявшим в дверях своего мейфэрского особняка.

Где следует начать поиски? Где в конце концов окажется сбежавшая юная девушка в этой метрополии греха и алчности? Если не считать борделя – а Мельбурн уже все их обыскал… Каупертуэйт вдруг понял, что понятия не имеет.

Каупертуэйт ощутил ладонь на своем плече и, обернувшись, почти столкнулся с Когтем Макгрошем. Его слуга оделся для ночной прохлады, обмотав в остальном обнаженное горло грязным красным платком, и явно намеревался сопровождать Каупертуэйта.

В подтверждение Макгрош сказал:

– Не беспокойся, Кос, все заметано. Я тебя одного не пущу. Я знаю всю трагическую историю – знал с первого же вечера, когда подслушивал у двери кабинета. И хоть мне-то начхать – для урожденного демократного американца, как я, ваша обожаемая монархия одно блям-блям-блям и боле ничего, – я не могу сидеть-посиживать и допустить, чтобы ты лез на рожон всяких опасностей. Тебе требуется, чтоб, когда дело дойдет до дела, рядом с тобой был когтючий кугуарчик вроде меня. Как я сказал Майку Финку, когда мы трюхались на одной барже по Большой Мутной Реченьке: «Майк, в жизни нет ничегошеньки поважнее дружбы». Как раз перед тем, как я вышиб дух из подлого вонючки и свалил его за борт.

Каупертуэйт испытал величайшее облегчение и выразил его тем, что тепло пожал руку Макгроша.

– Ваше благородное предложение принято, Коготь. Так идемте.

Уже на пороге взгляд Каупертуэйта остановился на трости из

ротанга, которая торчала из слоновьей ноги, служившей подставкой для зонтиков, и он схватил ее.

– На всякий случай, – сказал он Макгрошу и подмигнул.

– А не зря, командир? В прошлый-то раз…

– Я ее с тех пор усовершенствовал.

– Будь по-вашему.

Когда они оставили позади себя фешенебельный квартал, который Каупертуэйт избрал местом своего проживания, улицы все более и более наполнялись горожанами всех пошибов: слепые нищие, элегантные дамы, уличные шлюхи, шарманщики, поводыри танцующих медведей, субъект с передвижным тиром, в котором стрельба велась пульками из пружинных ружей, а мишени двигались при вращении рукоятки, как платформа на письменном столе Каупертуэйта. Между двумя девчушками, торговавшими спичками, завязалась драка, и одна опрокинула другую в колоду с водой для лошадей. Это был наименее примечательный эпизод из тех, свидетелями которых непрерывно становились Каупертуэйт и Макгрош. Когда они дошли до Окефорд-Серкес, Макгрош знаком показал, что им надо перейти улицу. Каупертуэйт заколебался.

Подлинные лондонские улицы в подавляющем большинстве представляли собой широкие сточные канавы и мусорные свалки. Отбросы и навоз слагались в препятствия глубиной по щиколотку. Этот феномен породил зарабатывающих на нем «уличных метельщиков» – бездомных мальчишек и девчонок, которые за малую мзду разметали перед обывателем тропочку поперек улицы. Видя, что его хозяин не решается погрузить свою обувь в эту грязь, Макгрош тут же нанял метельщика.

– Эй ты, рыжая башка! Давай расчисть нам дорогу!

Босой мальчуган, которому адресовалось это обращение, тотчас подбежал к ним. Одет он был в лохмотья, ему недоставало нескольких зубов, однако он широко улыбался и излучал простодушное счастье. Его единственное имущество, видимо, исчерпывалось метлой, обтрепавшейся почти по самую палку.

Почтительно сняв шапчонку, он сказал:

– Кликуха Типтопф, джентльмены. Разумные цены и быстрые услуги, такой вот мой девиз. Всякий раз, как окажетесь поблизости, обращайтесь ко мне.

Без дальнейших предисловий мальчуган вступил босыми ногами в жидкое месиво и принялся рьяно мести. Каупертуэйт и Макгрош следовали в его кильватерной струе.

На той стороне улицы Каупертуэйт спросил:

– Сколько?

– По пенсу с рыла, если вам подходит, джентльмены.

Каупертуэйт вручил мальчугану шиллинг.

От такой переплаты метельщик впал в экстаз.

– Спасибочки, хозяин, спасибочки. Ну уж и элегантно я нынче пошамаю.

Каупертуэйт и Макгрош пошли дальше. Изобретателя мальчуган, видимо, растрогал, и наконец он счел нужным высказаться по этому поводу:

– Вот пример теории просачивания материального благополучия [3], Коготь. Благодаря плодам, приносимым предприятиями «Каупертуэйт – Брунел», я получаю возможность повышать доход тех, кто не столь взыскан судьбой. Вздымающийся прилив поднимает все корабли.

– А я слышал, как энто самое просачивание сравнивали с воробьем, которому достается весь непереваренный овес в лошадином дерьме.

– Грубая и неточная аналогия, Коготь. В любом случае благодаря науке придет день, когда улицы Лондона будут очищены от органических отбросов, а такие бедные оборвыши, если они вообще сохранятся, будут поддерживаться богатым и благодетельным государством.

– Эйюх, – лаконично отозвался Макгрош.

Около получаса они продолжали свой путь в молчании по влажным улицам – в такую погоду Виктории-самозванке не понадобился бы ее пульверизатор, – и наконец Каупертуэйт сообразил осведомиться, куда, собственно, они направляются.

– Ну, – сказал Макгрош, – я так полагаю, старику Навозингу всегда нужны люди крутить ножные мельницы. Может, вашу дамочку спровадили туда.

Каупертуэйт умудренно кивнул, хотя так ничего и не понял.

По мощенным булыжниками улочкам, мимо оборванных бесформенных фигур, привалившихся к разбитым дверям в сумрачных арках, игнорируя протянутые руки и более сладострастное клянченье оборванных прохожих, следовал Каупертуэйт за Макгрошем. Казалось, они двигались в направлении Темзы. И Каупертуэйт не сдержался:

– Куда мы, собственно, идем, Коготь?

– На насосную станцию Навозинга.

Вскоре воздух перенасытили миазматические запахи реки, которые струились по городу подобно жидкой свалке. Вода плескала через невидимые опутанные водорослями ступеньки где-то рядом. Каупертуэйт услышал приглушенные удары весел, предположительно одного из речных мусорщиков, которые добывают скудное пропитание, вылавливая из реки различные предметы – не исключая и человеческие трупы.

В смрадном тумане замаячило какое-то здание. В щели ставен пробивался свет. От здания исходило непонятное погромыхивание, словно там работали огромные машины. Макгрош постучал загадочным стуком. Пока они ждали отклика, слуга успел объяснить Каупертуэйту характер предприятия своего друга:

– Навозинг прослышал, что требуется кто-то, чтоб поставлять воду в энти новые особнячки в Белгрейвии. Ну, он положил на кое-какие лапы старички-дублончики и получил контракт. И с тех пор обзаводится все новыми клиентами. А каждый клиент, конечно, требует дополнительной рабочей силы.

Каупертуэйт был поражен.

– В Белгрейвии пьют воду из Темзы? Так ведь это же одни миазмы.

– Да нет, ничего такого страшного. С тех пор как во всасывающих трубах установили решетки, ничего крупнее крысы они не засасывают.

Дверь отворилась, и высунулась воинственная рябая и бородатая рожа. Прищурившись, открывший узнал Макгроша.

– Входи, входи, Коготь. Новенький доброволец для ножной мельницы, как погляжу. Ему требуются еще уговоры? – Навозинг взмахнул увесистой дубинкой.

– Вот уж нет, старина. Энто мой кореш Космо. Ищет свою дамочку и подумал, может, она украшает твое заведение.

– Ну так пускай посмотрит. Только чур, не сбивайте их с ритма, а то напор слабеет, и их милости жалуются.

Навозинг проводил своих гостей через затянутые паутиной аванзалы в тускло освещенный пещерообразный главный зал. Здание это, вероятно, прежде было пивоварней или складом. Однако теперь поперек пола площадью примерно в четверть акра протянулись пять дюжин ножных мельниц, подсоединенных сложной системой передач, кулачков и шатунов к ряду огромных насосов. Мельницы приводили в движение изможденные оборвыши, прикованные цепями к своим местам. Вооруженные хлыстами надсмотрщики расхаживали взад-вперед, применяя уговоры, если происходила заминка.

Каупертуэйт гневно обернулся к Навозингу:

– Христос мой! Это же, любезный, полное варварство! Паровая машина, от силы две, легко превзойдут всех этих бедняг.

Навозинг погладил густо волосатый подбородок.

– А капиталовложения, братец? Чертовы насосы и так меня разорили. И к тому же чем бы эта голь разнесчастная занимала свой досуг? Напивались бы до бесчувствия и валялись в канавах. А тут у них есть крыша над головой и в день три еды, хотя обычно

из того, что налипает на решетки.

Макгрош положил руку на плечо Каупертуэйта.

– Сейчас не время для социальных реформ, Кос. Нам надо найти дамочку. – И они стали расхаживать между рядами, высматривая пропавшую королеву. Для уточнения Каупертуэйт захватил с собой ее силуэт, который вырезал из газеты.

Безрезультатно. Навозинг пригласил их осмотреть спящую вторую смену, что они проделали очень быстро, торотись покинуть пропахший уриной и кишащий клопами дор туар.

Навозинг проводил их до двери.

– Не забудь, Коготь, десять шиллингов за голову. Город этот до того разрастается, что мне через год не миновать удвоить насосы.

Дверь захлопнулась за их спинами, и Каупертуэйт минуту постоял в неподвижности, ошеломленный и обескураженный тем, что увидел. Подобные трясины и клоаки бесчеловечности! Как можно даже думать, что королева все еще жива, невредима и может быть отыскана? Задача выглядела безнадежной…

Макгрош зашептал на ухо Каупертуэйту:

– Не подавай виду, но за нами кто-то следит. Слева от тебя, вон за теми ящиками.

Каупертуэйт медленно повернул голову. Блеснуло что-то серебряное.

– Беру на себя, – шепнул Каупертуэйт, поднял трость и добавил громко: – Выходи и назовись, любезный!

Из тени появился гигант. Смуглый сын Индии, он выглядел на все семь футов, хотя частью такого роста, возможно, был обязан многослойному головному убору. Одетый в пестрые шелка, он щеголял кривой саблей на боку.

– Святый Энди Джексон! [4]

– Ничего не бойся, – возгласил Каупертуэйт дрожащим голосом. Изобретатель поднял свою трость и нажал на пружинку в набалдашнике. Нижняя часть трости унеслась прочь, прихватив и скрытое лезвие, а Каупертуэйт остался с набалдашником в руке.

Они ждали, что вот индус шагнет вперед и обезглавит их обоих одним могучим ударом.

Вместо этого к головорезу в тюрбане присоединился еще некто.

Человек-с-Серебряным-Носом. Лорд Чатинг-Пейн.

На исходе пятого десятка Чатинг-Пейн сохранил атлетическое телосложение олимпийца. Безупречно одетый,владелец обширного фамильного поместья Каркинг-Фарделс, когда-то он слыл самым красивым мужчиной своего поколения. Было это до его дуэли с австрийским бароном

Леопольдом фон Шиндлером.

Как-то вечером в году 1798-м восемнадцатилетний Чатинг-Пейн, единственный отпрыск своего древнего рода, угощал обедом всевозможных послов в чаянии осуществления своих честолюбивых политических надежд. На обеде присутствовал и его государь, сумасшедший король Георг Третий. Австрийский барон фон Шиндлер, под хмельком, и отличаясь вздорностью нрава, с тевтонским остроумием раскритиковал вина Чатинг-Пейна перед его августейшим почетным гостем. Беспредельно оскорбленный Чатинг-Пейн немедля вызвал фон Шиндлера стреляться с двадцати шагов.

Фон Шиндлер, показав себя трусом и подлецом, выстрелил, когда Чатинг-Пейн еще поворачивался, и отстрелил ему нос.

Презирая каскады крови, струившейся по его лицу, Чатинг-Пейн тут же хладнокровно просверлил сердце фон Шиндлера.

Ювелирная фирма «Ранделл, Бридж и Ранделл» – создатели новой короны легкого веса для использования в приближающейся коронации хрупкой Виктории – была приглашена растопить малую толику семейного серебра и изготовить серебряный нос-протез взамен утраченного Чатинг-Пейном носа из плоти и крови. Ювелиры употребили все свое искусство, и результат их трудов был поистине чуждом. Приклеенный гуттаперчей, этот нос, как говорили, был Способен взволновать самую пресыщенную женщину.

Однако обретением нового носа дело отнюдь не завершилось. Под давлением австрийцев король Георг отдал Письменное распоряжение об аресте Чатинг-Пейна, и тот был вынужден бежать из страны. Как рассказывали, в конце концов он оказался в Индии в провинции Майсур, в то время все еще независимого княжества. Повернувшись спиной к своей родине, Чатинг-Пейн присоединился к магарадже Типу-Сагибу и его французским подстрекателям против англичан. Он прожил в Майсуре год, пока княжество не было захвачено объединенным наступлением английской армии и войска маратхов.

Бежав из осажденного Серингапатама, Чатинг-Пейн затем путешествовал по другим независимым индийским государствам – Синду, Раджпутане, Пенджабу – до смерти Георга Третьего в 1820 году. Каким-то образом он приобрел достаточное состояние, чтобы подкупить короля Георга Четвертого и добиться отмены давнего распоряжения о своем аресте. Он вернулся на родину более десяти лет назад – окутанный загадочностью Востока, осмугленный солнцем, скорее черномордый, чем лимонщик [5].

Несправедливо обездоленный дедом Виктории Чатинг-Пейн проникся сокрушающей ненавистью ко всему их роду. Как

Мельбурн дал понять Каупертуэйту, этого человека более чем устроил бы любой скандал вокруг трона.

– Мистер Каупертуэйт, если не ошибаюсь, – сказал сереброносый лорд странно резонирующим голосом. – Не думаю, что мы когда-либо имели удовольствие познакомиться. Мое имя, полагаю, вы знаете. Разрешите представить вам моего слугу Ганпатти.

Ганпатти поклонился, Каупертуэйт что-то просипел. Эта необычайная пара совершенно выбила его из седла.

– Что увело вас так далеко от ваших реторт и перегонных кубов, мистер Каупертуэйт? Ищете новых амфибий для новых опытов в мутной тине? Кстати, а где сейчас находится ваше последнее творение? Я заметил, что у де Малле ее больше нет.

– Она… Мне… То есть…

– Не важно, она ведь не единственная пропавшая уникальная особа. Во всяком случае, так докладывают мои соглядатаи.

– Я… я не понимаю, о чем вы…

– Да неужели? Позволю себе не согласиться. Собственно говоря, полагаю, мы оба заняты одними и теми же поисками, мистер Каупертуэйт. Чтобы оставить в неведении весь этот сброд, будем между собой называть ее Ви, согласны?

– Вы… вы галлюцинируете.

– Отнюдь, мистер Каупертуэйт. Хотя не могу утаить, что ваш меднолобый болван-слуга, видимо, незаконнорожденный отпрыск дикаря Нового Света и бородавочника, действительно напоминает некоторые из моих наименее приятных кошмаров.

– Щас я тебе покажу, Жестяная Рожа! Давай на кулаки. Чатинг-Пейн подергал свои белые перчатки, чтобы они плотнее облегали руки.

– Скажите вашему слуге, Каупертуэйт, что последний, кто вступил со мной в кулачный бой, теперь кормит могильных червей и что ему лучше держаться подальше от тех, кому он неровня. Ганпатти, подай экипаж. Мистер Каупертуэйт, пока прощайте. Я чувствую, что наши пути опять «крестятся.

Минуту спустя фаэтон лорда Чатинг-Пейна загромыхал прочь. Каупертуэйт почувствовал, как к нему понемногу возвращается способность мыслить, и испытал горькое унижение из-за того, что позволил Чатинг-Пейну обойтись amp;ним и с Макгрошем столь презрительно.

Видимо, не менее смущенный, Макгрош сказал:

– А я думал, вы сказали, что усовершенствовали энту вашу трость.

– Я осуществил то, что намеревался, – величественно возразил Каупертуэйт. – Если бы она поразила этого ласкара, так

он бы рухнул замертво.

– На будущее советую тактику попрямее, Кос. Ганпатти энтот не из тех, кого подшибешь летающей палкой.

– Совет учтен, Коготь.

4
Женщина по имени Отто

Каупертуэйт намазал мятный джем на булочку. Прозрачная зеленоватая субстанция напомнила ему икорный мешок гуляки. Он еще не забыл трепетный экстаз, который испытал, получив от своего американского компатриота С. Д. Гулда, гарвардского профессора, ящик со стеклянными пробирками, наполненными свежей икрой гуляк и уютно покоящимися в деревянных подставках, засыпанных опилками и обложенных соломой для трансатлантического путешествия. А после – множество ночей, занятых лихорадочными экспериментами, бесчисленные неудачи и тератологические [6] кошмары, которые приходилось уничтожать, уточнение приемов, доведение очистки до совершенства – все, что привело к созданию несравненного чуда, которым явилась Виктория… Его захлестнула волна грусти и ностальгии. Увидит ли он когда-нибудь вновь свое творение, или она останется навеки замурованной внутри Букингемского дворца, рабыней государственных нужд?

Единственный выход – отыскать подлинную Викторию, существо не менее сказочное, чем ее земноводная копия. Где, о, где она может быть? В течение трех дней после их визита к Навозингу Каупертуэйт ломал голову и напрягал мозг, пытаясь вообразить, в каком убежище могла она укрыться, но тщетно. Даже и в эту минуту Макгрош по распоряжению Каупертуэйта обыскивал столицу в поисках.

В дверь кабинета загремел стук. Каупертуэйт одернул под халатом свой натуропатический корсет, поправил шелковый шарф, окутывавший шею, и отозвался:

– Да? Кто там?

Дверь распахнулась, и вошел Макгрош, толкая перед собой гнусного субъекта. Субъект всеми пальцами обеих рук выставлял перед собой мятую фуражку, прижимая ее к груди почти у горла. Такая позиция его головного убора определялась тем, что правая рука у него имела в длину всего несколько дюймов. В компенсацию его нормальная рука являла собой грузное чудо мускулатуры.

– Кос, энто вот Короткоручка. У него швейное заведение в Севен-Дайлс. Короток, расскажи командиру, что рассказал мне.

Короткоручка попытался придать своим чертам подобие невинного простодушия, но только приобрел сходство С лисой, чью морду облепили куриные перья.

– Это, значит, так вот. Есть у меня дочка, такая милашечка…

– Бедняжка у него от старшей дочки, так что она ему приходится и внучкой, – перебил Макгрош.

Каупертуэйт брезгливо поморщился.

– Да-да, продолжайте.

– Это, значит, ей уже шесть сровнялось, так я подумал, ена уже в возрасте свой хлеб отрабатывать. Не то пришлось бы ей кушать воздушный пирог, если понимаете, о чем я. Ну, я и посадил ее в мастерскую брюки шить…

Тут перебил Каупертуэйт:

– Вам, конечно, известно, что таким образом вы прямо нарушили Фабричный закон лорда Олторпа, касательно найма несовершеннолетних.

Короткоручка наморщил лоб в искреннем недоумении.

– Да вроде бы я, сэр, ни про какой Фекричный закон не слышал, и она у меня как раз совершенно летом родилась…

Каупертуэйт вздохнул.

– Прошу вас, продолжайте.

– Ну, значит, вечером, к семи дело шло, как раз, когда девочки работу кончали и получали на заедки ремня, врываются, значит, эти две бабы. Одна, дама постарше, а лицо остроносое, сразу видать, что добродейка, ну, я и понял, что плохо мое дело. Другая так вроде много помоложе, но точно не скажу, потому как на ей вуаль была, да не кружевная, а вроде из муслина, и дырки для глаз прорезаны.

Я и оглянуться не успел, как старшая стервоза… звиняюсь, сэр, дама, завернула мою хорошую руку с ремнем мне за спину, чуть не сломала. Сильна, черт!

«Сестры, – говорит она, – я здесь, чтоб предложить любой из вас, кто захочет, убежище в моей школе. Кто из вас пойдет со мной?» Не успел я и глазом моргнуть, как все мои девочки вопят-надрываются: «Меня, меня! Я пойду, меня возьмите!» Даже собственные мои две дочки вопили в этом трагическом хоре.

Короткоручка умолк, похлюпал носом и утер слезу.

– Выразить не могу, хозяин, как меня в самое нутро это поразило. Только подумать, сколько внимания, и денег, и жратвы самого высокого качества я на них тратил, и чтоб они так против меня пошли. В самое сердце ранило.

– Коготь, не понимаю, какое все это имеет отношение к нашим поискам…

– Потерпи, Кос, сейчас-сейчас! – Макгрош ткнул Короткоручку, и тот продолжил свой рассказ:

– Старшая поворачивается ктой, что под вуалью, и говорит: «Викки, проводи девушек к экипажам». А как моя мастерская

опустела, она пинает меня так, что я бьюсь головой об стену. Прочухался только через полчаса, а их тогда и след простыл.

Едва Каупертуэйт услышал имя помощницы под вуалью, по его нервам пробежала молния. Стараясь не выдать своего нетерпения, он порылся в кошельке, чтобы вознаградить владельца потогонной мастерской, и извлек пятифунтовую банкноту.

– Черт, пятерочка! Премного вам благодарен, сэр. Этого будет достаточно, чтоб пополнить мою рабочую силу, так сказать. – Короткоручка повернулся, чтобы уйти, но остановился. – Э, коли отыщете моих девочек, старшая ваша, и на здоровье. Она маленько поистрепана. А вот младшенькая… – Короткоручка непристойно почмокал губами.

Каупертуэйт взвился со стула.

– Коготь, вышвырни это животное, пока я не выдрал его хорошенько!

Макгрош поднял Короткоручку за штаны и рубаху.

– Я только этих слов и ждал, Кос.

Когда Макгрош, вышвырнув их посетителя, вернулся, Каупертуэйт расхаживал по кабинету, потирая руки. Он остановился и ухватил Макгроша за локоть.

– Коготь, все становится на свои места. Королева, обескураженная замороженной неподвижностью своего правительства и своей удаленностью от простого народа, вступи-;ла в союз с самостоятельной благотворительницей и теперь собственноручно ищет исцелять беды своих подданных! ˆ благородный порыв, указывающий на возвышенность ее натуры, однако мы должны найти ее и убедить, что, восседая на троне, она сможет творить больше добра.

Макгрош задумчиво потер обросший подбородок. – Думается, это труда не составит, Кос. Школу, где умещаются десятки девчонок, от соседей не утаишь.

– Вот именно, Коготь. Так начнем наши розыски.

И к вечеру того же дня вдохновенные разнюхивания Макгроша увенчались успехом. Каупертуэйт сжал в руках Картонку с именем, фамилией и адресом поблизости от Кенсингтона:

ЛИЦЕЙ И ГИНОКРАТИЧЕСКАЯ МИССИЯ
ЛЕДИ ОТТОЛИН КОРНУОЛЛ
НОМЕР ДВЕНАДЦАТЬ НОТТИНГ-ХИЛЛ-ГЕЙТ
ОБРАЗОВАНИЕ, ОСВОБОЖДЕНИЕ, ПОДДЕРЖКА
«SORORAE SE FACIUNT ID» – SAPPHO[7]

Каупертуэйт поспешно выхватил из подставки для зонтиков у

двери большую кленовую трость.

– В путь, Коготь, пока еще светло. Макгрош подозрительно уставился на трость.

– Просто тросточка для прогулки, Кос, или опять какая-то адская машина?

Каупертуэйт хихикнул.

– Боюсь, второе, Коготь. Смотрите! – Каупертуэйт отодвинул заслонку, и открылся крупнокалиберный патрон. – Спусковой крючок вот тут, в набалдашнике. Держу пари, даже образчик сверхчеловека вроде Ганпатти не сумеет так просто отмахнуться от подобного заряда.

– Авось сегодня мы не напоремся на энтого нехристя с полотенцами, наверченными на башку. А пока не тыкай этой своей тростью в беззащитного торговца, если он запросит пару лишних пенсов за свой товар, как у тебя в заводе.

Пара покинула особняк Каупертуэйта. На тротуаре они узрели знакомое лицо – щербато-улыбчивую физиономию Типтопафа, маленького уличного метельщика.

– Приветик, добрый сэр. Я видел, как ваш человек шастал по городу, ну и взял на себя смелость выследить его досюдова. Квартальчик очень даже и вроде бы без метельной конкуренции. Так что я тут и обоснуюсь.

– Божьи стигматы! Вы… вам нельзя устраивать биваку моих дверей. Это же все-таки Мейфэр, а не Ковент-Гарден. Что скажут соседи?

– Уж конечно, они останутся у вас в неоплатном долгу, сэр, что вы обеспечили помощь для сохранения обуви чистой.

Демонстрируя свою полезность, Типтопф выскочил на мостовую и принялся разметывать большую кучу накопившихся отбросов, посылая залпы навоза направо и налево, забрызгивая пешеходов, которые останавливались, чтобы поразмахивать кулаками и изрыгнуть бранные эпитеты.

– Прекратите, прекратите, достаточно! Послушайте, не возьмете ли вы эти деньги и не уйдете ли отсюда?

– Звиняюсь, сэр, только мне надобен твердый доход, так уж я порешил.

– Ну хорошо, хорошо. Дайте подумать… Вы имеете что-нибудь против того, чтобы жить в моей конюшне с Лошадьми?

– Лошади – это же мой хлеб с маслом, как говорится, сэр. Ничего против не имею.

– Отлично. Будете жить в конюшне и получать еду, а также еженедельное пособие при условии, что заниматься своей профессией вы будете где-нибудь в другом месте.

– Идет. С условием, что вашей чести мои услуги будут

предоставляться немедля и безочередно.

Они закрепили сделку рукопожатием. Затем Каупертуэйт сказал:

– Я не могу долее медлить тут. Мы идем искать женщину.

– С этим я тоже могу поспособствовать.

– Нет-нет, мы обойдемся. А пока всего хорошего, Типтопф.

– Дозвольте мне немножко сопроводить вас, сэр.

Во главе с Типтопфом, вертевшимся с метлой, будто дервиш, Каупертуэйт и Макгрош направились в сторону Кенсингтона, расставшись со своим эскортом в окрестностях Гайд-парка, где слияние нескольких транспортных потоков обеспечивало его метлу плодотворной деятельностью.

Номер двенадцать по Ноттинг-Хилл-Гейт оказался внушительным зданием в раннем георгианском стиле с чисто вымытым крыльцом и накрахмаленными занавесками на окнах, не позволяющими заглядывать внутрь. Воспользовавшись дверным молотком в форме лабриса, ил и двойной критской секиры, Каупертуэйт возвестил о своем желании войти. Вскоре дверь полуотворила пожилая горничная – ровно на ширину короткой, но крепкой цепочки.

– Мужчинам посещения возбраняются, – сказала она и захлопнула дверь.

Каупертуэйт растерялся и слегка рассердился.

– Послушайте… – И он снова застучал. Дверь снова отворилась, на этот раз открыв толстый ствол большого старинного пистолета, целящегося ему в лоб.

Суровый, хорошо поставленный женский голос произнес:

– Быть может, вы не поняли слов моей горничной. Мы не разрешаем мужьям, отцам, братьям, дядьям, нанимателям или любовникам доступа сюда. Мы приняли вашу жену, дочь, сестру, племянницу, нанятую или любовницу в трагическом положении, каковое ваше присутствие только усилит и усугубит. Теперь вы удалитесь, или мне придется прострелить вам голову?

Гнев Каупертуэйта возобладал над страхом.

– Сударыня, я не знаком ни с кем из девиц или дам под вашей опекой, если только одна из них не окажется той, кого я ищу. Мое имя Космо Каупертуэйт, и я всего лишь хочу поговорить с вами о… э… пропавшей супруге одного моего друга.

Пистолет опустился.

– Вы сказали – Каупертуэйт?

– Да, так я именуюсь.

– Автор монографии «Половой диморфизм у иглокожих на примерах Asteroidea и Holothurioidea [8]?

– Он самый.

– Одну минуту.

Дверь захлопнулась, цепочка зазвякала, дверь широко распахнулась.

Открылась внушительная женская фигура. Облаченная в странный белый хлопчатобумажный балахон, завершавшийся на локтях и коленях, эта дама отличалась шестифутовым ростом, пышной грудью и очень большими кистями и ступнями. Полосатые фильдеперсовые чулки и практичные башмаки на низком каблуке довершали ее наряд. Волосы были загнаны под простой чепчик. Серые глаза излучали жгучий ум. Полные неподкрашенные губы изгибались в улыбке. Она покачивала опущенным пистолетом.

– Вы и ваш слуга можете войти, мистер Каупертуэйт. Но не забывайте, что вы здесь только потому, что я делаю вам одолжение, и вы можете быть вышвырнуты – или хуже того, – если заслужите это недостойным поведением.

Каупертуэйт был несколько смущен откровенным костюмом этой странной женщины, но попытался подстроиться к ее пренебрежению условностями.

– Сударыня, заверяю вас, вы имеете дело с двумя джентльменами высочайшей добропорядочности и общественного положения.

– Когда подумаешь о делах, ежедневно творящихся именем общества, это определение – не такая уж хорошая рекомендация. Но входите же, прошу вас.

Переступив порог, Каупертуэйт сказал:

– Полагаю, я имею честь говорить с владелицей этого введения?

– Разумеется. Я леди Оттолин Корнуолл, и это моя школа. Быть может, вам будет интересно взглянуть на нее в действии?

– Безусловно. Меня уже крайне заинтриговало то, что я услышал о ваших методах привлечения учениц.

– Отчаянные времена требуют отчаянных мер, мистер Каупертуэйт. Я не из тех, кто верит, будто пассивными сетованиями и бездеятельным сидением сложа руки можно чего-то достигнуть. Когда я вижу зло, я прилагаю все силы к его исправлению. В этом мире много зол, но я ограничиваюсь смягчением горького жребия женского пола. Я вложила все семейное состояние в это учебное заведение, предназначенное для помощи несчастным девушкам и девочкам всех слоев общества. Из трущоб Ламбета до гостиных моего собственного фешенебельного квартала я забираю поруганных и замученных и стараюсь привить им сознание того, чего они стоят на самом деле.

Леди Корнуолл уже привела их к закрытой двери, в которую теперь тихонько постучала, а затем открыла ее. Каупертуэйт увидел ряды парт, за которыми сидели девочки и девушки разного возраста, все одетые совершенно так же, как их директриса. Перед классом стояла учительница. Каупертуэйт впился в нее глазами, ища сходства с пропавшей королевой, но был разочарован.

– Тут вы видите часть учениц, делающих уроки. Латынь, греческий, французский, география и еще многие предметы, в особенности естественные науки. Для этих последних мы пользуемся некоторыми вашими монографиями, мистер Каупертуэйт.

Каупертуэйт был польщен и не знал, куда девать глаза от смущения.

– Я… это меня изумляет, леди Корнуолл. Мои монографии не предназначались для профанов… э… профанок.

– Нашим девочкам они вполне по плечу. Благодарю вас, мисс Фэрберн, можете продолжать.

Закрыв дверь класса, леди Корнуолл повела их дальше в обширный бальный зал. Он был полон всевозможных гимнастических приспособлений: гантели, скакалки, боксерские груши. Тючки сена с мишенями на них позволяли девочкам упражняться в стрельбе из лука, буде они того пожелают.

– Я не оставляю в небрежении и физическое развитие. моих подопечных. Восемь часов сна еженощно в наших хорошо проветриваемых дортуарах, обилие здоровой пищи и физических упражнений, а также разумная практичная одежда – никаких корсетов или стеснительной обуви – творят чудеса с их представлениями о самих себе.

Когда Макгрош увидел лук и стрелы, его лицо просияло.

– Прах меня побери! Я ни лука, ни стрелы в руки не брал, как ушел от чикасов! Э-эй, мисси, не так вы его держите. Дайте-ка я покажу вам, чему вождь Иккемотуббе научил меня.

Тут же Макгроша окружили полные энтузиазма юные амазонки. Высунув язык из уголка рта, он послал стрелу в яблочко. Затем нагнулся, обратил к мишени свои филейные части, выстрелил у себя между ногами, и вторая стрела расколола первую.

Аплодисменты и восторженные крики заполнили зал. Леди Корнуолл сказала:

– Ваш слуга как будто нашел себе занятие. Может быть, мы удалимся ко мне в кабинет и обсудим, что вас привело сюда?

– Весьма охотно.

Сидя в святая святых леди Корнуолл, держа рюмку красного

портвейна, Каупертуэйт обозрел грозную даму, прежде чем заговорить. Она произвела на него глубочайшее впечатление остротой ума и силой воли. Он знал, что должен выбирать слова с осторожностью, чтобы не разгневать и не оскорбить ее.

– Леди Корнуолл…

– Простите, я презираю титулы. Называйте меня Отто. А я буду обращаться к вам тоже по имени.

– Да… э… Значит, Отто. Отто, разумно ли предположить, что вы с одобрением и надеждой ожидаете вступления на престол нашей новой королевы как пример компетентности женского пола?

Леди Корнуолл презрительно фыркнула.

– Миновал год, а она пока не доказала, что представляет собой что-то сверх куколки виконта Мельбурна. Я еще сохраняю надежды. Но чтобы заслужить их, ей придется сделать что-то большее, чем до сих пор.

Каупертуэйт изучал глубины своего портвейна.

– А если бы я сказал вам, что королева в желании утвердить свою независимость убежала из дворца?

Леди Корнуолл стремительно вскочила.

– Я закричала бы «браво»!

– Прошу вас, Отто, успокойтесь. Хотя гипотетическое бегство королевы созвучно романтической стороне вашей натуры, оно, если вы взглянете с практической точки зрения, дает больше причин для сожалений, чем для радости. Если мы не хотим видеть, как королева лишится трона, ее следует уговорить вернуться на него.

Опустившись в свое кресло, леди Корнуолл почтила Каупертуэйта взвешивающим взглядом и сказала:

– Но в каком отношении это может касаться меня и моей школы?

Отбросив все тонкости, Каупертуэйт сказал:

– У меня есть причины полагать, что у вас служит женщина под вуалью, называемая Викки. Не может ли она быть той, о ком мы говорим?

– Что, если я отвечу вам «нет»? Тогда, полагаю, вы потребуете от меня представить бедняжку Викки вам на обозрение, чтобы вы убедились. С какой стати я должна подвергать бедняжку Викки вашему мужскому самовластию?

Каупертуэйт не нашел ответа. Леди Корнуолл просверлила его взглядом, а потом сказала:

– Космо, я уважаю вас как человека науки, мужчину, чей интеллект и самоконтроль возвышают его над животным уровнем его пола.

От этих слов Каупертуэйт затрепетал: что она о нем подумает, если узнает про Викторию-тритоншу и о том, как он удовлетворял с ней свои низменные плотские страсти?

– А потому я позволю вам поговорить с моей Викки, но при одном условии. Вы сейчас же сопроводите меня для выполнения миссии, которая, быть может, откроет вам глаза на истинное положение женщин на этом острове. Что скажете?

– Ну, если это единственный способ…

– Да.

– Я согласен.

– Превосходно! – Леди Корнуолл встала, сняла с крючка платье и непринужденно надела его. Сменила обувь, затем сняла чепчик, высвободив длинные каштановые локоны. Нахлобучив на голову плоскую соломенную шляпу и схватив ридикюль, она сказала:

– Ну так пошли.

– Но мой слуга…

– Вы боитесь отправиться без сопровождения туда, куда я отправляюсь одна?

– Отнюдь!

– Тогда в путь.

Выйдя через черный ход, Каупертуэйт и леди Корнуолл направились к остановке омнибусов и вскоре уже катили по городу.

– Куда мы, собственно, едем?

– В Бартоломью-Клоуз на Смитфилдском рынке, центральной бирже краденых вещей.

Каупертуэйт нервно потрогал свою трость.

Они высадились у обветшалого трехэтажного здания с остатками претенциозной отделки, нижний этаж которого служил мясным рынком. Каупертуэйт почувствовал себя дурно от вида такого количества сырого красного мяса и запаха крови животных.

– Мы ищем Лайзу, цветочницу. Обычно она стоит здесь, хотя сейчас я ее не вижу. Я много недель убеждала ее родителей отдать девочку в нашу школу. И чувствую, они вот-вот согласятся.

– И что теперь?

Леди Корнуолл прижала ладонь к подбородку.

– Придется отправиться к Лайзе домой. Пропетляв по зловонным проулкам, они наконец вышли к ветхому трущобному дому. Леди Корнуолл без колебаний вошла внутрь, Каупертуэйт нерешительно последовал за ней.

Наверху в темном коридоре, куда свет еле просачивался сквозь затянутое паутиной грязное оконце, директриса постучала

в какую-то дверь.

Дверь чуть приоткрылась, и наружу высунулась бородатая, чумазая физиономия.

– Которая семья? – спросил мужчина ворчливо.

– Боффифлоу.

– Значит, один пенс за проход через жилье Суиндлов, один пенс Скрупсам и третий пенс Снайпам.

– Хорошо. Мы заплатим. Теперь впустите нас. Мужчина открыл дверь во всю ширину. Они вошли. Освещенная свечой комнатушка вмещала четыре семьи и их скудный скарб. Вышестоящие Суиндлы занимали четверть, ближнюю к входной двери, а потому сборов не платили. Затем следовали Скрупсы, затем Снайпы. Низшую ступень занимали Боффифлоу, жавшиеся – мать, отец, детишки и подростки – в самом дальнем углу.

Раздавая пенсы, они добрались до Боффифлоу.

Папаша Боффифлоу, обрюзглый субъект, сидел в колченогом кресле, нянча фонарь под глазом. Леди Корнуолл встала перед ним.

– Где Лайза?

– Да на своем тюфяке нюни распускает.

– Почему она сегодня осталась дома?

– Так цветами ж она ничего не зарабатывала, а потому я решил впредь посылать ее калекой.

– Калекой?… – Леди Корнуолл бросилась к тюфяку и подняла на руки бесчувственную девочку.

Новехонькую культю левого запястья Лайзы обматывали окровавленные тряпки. Леди Корнуолл застонала:

– И я уговаривала этих дикарей! Теперь до конца моих дней я буду жить с этим грузом на моей совести!

Она повернулась к двери, все еще держа девочку на руках. Боффифлоу преградил брюхом дорогу директрисе.

– Э-эй! Куда это вы тащите мою дочку… Каупертуэйт не успел вмешаться: грохнул пистолетный выстрел, и Боффифлоу рухнул назад в свое кресло с простреленным нутром.

Рука леди Корнуолл задержалась в ридикюле, испускающем пороховой дым через дыру, которую пистолетная пуля пробила изнутри.

– Кто-нибудь еще возражает? – спросила она. Мистер Снайп опасливо вышел вперед.

– Только не мы, сударыня, коли получим наш пенс за проход назад.

– Космо, займитесь этим.

Дрожащими пальцами Каупертуэйт уплатил требуемые сборы.

Возвращение в номер двенадцать Ноттинг-Хилл-Гейтс Каупертуэйт пережил будто во сне. Только когда он обнаружил, что снова сидит в кабинете леди Корнуолл и успокаивает нервы ромом с фруктовым соком, реальность начала обретать положенные ей измерения.

Леди Корнуолл вернулась, проводив лекарку, перевязавшую раны Лайзы, и сказала:

– Атеперь, Космо, я выполню мою сторону нашего договора. Вот женщина, которую вы хотели увидеть.

Каупертуэйт едва мог сдержать волнение при виде женщины под вуалью. Наконец-то подлинная Виктория будет возвращена на трон, а ему вернут его Викторию…

Женщина медленно подняла муслиновую вуаль.

Сперва Каупертуэйт просто не мог поверить, что видит человеческое лицо, не говоря уж – женское. Это скопление ожоговых рубцов и сморщенной изъеденной плоти скорее выглядело рожей какого-нибудь гоблина или монстра из дантова Ада.

– Сочетание кислоты и огня, пущенное в ход ее бандершей. Даже женщины способны калечить женщин, как вы видите.

Каупертуэйт искал слова, соразмерные такой чудовищной несправедливости.

– Я… мой фактор роста… возможно, с его помощью удастся что-то исправить. Не могу ничего обещать. Но регулярное применение, возможно, поможет.

– Викки была бы благодарна. Не правда ли, Викки? Женщина безмолвно кивнула, и из одного погубленного глаза пролилась слеза.

– Это все, Викки. Спасибо.

Когда женщина ушла, леди Корнуолл подошла к Каупертуэйту.

– Космо, вы прекрасно держались во время этого маленького недоразумения в Смитфилде. А ваше сочувствие Викки меня растрогало, мне хотелось бы вас вознаградить, насколько это в моей власти.

С этими словами леди Корнуолл сжала Каупертуэйта будто в железных тисках, запрокинула его и поцеловала на континентальный манер, засунув язык глубоко ему в рот.

Трость Каупертуэйта с громом разрядилась в пол.

5
Роковой танец

Несколько дней после посещения лицея леди Корнуолл Каупертуэйт не находил себе места, будто влюбленный школьник. Нежданный финал его визита, когда леди Корнуолл обнаружила страсть, таившуюся под ее компетентным обликом, ярко запечатлелась в его памяти, заслоняя все остальное. Даже надежда найти пропавшую королеву отодвинулась в тень.

Каупертуэйт уже годы и годы грезил о браке с идеальной подругой жизни. Женщине его грез полагалось быть умной и любезной, образованной и страстной, свободомыслящей и самой себе хозяйкой. Правду сказать, сотворение Виктории было отчасти попыткой самому создать идеальную супругу, которую ему все не удавалось встретить.

И вот теперь в лице леди Корнуолл он обрел ее. Вне всяких сомнений. Ошеломленный ее глубоким поцелуем, он был не. в состоянии думать о чем-либо, кроме того, как они соединят свои судьбы и имущество. Женщина, способная оценить «Половой диморфизм у иглокожих», встречается не каждый день.

Пожелав узнать, какого мнения о ней Макгрош, Каупертуэйт был несколько огорчен откровенным презрением, высказанным слугой:

– Она приводит мне на память некую вдову Дуглас [9], которую я знавал в Ганнибале в Миссури. Все время старалась направлять людей да перевоспитывать, а энто, по-моему, не умнее, чем набрасывать лассо на рога месяца в небе. А еще она уж больно любит командовать. Помяните мое слово, коли вы двое влезете в одни оглобли, она в прачечные дни поставит вас стирать ее панталоны быстрее, чем плевок на плите высохнет.

Каупертуэйт предпочел бы, чтобы Макгрош одобрил леди Корнуолл, но раз так, то Макгрошу придется это скушать, и все тут. В конце-то концов, подобный счастливый случай выпадает раз в жизни…

Когда вскоре изуродованная Викки пришла для первого сеанса лечения фактором роста, Каупертуэйт вручил ей записку для ее нанимательницы.

> Дражайшая Отто, наше приключение запечатлелось пламенем на коре моего головного мозга. Если бы вы сочли возможным вновь принять меня, я бы хотел посоветоваться с вами о превращении нашего союза в

перманентный, дабы мы могли оказывать друг другу взаимную помощь и утешительную поддержку.

Ваш глубочайший поклонник

Космо.

Ответ, который принесла Викки, явившись к нему во второй раз, оказался резковатым.

Дорогой сэр, в данное время я не склонна соглашаться ни на какой перманентный и исключительный контракт, каковой, если я поняла вас правильно, предлагаете вы. Утопим наши чувства на какой-то срок и останемся просто друзьями.

Отто.

Эта холодная вода, выплеснутая на его брачные надежды, ввергла Каупертуэйта в зеленую тоску. Несколько следующих дней он провел взаперти, читая и перечитывая абзац «Редкостные животные» Блора, посвященный Гигантской Крысе с Суматры [10]. Мало-помалу он, однако, понял, что подобное поведение его недостойно. Отбросив все мысли о своем личном счастье, он вновь предпринял энергичные розыски своей пропавшей государыни.

Каждый час его бдения теперь отдавался все более бесплодным поискам пропавшей королевы. В сопровождении Макгроша молодой натурфилософ с силуэтом в руке прочесывал зловонные трущобы Лондона низших сословий, и его лихорадящий, лишенный сна мозг пытался уловить хоть какой-нибудь след Виктории. При свете дня и при свете газа, над землей и под ней, среди шумных рыночных толп и в дешевых меблирашках наедине с замученной работой подозреваемой женщиной, Каупертуэйт гнался за призрачной Викторией.

От благоухающего рыбой Биллингсгейта до тюремных понтонов Грейвсенда, где каторжники валялись в горячке в гнилостной тюремной воде, от адвокатских контор, где обездоленные жалобщики тщились найти справедливость, до туберкулезных лазаретов, где ангелы, подобные тому, что звался Флоренс Найтингейл [11], водили его от койки к койке, от замусоренных доков до роскошных игорных притонов – собственно говоря, через все круги подпольного мира, ведомый Макгрошем, обладателем поистине энциклопедических познаний о всех этих местах, – стерев Ноги до крови, странствовал Каупертуэйт во власти маниакальной идеи. И повсюду, где бы он

ни искал, его подстерегала Немезида.

Лорд Чатинг-Пейн, надменный, злобный и заклятый враг трона.

Либо Чатинг-Пейн ждал его там, либо только что ушел, либо появлялся, когда Каупертуэйт удалялся. Не важно, какой это был час, жестокий, сардоничный аристократ, неизменно сопровождаемый безмолвным и страхолюдным Ганпатти, выглядел свежим и элегантным и столь же безмятежным, как спокойное озеро. В тех случаях, когда он и Каупертуэйт сходились лицом к лицу, они обменивались не более чем одной-двумя вымученными bon mot [12]. И как ни грустно, Чатинг-Пейн почти неизменно одерживал верх в этих словесных поединках, ведь рапира его остроумия была отточена годами, проведенными среди циничных богачей.

Каупертуэйт теперь брезгливо ненавидел надменного лорда с носом из драгоценного металла, придававшим ему вид полумеханизма. Он уже считал этого человека своим демоническим двойником, и единственным утешением, которое он извлекал из этих явлений Чатинг-Пейна, была мысль, что Чатинг-Пейн, следовательно, преуспел в своих поисках Виктории не более, чем он.

Виктория. Самое это имя начинало представляться Каупертуэйту нереальным. Кем, собственно, была эта химера, эта женщина, которую он ни разу не видел во плоти? Она пребывала в самом сердце каупертуэйтовой жизни, в центре могущества империи. С одной стороны, хотя на престоле она провела лишь год, уже господствовало ощущение, что после сменявших друг друга дряхлых королей, из которых сыпался песок, в ней нашло воплощение животворное дыхание новой эры, символ расползающегося политического спрута, который простирал свои щупальца вокруг земного шара все дальше. С другой стороны, она была всего лишь еще одной женщиной среди миллионов, в конечном счете не более важной для общей схемы мироздания, чем рыбная торговка или зеленщица, которых Каупертуэйт только что расспросил, не более предназначенная для любви и преклонения, чем стоическая Викки, которую Каупертуэйт продолжал пользовать. (И с некоторой толикой успеха.)

А его собственная Виктория? Депеши Мельбурна приходили все реже, и Каупертуэйт уже несколько дней не получал никаких известий о гипертрофированной саламандре. Причем последняя была более чем неутешительной.

10 июня

Боюсь, «черный пес» Меланхолии сжимает меня в

своей пасти. Я и королевство безвозвратно погибнем, если В. не вернется. В безнадежном ожидании я созерцаю достоинства вашего создания: если бы все женщины были настолько покладисты!…

И то же тупое отчаяние сковало Каупертуэйта. В нем теплилась надежда, что премьер-министр в своей черной меланхолии не пренебрегает нуждами Виктории, но у него не было способа проверить. Как-то неловко было бы явиться в Букингемский дворец и осведомиться, достаточно ли влажной выглядит кожа королевы. Миновали три недели. Теперь до коронации Виктории оставалось менее семи дней – и по-прежнему никаких следов Виктории.

Этот вечер застал Каупертуэйта за приготовлениями к. еще одним тщетным поискам. Он уже направился к двери, как вдруг им овладел необоримый сплин. Ему почудилось, что из него вдруг удалили все кости до единой.

– Коготь, боюсь, я не в силах продолжать этот сизифов труд, во всяком случае – сегодня.

– Не могу сказать, чтоб я осудил тебя, Кос. Я и сам будто выпотрошен. Ане прогуляться ли нам к де Малле отдохнуть ночку?

– Превосходная мысль, Коготь. Хотя, боюсь, я слишком утомлен, чтобы стерпеть объятия какой-нибудь продажной красы, однако тамошняя атмосфера может оказать благое влияние.

Выйдя из двери, они наткнулись на Типтопфа, почивающего под портиком. Осторожно переступив через паренька, чтобы не разбудить его и не навлечь на себя вихри подметания, они направили свои стопы к Риджент-стрит.

В резную дубовую дверь фешенебельного заведения де Малле они постучали позолоченным молотком в виде совокупляющейся пары и были быстро впущены услужливым мажордомом. У них забрали шляпы, им подали бокалы с шампанским на позолоченном подносе, и вскоре Каупертуэйт и Макгрош уже сидели в большом бальном зале, глядя на пары, танцующие под дивные звуки Моцарта, льющиеся из позолоченного фортепьяно, и одобрительно рассматривая затянутых в корсеты шлюх, непринужденно раскинувшихся на бархатных козетках вдоль всех четырех стен.

Спокойствие Каупертуэйта омрачилось лишь на миг, когда ему почудилось, будто он заметил, как сияние свечей вдруг отразилось от странно изогнутого слитка серебра на высоте человеческого роста в противоположном углу зала. Но если серебряный блеск действительно указывал на присутствие тут

лорда Чатинг-Пейна, то более весомо этот призрак не материализовался; Каупертуэйт прибегнул к своей умственной дисциплине, и вскоре ему удалось прогнать подобные страхи.

Каупертуэйт перешел от шампанского к мадере, и вскоре зал утонул в потустороннем свечении. Люстры словно покачивались и вспыхивали на манер блуждающих огней. В какую-то минуту Макгрош исчез, предположительно, чтобы показать свои чикасовские шрамы какой-нибудь пухленькой счастливице, и Каупертуэйт поймал себя на том, что клюет носом. Он задремал, а затем пробудился освеженным и бодрым, каким давным-давно себя не чувствовал. И тут к нему подошла мадам де Малле.

Высокая, пышная, обвешанная драгоценностями, быть может, чрезмерно на чей-то вкус накрашенная по былой моде, де Малле отлично сохранилась для своих семидесяти лет. По слухам, она была камеристкой Марии-Антуанетты (и порой согревала постель Людовика XVI) и лишь чудом уцелела во время Великой революции.

– M'sieu [13] Каупертуэйт, не могу ли я предложить вам даму на сегодняшний вечер? Наш дом пополнился новым добавлением. – Тут де Малле понизила голос и перешла на шепот: – Она нечто tres speciale, un bijoux [14]. Я не предлагаю ее tout le monde [15], а только избранным. Могу гарантировать, что такой случай выпадает лишь раз в жизни.

Каупертуэйт был заинтригован, но, не желая нарушить свою тихую безмятежность потугами плотской любви, в конце концов отклонил предложение. Пожав плечами, мадам де Малле сказала:

– Tres bien [16], как вам угодно.

Но Каупертуэйт ощутил иные позывы, исходившие от его мочевого пузыря, и сказал:

– Впрочем, от ночного горшка я бы не отказался. Мадам де Малле небрежно взмахнула унизанной кольцами рукой.

– Вы знаете, что здесь где. Однако писайте, – добавила она, – тактично и как можно тише, прошу вас. La chambre a cote du pissoir [17] занята.

Каупертуэйт неуверенно встал на ноги. Он поднялся по парадной лестнице, выделывая вензеля и отлетая от разных пар в демонстрации броуновского движения, весьма ему импонирующего.

В коридоре третьего этажа он начал считать двери, но быстро сбился и открыл ту, которая показалась ему правильной.

И напрасно.

В комнате находились две женщины. Одна, одетая в простую рубашечку, сидела у лакированного секретера спиной к Каупертуэйту и что-то энергично писала в маленькой книжечке.

Услышав скрип двери, она укрыла дневник обеими руками, словно пряча его содержимое от посторонних глаз, и уронила на него голову.

Вторая женщина, подлинная амазонка, заполняла всю измятую постель обнаженным телом, достойным Юноны. Лежа на спине, раскинув ноги, заложив руки под затылок, она, начиная с лица, являла собой картину глубокого плотского пресыщения.

– Отто! – вскричал Каупертуэйт.

Леди Корнуолл нисколько не смутилась.

– Да, Космо, это я. Чем могу вам помочь?

Каупертуэйт рухнул в удачно стоявшее кресло и зажал голову в ладонях.

– Дщерь Лесбоса. Неудивительно, что вас не заинтересовало мое предложение. Я мог бы сам догадаться по вашим мужским манерам. Как удобно ввиду вашего извращения держать под опекой всех этих беспомощных юных цыпочек…

Леди Корнуолл вскочила с кровати и закатила Каупертуэйту пощечину.

– Как вы смеете чернить мотивы моих действий! Мои девочки содержатся в целомудрии, как монахини. Как по-вашему, зачем бы я покупала любовь тут, если вы воображаете, будто я удовлетворяю мои желания в Лицее?

Леди Корнуолл села на кровать и расплакалась.

Каупертуэйт в смущении мог только пробормотать бесполезное извинение и ретироваться.

Отыскав pissoir, он облегчил свой мочевой пузырь. Какой фарс – жизнь, думал он в процессе облегчения. Пропавшие королевы, тритоны на троне, сапфические спасительницы…

Печально застегивая ширинку, Каупертуэйт вернулся в бальный зал.

Очередное музыкальное произведение как раз завершалось, и Каупертуэйт в изумлении увидел, что возле фортепьяно стоит Макгрош, подсунув под подбородок позаимствованную скрипку.

– Леди и дженты, приготовьте ваши ножки и ноги. Щас вас поразвлечет доподлинная виргинская кадриль. Наяривай, Вольфганг [18]!

Макгрош тут же принялся с энтузиазмом пилить свою скрипку, тапер сумел схватить ритм, и зал вскоре заполнили энергично кружащиеся пары. Каупертуэйта увлекла в их гущу рыжая шлюха и завертела. Сперва он упирался, но тут же обнаружил, что зажигательная музыка была именно той панацеей, которая требовалась его утомленной крови после гнетущего эпизода на третьем этаже, и вскоре он уже отплясывал головокружительнее всех. Через минуту-другую танцующие

попятились и образовали круг, в центре которого вертелись Каупертуэйт и его неутомимая партнерша.

Голова у Каупертуэйта тоже кружилась. Он не мог вспомнить, когда он чувствовал себя так чудесно. К дьяволу все докуки! Черт побери, он им всем покажет нечто незабываемое! Пусть Отто полюбуется! Ухватив партнершу за талию, он начал откалывать особенно акробатические па. Брезгливый голос произнес среди зрителей:

– Какое грубое и дикарское зрелище…

И в тот же миг Каупертуэйт споткнулся и, падая, запустил скользкими от пота руками свою партнершу высоко в воздух.

После того как Каупертуэйт подобрал себя с пола и отряхнулся, он вспомнил про рыжую девицу и поискал ее взглядом.

Ее падение ненароком смягчил своим телом лорд Чатинг-Пейн, потеряв при этом нос. И перед всем залом предстали рубцы и дырки в центре его лица. Сильные мужчины попадали в обморок, женщины истерично закричали.

Чатинг-Пейн хладнокровно взял свой нос из рук Ганпатти и прилепил к лицу. К несчастью, вверх тормашками.

– Завтра на заре в моем поместье, Каупертуэйт. Выбор оружия ваш.

Глядя вслед надменно удаляющемуся скверно собранному аристократу, Каупертуэйт быстро прикинул, не удастся ли убедить Чатинг-Пейна драться на летающих тростях с пятидесяти шагов.

6
Предательство в Каркинг-Фарделс

В мерцающем свете свечи Каупертуэйт прищурился в зеркало на шифоньере в прихожей и нервно поправил галстук. Было бы не комильфо встретить свою предсказуемую смерть, не выглядя безупречно элегантным джентльменом. Он не даст возможности Чатинг-Пейну, стоя над его трупом, отпустить уничижительное замечание в адрес некомпетентности его галантерейщика.

Скрипнула дверь. В зеркале Каупертуэйт увидел, как у него за спиной возник Макгрош, неся в руке что-то, завернутое в промасленные тряпицы. Он обернулся.

– Не сразу сыскал, куда я его засунул, но вот он.

– Что – вот?

– Ключ к тому, чтоб ты стер энтого вонючку с лица земли. – Макгрош начал бережно разматывать промасленные лоскуты. Вскоре взгляду открылось громадное стрелковое оружие, детище «Оружейного Производства Кольта» в Коннектикуте. Ствол его по длине не уступал французскому батону при калибре соответствующего размера. Барабан, казалось, был рассчитан для пуль величиной с пальцы Каупертуэйта.

Натуралист попытался взять пистоль, но обнаружил, что поднять его одной рукой не может, и волей-неволей ухватил колоссальное оружие двумя. Он попробовал прицелиться в чучело орангутанга в глубине прихожей. Его руки затряслись от усилия, и дуло описало полукружие в несколько дюймов.

Макгрош одобрительно заулыбался на упражнения Каупертуэйта (его еще сохранившиеся зубы были щербатыми).

– Вот так, Кос! Ты верно усек! Может, до тебя еще не дошло, но ты держишь самого лучшего в мире Миротворца. Я таскал с собой энту пичужку по всей земле, и она ни разу меня не подвела. Черт дери, тебе ж, чтоб уложить энтого скунса, вовсе не надо попасть во что-то существенное. Угоди ему в кончик мизинца, и он отбросит копыта с одного перепугу. Я как-то энтой душечкой начисто снес башку бизону со ста ярдов.

Каупертуэйт положил огнестрельное чудище назад на промасленные тряпицы. Руки у него тряслись по плечи.

– Нет, Коготь, боюсь, ничего не выйдет. Во-первых, я нарушил бы дуэльный кодекс, так как у нас нет второго, чтобы предложить его Чатинг-Пейну. А во-вторых, боюсь, я успею отправиться на тот свет, прежде чем умудрюсь поднять ваш кольт для выстрела. Нет, принесите мне дуэльные пистолеты моего отца. Нам уже пора.

Макгрош неохотно завернул своего любимца в тряпицы, испустив скорбный вздох, словно не мог постигнуть щепетильную этику Каупертуэйта, и отправился за упомянутыми пистолетами.

Вскоре он вернулся со шкатулкой красного дерева. Каупертуэйт открыл крышку. Внутри в бархатных вдавленностях покоилась пара пистолетиков с перламутровыми рукоятями.

Те самые пистолеты, которые Клайв Каупертуэйт приобрел для дуэли с Марком Изамбаром Брунелом.

Каупертуэйт пролил слезу, вспомнив мать, отца и всю трагическую семешгую историю. Подумал он и об Икки Брунеле, который совсем недавно обещал устроить ему экскурсию по «Грейт Вестерну», замечательному трансатлантическому пароходу, который скоро должен был отправиться в свое первое плавание. Теперь, видимо, ему не будет дано ознакомиться с этим чудом изумительнейшего века. О, жизнь – такая сладко-горькая штука!

– Превосходно, – сказал Каупертуэйт, закрыв крышку. – Теперь остается только завершить недоконченные дела. Коготь, храните этот документ при себе. Моя последняя духовная и завещание. Вы узнаете, что вы – мой единственный наследник. Макгрош утер глаза.

– Так, сдается, мне стоит и свое сделать, как я буду прохлаждаться в каталажке, прежде чем меня вздернут за шею.

– За что?

– А когда Чатинг-Пейн тебя прикончит, тут я его и прикончу.

– Коготь, я ценю ваши чувства, но, пожалуйста, не надо. Это запятнает фамильную честь.

– А что ты сделаешь, Кос, чтобы мне помешать? Нуда ладно, обещаю.

– Превосходно. Вот письмо для леди Корнуолл вместе с остатками моего фактора роста для ее опекаемой Викки. Пожалуйста, позаботьтесь, чтобы она их получила.

Макгрош обуздал свое презрение к владелице Лицея настолько, что пообещал.

– Прекрасно. И наконец, будь так любезен, приведи Типтопфа.

Когда метельщик вошел с соломой в волосах и протирая слипшиеся глаза, Каупертуэйт вручил ему конверт.

– Типтопф, тут распоряжение моему банку на выдачу пятидесяти фунтов. С этого момента ты уволен.

– Ур-р-ра-а-а! – завопил паренек. – Уеду в Австралию и разбогатею.

Каупертуэйт погладил метельщика по голове и проводил до двери. Повернувшись к Макгрошу, он сказал:

– Так едем, нельзя заставлять благородного сукина сына ждать.

В двуколке, трясясь по пустым предрассветным улицам Лондона, Каупертуэйт пытался разобраться в своих чувствах. Он был поразительно спокоен и мыслил на редкость ясно, что было тем удивительнее, что ни он, ни Макгрош не сомкнули глаз после скандала у де Малле всего несколько часов назад. Его удивило, что перспектива надвигающейся смерти ничуть его не встревожила. Наоборот, мысль, что скоро все кончится, приносила облегчение. Неудача его эксперимента с саламандрой, известной как Виктория, за которой последовали тщетные, выматывающие поиски Виктории, принадлежащей к человеческому роду, и разочарование в леди Корнуолл подорвали его силы и дух. В жизни, мнилось ему, для него не осталось ничего интересного, и вопреки своей молодости он ощущал себя седобородым старцем. Уж лучше покончить со всем этим теперь, чем влачить существование в тисках преждевременного утомления жизнью…

Вскоре они оставили расползшиеся пределы столицы позади и менее чем через час уже приблизились к Каркинг-Фарделс, родовому поместью Чатинг-Пейнов, последним прямым потомком которых был данный лорд Чатинг-Пейн, немезида Каупертуэйта. Небо светлело в золотисто-розовых тонах, птички громко распевали, и зефиры теребили туманы, извивающиеся по кустам. Прекраснейшее утро, чтобы встретить свою кончину.

Макгрош повернул двуколку на проселок, ответвлявшийся от тракта. Они катили вперед под мятно-зеленой листвой, пока не оказались перед величественными воротами. Там виднелась могучая фигура Ганпатти, застывшего в ожидании.

Наклонившись поближе к своему хозяину, американец сказал:

– Коли ты можешь ликвиднуть старую жестяную Рожу какой-нибудь научной штукенцией, Кос, валяй, а о его секунданте не думай. У меня есть мыслишка, как обратать этого фуззи-вуззи.

Каупертуэйт испустил тяжелый вздох.

– Прошу, Коготь, никаких штучек-дрючек, которые испортят мое расставание с этой смертной оболочкой.

– Просто оставьте на меня эту человеческую гору, командир, – таинственно заключил Макгрош. В каковой момент указанный фуззи-вуззи безмолвно вскочил на подножку и, держась за верхнюю часть экипажа, взмахом руки указал им направление к месту их смертоносного рандеву.

По росистому лугу, на котором двуколка оставила сверкающий след, и к опушке рощи из серой ольхи. Там Ганпатти сошел на землю и повел их вперед между деревьями.

За стволами показалась укромная полянка, шириной как раз достаточная для обусловленных шагов.

Там в небрежной позе стоял лорд Чатинг-Пейн, облаченный в утренний сюртук и гетры. Нос его занимал естественную позицию и был начищен до совершенства: Каупертуэйт увидел в нем свое отражение.

– У меня были сомнения, явитесь ли вы, – сказал Чатинг-Пейн. Каупертуэйт пропустил это оскорбление мимо ушей. Он пребывал в экстатической безмятежности и был выше мелких свар. – Надеюсь, вы привезли оружие, подходящее случаю.

Каупертуэйт молча протянул руку, и Макгрош вложил в нее шкатулку с пистолетами. Чатинг-Пейн подошел, открыл футляр и выбрал пистолет.

– Великолепный образчик, хотя и несколько устаревший. Помню, в последний раз я стрелял из такого пистолета, чтобы развлечь лорда Малмсбери. Он подбросил в воздух колоду карт, и я прострелил только те, которые обеспечили бы мне выигрыш над картами, которые он одновременно показал мне.

Макгрош сплюнул в траву. Чатинг-Пейн брезгливо фыркнул.

– Вскоре траву здесь, любезный, оросит более яркая, более жизненно важная жидкость, а потому не трать зря свои бесценные субстанции. Ну-с, откладывать долее смысла нет, не правда ли?

Макгрош и Ганпатти отошли в сторону. Каупертуэйт заметил, что его слуга что-то шепчет в преклоненное к нему ухо титана в тюрбане, и не успел он моргнуть, как оба секунданта исчезли за древесным стволом.

Но времени поразмыслить над этим их поступком не оставалось.

Каупертуэйт и Чатинг-Пейн вышли на середину площадки и встали спина к спине. Туман завивался вокруг их лодыжек.

– По счету «три» мы проходим двадцать шагов, поворачиваемся – полностью, у меня нет второго носа – и стреляем по желанию. Раз, два, три…

Двадцать шагов казались милями. Каупертуэйту почудилось, что дикий зверек внутри него пытается коготками проложить себе путь наружу к свободе, но задавил его. Скоро, скоро…

Двадцать шагов. Поворот.

Чатинг-Пейн стоял в небрежной позе, скрестив руки на груди, разрешая Каупертуэйту выстрелить первым. Изобретатель поднял пистолет, крепко зажмурил глаза и выстрелил.

Разомкнув веки, он увидел, как с дерева за спиной лорда упал мертвый реполов.

Чатинг-Пейн улыбнулся и поднял пистолет.

– Перед тем как вы умрете, мистер Каупертуэйт, я хочу, чтобы

вы узнали, что я нашел наш общий Грааль. И скандал, который я намерен устроить с помощью того, что узнал, опрокинет трон и более чем адекватно вознаградит меня за оскорбления, которые я терпел. А теперь, мистер Каупертуэйт, вознесите молитвы своему Творцу.

Чатинг-Пейн уверенно прицелился в Каупертуэйта, который вновь зажмурился – в последний раз. Прогремел выстрел.

Чудом Каупертуэйт ничего не почувствовал. Как дивно… Он был прав, что не страшился. Рай, приветик! Каупертуэйт открыл глаза.

Чатинг-Пейн лежал на траве мертвый с размозженным багряным затылком.

Мало-помалу до Каупертуэйта дошло единственное возможное объяснение.

– Макгрош! Будь ты проклят, Макгрош, ты же обещал! Так не делают!

Из деревьев выступила фигура…

Виконта Мельбурна. Премьер-министр сжимал дымящийся пистолет.

– Уильям… Я не… Как? Почему?

Элегантный аристократ хладнокровно извлек гильзу из своего пистолета и вставил новый патрон.

– Не мог же я допустить, чтобы Чатинг-Пейн продолжал жить, Космо, никак не мог. После того, как он упомянул про свое намерение втянуть Викторию в безобразнейший скандал. После трудов, которых мы не пожалели, чтобы сохранить ее имя незапятнанным. К тому же вы мне нравитесь, и я был у вас в долгу. Теперь я считаю этот долг уплаченным.

– Но мне казалось, вы говорили, что отвергаете политические убийства.

– Женщин, мой мальчик, женщин. Для слабого пола правила совсем другие. Нет, боюсь, изменнические намерения Чатинг-Пейна заработали ему его смерть. Кроме того, у него нет наследников, и его поместье переходит к Короне. Я много лет к нему присматривался.

Каупертуэйта осенила внезапная мысль.

– Королева! Он знал, где она! А теперь эти сведения погибли вместе с ним.

Мельбурна, как ни странно, это почему-то не тронуло.

– Да, не слишком удачно. Но я ведь должен был уложить его без проволочек.

Внезапная тошнота овладела молодым ученым, и у него пропало всякое желание продолжать этот разговор. Он хотел только одного: вернуться домой и забраться в постель. Мысль о

манящих простынях напомнила про сопутствующее дело, и он заговорил о нем с виконтом:

– Мое творение… я так давно не получал от вас никаких известий. Она хорошо себя чувствует? Не кажется ли, что иногда она… тоскует о своем прежнем доме?

Мельбурн небрежно пожал плечами.

– С ней все прекрасно. Ее потребности просты и легко удовлетворяются. То есть почти все… если вы меня понимаете, э?

Космо открыл было рот, намереваясь воззвать к премьер-министру не переутомлять химерическое создание, но Мельбурн его опередил:

– Ну, отправляйтесь-ка домой. И не тревожьтесь: никаких юридических последствий не будет. Корона во всем разберется.

Из рощи вышел Макгрош в обществе Ганпатти. Мельбурн поднял пистолет, предвосхищая незамедлительное поползновение слуги отомстить за своего коварно убитого господина. Каупертуэйт также не сомневался, что преданный индус попытается отплатить за безвременную кончину лорда Чатинг-Пейна.

Однако индус только осиял их ослепительной улыбкой! Подхватив Макгроша на руки, будто малое дитя, он радостно зарысил к ним.

– Коготь, что…

– Все заметано, Кос. Я как раз кончил объяснять кое-что очень даже благодетельное для энтого вот Гунпата. Такое, кстати, у него настоящее имя в честь какого-то ихнего языческого бога. Мне удалось внушить ему кое-какие демократные идеалы, втолковать ему, что чуть его хозяин откинет копыта, как он станет свободным человеком и получит возможность разбогатеть благодаря своей красоте и восточным замашкам. Мы думаем подыскать ему работенку у Ф. Т. Барнума [19], который вскорости сюда при гастролирует. Он змей заклинает – пальчики оближешь.

Каупертуэйт вздохнул. Прискорбное отсутствие раскаяния и сожалений, куда ни посмотри.

Но жизнь ведь должна продолжаться, предположил он.

Должна… не правда ли?

7
То, о чем знали все остальные

Каупертуэйт проспал сутки с лишним. Его сны – если они вообще ему снились – были безболезненными и забылись, едва он открыл глаза. Над ним стоял Макгрош с подносом, на котором покоилась тарелка с обилием лепешек, щедро намазанных маслом, графин с чаем и хрустальная вазочка с крышкой, полная свежайшего земляничного джема.

– Я подумал, тебе пора подкрепиться, Кос. Каупертуэйт сел в кровати, взбив подушки у себя за спиной.

– Совершенно верно, Коготь. Время подкрепить тело, прежде чем взяться за стоящие перед нами проблемы духа.

– Я б и сам лучше не сказал.

Каупертуэйт жадно принялся за завтрак. Собственный голод его изумил, ибо он предполагал, что будет испытывать остатки тревоги, сопровождаемой потерей аппетита из-за смерти Чатинг-Пейна. Однако даже сходства земляничного джема с разбрызганным мозгом Чатинг-Пейна оказалось мало, чтобы вывести его из равновесия.

Насыщаясь, Каупертуэйт размышлял над проблемой Виктории.

Чатинг-Пейн объявил, будто знает, где она прячется. Несомненно, узнал он это только-только, так как во время их встречи на прошлой неделе – в заведении еврея-ростовщика, по слухам, иногда предоставляющего приют беглым детям, – Чатинг-Пейн был, безусловно, не более осведомлен, чем раньше. Следовательно, узнал он это непосредственно перед неприятной сценой уде Малле… Уде Малле! Каупертуэйт перестал жевать. Перед его глазами и отвисшей челюстью как живая возникла старая бандерша.

«Нечто tres speciale… Такой случай выпадает раз в жизни…»

Не может быть… или может? Заведение де Малле Мельбурн обыскал бы в первую очередь. Каупертуэйт был настолько в этом уверен, что сам не потрудился… И все же…

Сбросив одеяло, Каупертуэйт разметал свой завтрак.

– Коготь! Коготь!

Макгрош вошел неторопливой походкой в тот миг, когда Каупертуэйт пытался засунуть обе нижние конечности в одну штанину.

– Коготь, мы должны с елико возможной быстротой отправиться к мадам де Малле.

Макгрош подмигнул.

– Позаботиться о некоторых других потребностях, как погляжу.

– Ах, Коготь, вы безнадежны. Просто приготовьте экипаж.

Вскоре сонный и растрепанный мажордом уже впустил Каупертуэйта в пустые залы мадам де Малле. (Макгрош остался ждать снаружи: если догадка Каупертуэйта подтвердится, нельзя было допустить, чтобы присутствие этого неотесанного грубияна смутило тонкую чувствительность и деликатность женщины, которую он должен был вот-вот увидеть, в чем больше не сомневался.) В свете дня, просачивающегося сквозь тяжелые задернутые гардины, раззолоченная мебель и узорчатые обои выглядели дешевыми и безвкусными. В воздухе стоял тошнотворный запах разлитого шампанского и застарелых телесных выделений. Совсем ничего общего с вечерним великолепием. Каупертуэйт прикинул, утреннее или вечернее впечатление было ближе к реальности, или же оба равно имели с ней мало общего.

Каупертуэйт как раз положил руку на перила лестницы, когда мажордом попытался его остановить:

– Э-эй, мистер, в такой час девочек нельзя беспокоить…

– А, заткнись, любезный! Я пришел не для того, чтобы перепихнуться. Во имя Агассиса [20], ну почему все так дьявольски зациклены на своих гениталиях?

В коридоре верхнего этажа что-то неотвратимо повлекло Каупертуэйта к комнате, где прежде содержалась Виктория-саламандра. Он тихо постучал в дверь. Откликнулся женский голос:

– Уже вечер? А я словно бы почти не спала. Входите, входите же, я готова…

Каупертуэйт повернул ручку двери и вошел.

Окна в комнате были плотно занавешены, и ее освещала лишь одна свеча. Спичка, только что зажегшая сальный фитилек, как раз угасла под дуновением вытянутых губ женщины в постели.

Женщины, да. Теперь она, совершенно очевидно, уже не была девушкой.

Длинные волосы Виктории были мягко каштановыми на переходе от льняного цвета ее детства к будущему более темному оттенку ее зрелости. Лицо у нее было круглое и все еще каким-то образом хранило выражение невинности, нос и подбородок несколько торчали. Она, подумал Каупертуэйт, никогда еще не выглядела такой сияющей. Он знал, этот ее облик, как и другие, вскоре будут запечатлены Францем Винтергальтером,

придворным художником.

Королева обладала властным взглядом, и Каупертуэйту лишь с трудом удалось оторвать от него свой собственный. Наконец, осуществив это, он обозрел остальное дезабилье Виктории.

Она лежала, откинув одеяла, облаченная только в прозрачнейший из пеньюаров. Ее бюст и бедра были полноватыми, уже намекая на будущее ее сходство с кубышкой, и казалось, она достаточно созрела, чтобы произвести на свет много детей. Каупертуэйт внезапно ощутил глубочайшую уверенность, что в недалеком будущем страну своим появлением обрадует новый маленький принц или новая маленькая принцесса.

Однако материнский аспект Виктории все еще был хотя и неотъемлемым, но не доминирующим. А в эти минуты вид ее и вовсе не походил на материнский. Ее обворожительное тело еще не знало ни единой беременности, и в соблазнительности она не уступала ни одной известной Каупертуэйту женщине.

На карточном столике в углу виднелась наполовину собранная из кусочков загадочная картина, одно из любимых развлечений Виктории. А рядом покоился ее вездесущий дневник.

Каупертуэйт преклонил колено.

– Ваше величество…

Голос Виктории был хрипловатым. Каупертуэйт знал, что она страдает воспалением миндалин.

– Можешь забыть о титулах, глупенький мальчик. Я здесь не королева. Тут в доме столько других, знающих гораздо больше, чем я, и больше заслуживающих этот титул. Но я учусь. Подойди же, и я тебе покажу.

Виктория умоляюще протянула к нему руки. Шокированный Каупертуэйт встал, подошел к кровати и сел на край, чтобы убедительнее изложить свои доводы.

– Ваше величество, я понимаю, что обязанности вашего высокого сана причиняли вам многие досады, и только естественно, что вы искали забыть свои заботы, приняв роль блудницы. Но вы должны понять, что нация нуждается в вас. До коронации остается совсем мало времени. И не забудьте, какие личные муки вы причинили вашему премьер-министру. Виконт Мельбурн в полном отчаянии, не зная, где вас искать…

– О чем вы говорите, глупый человек? Меня сюда поместил Мельбурн.

Каупертуэйту почудилось, что его мозг разрывается на части.

– Мельбурн…

– Да. Лэмми объяснил мне, что этого требует мое образование. И как он был прав! Я же познакомилась со многими

самыми видными людьми в стране гораздо ближе, чем мне это удалось бы в стерильных коридорах власти. Писатели, художники, члены Парламента, просветители. Мужчины и женщины. И даже несколько рабочих, которые копили деньги годы и годы. И беседы были почти столь же стимулирующими, как процесс любви. Тайны, которые я узнала, связи, которые я завязала, уверенность в себе, которую я выработала, не говоря уж о постижении приемов, которые, несомненно, угодят моему милому Альберту, когда мы поженимся. Все это хорошо мне послужит до конца моего царствования. И теперь меня не ждут никакие затруднения на моем пути, так я чувствую. О, это было блаженство! Такая жалость, что подошел конец.

Каупертуэйт кое-как справился со своим языком.

– Так, значит, у вас нет намерения отречься…

– Разумеется, нет. Завтра я возвращаюсь во дворец на репетицию коронации. Все предусмотрено. А теперь довольно разговоров о политических делах, милый мальчик. Иди же сюда к своей маленькой Виктории и позволь ей все устроить.

Виктория ухватила Каупертуэйта за плечи, повалила и начала расстегивать его ширинку.

Каупертуэйт сперва застеснялся, но вскоре принялся с энтузиазмом содействовать.

В конце-то концов, разве можно дерзко пойти наперекор своей государыне, чего бы от тебя ни потребовалось?

* * *

Забраться в Букингемский дворец под покровом темноты не составило ни малейшего труда. Охрана была самая примитивная. Вот один пример: в декабре того же 1838 года «мальчик Коттон» был наконец схвачен после того, как прожил во дворце несколько месяцев, никем не пойманный. Двенадцатилетний парнишка был с ног до головы вымазан сажей, так как часто прятался в каминных трубах. Этой сажей он чернил кровати, которые выбирал для сна. А еще вскрывал запечатанные письма королеве, крал мелкие безделушки и еду, а когда был пойман, на нем были панталоны Мельбурна. Каупертуэйт не повстречал «мальчика Коттона», пока в ту ночь крался по гулким коридорам к личной спальне королевы. Он следовал указаниям, которые Виктория милостиво дала ему утром того же дня после их поединка. Каупертуэйт объяснил свое участие в хитром маневре по сокрытию ее отсутствия. Оказалось, что королева ничего не знала про лже-Викторию, делившую постель с Мельбурном, и ему

почудилось, что он подметил в ее тоне некоторую ревность. И нисколько не завидовал объяснению, которое предстояло Мельбурну наутро.

Кроме того, Каупертуэйт был зол на премьер-министра за его обман. И твердо решил забрать свою Викторию и поставить Мельбурна на место.

Лишь один раз кто-то попался Каупертуэйту на его пути – несущий дозор лейб-гвардеец, от которого он укрылся, нырнув в нишу с бюстом Этельреда Нерасторопного.

И вот Каупертуэйт остановился перед королевской опочивальней. И вошел без стука.

Мельбурн лежал в постели с саламандрой. Когда гуляка увидела Каупертуэйта, она испустила радостное кваканье и соскользнула с кровати на пол. Ее абсолютно безволосая фигура сочетала характерные признаки млекопитающих и амфибий в неземной красоте. Парик, в котором она изображала Викторию, украшал подставку в углу комнаты.

Мельбурн спрыгнул с кровати как был голым, и его грузное волосатое тело составило грубый контраст с эфирной, сильфидоподобной прелестью скрытожаберника.

– Сэр, – загремел Каупертуэйт, – я знаю все! Вы обманули меня самым непорядочным образом. Полагаю, вы принимали к сердцу интересы страны, однако я усматриваю в ваших поступках элемент низкой похоти. Теперь я забираю мою подопечную и оставляю вас вашей совести.

Каупертуэйт взял Викторию за руку и повернулся к двери. Мельбурн вцепился в ее другую руку.

– Нет, не забирайте ее! Вы правы. Это ваше создание свело меня с ума. С той самой секунды, как я в первый раз увидел ее у де Малле, меня убивала мысль, что ею наслаждаются и другие. Отсутствие королевы, давно подготовленное, представилось мне превосходным предлогом заполучить тритоншу для себя. Теперь я не могу без нее жить!

– Сэр, прочь руки, – неумолимо сказал Каупертуэйт, дергая Викторию к себе. – Не вынуждайте меня применить против вас силу!

Мельбурн не слушал, а продолжал тащить тритоншу на себя. Каупертуэйт дергал ее к себе, и началась игра в перетягивание, становившаяся все яростнее.

Внезапно без малейшего предупреждения Мельбурн отлетел спиной вперед к кровати и опрокинулся на нее.

Поглядев вниз, он обнаружил, что продолжает сжимать подергивающуюся оторванную руку Виктории, источающую белесую жидкость.

– Мой Бог! – вскричал премьер-министр. – Вот куда завела меня моя животная похоть! – Он уронил эту верхнюю конечность, обхватил голову руками и заплакал. Каупертуэйт посмотрел на премьер-министра с брезгливостью.

– Вы искалечили беззащитное живое существо и теперь испытываете надлежащие угрызения. Да послужит это вам уроком в том, что самые могущественные мира сего не освобождены от законов общепринятой морали. Вы можете почерпнуть утешение из того факта, что Виктория быстро регенерирует потерянную руку, ибо не утратила эту свойственную тритонам способность.

Накинув одеяло на безропотное создание, Каупертуэйт сказал:

– Я бы предпочел, дражайшая Виктория, чтобы рядом со мной сейчас была леди Корнуолл, но что толку в несбыточных желаниях? Нет, только ты и я, бедняжка, вновь только ты и я.

Каупертуэйт погладил ее по голове, и Виктория боднула его снизу в подбородок.

– Ах, моя дорогая, ты перенесла много невзгод в твоей противоестественной жизни. Как бы всякий человек ни любил свои творения, я могу лишь уповать, что твое существование не продлится слишком уж много дней. Если бы только мне была известна средняя продолжительность твоей жизни…

И это пожелание еще звучало эхом в карете, когда она покатила вперед сквозь ночь…

… сквозь десятилетия…

… сквозь шестьдесят три года до 1 февраля 1901 года, когда та же столичная магистраль, задрапированная лиловыми и белыми полотнищами (Виктория в завещании указала, чтобы черных полотнищ, которые она не терпела, не вывешивали), была заполнена плачущими толпами, глядящими, как влекомый лошадьми пушечный лафет с коротким гробом престарелой королевы медленно движется от вокзала Виктории к Паддингтонскому вокзалу на своем пути к мавзолею в Виндзоре.

Среди скорбящих виднелась согбенная фигура, одетая в черное, с лицом, скрытым под вуалью от любопытных глаз. Ее сопровождал лысый старец с лицом, как полная луна. Он опирался на трость с тончайшей линией сопряжения, намекавшей на ее смертоносную начинку. К этой паре вскоре присоединился старый беззубый хрыч, опасливо засовывая во внутренний карман не принадлежащий ему бумажник.

– Так давно! – сказал Каупертуэйт. – Но открытки приходили каждое Рождество.

– Женщины – они что слоны, – сказал Макгрош. – Никогда ничего не забывают.

Словно в безмолвном согласии Виктория откинула вуаль и проглотила пролетавшую мимо муху.

Готтентоты

Hottentots – Перевод. А. Комаринец, 2005.

1
Обезьянья харя

Большая рыба была явно сшита примерно посередине. Шов черной вощеной бечевкой небрежными стежками внахлест, который опоясывал ее, стягивая две разнородные половины, походил на ухмылку идиотской тряпичной куклы. Не вполне соответствуя по величине, половины гибрида не совпадали точно, и по краю большей передней виднелся ободок бело-розового мяса. Длинная заостренная голова, выдвинутая нижняя челюсть и форма острых зубов указывали, что передняя часть принадлежала к семейству Sphyaenidae, – одной из барракуд. Задняя часть представлялась не столь очевидной, хотя ученые умы (в университете Лозанны, Цюриха, Гельдельберга, Мюнхена, Вены и Парижа) отнесли бы ее к семейству Acipenseridae, то есть осетровых. Одно, впрочем, оставалось бесспорно: хвост был пришит точно наоборот, и брюшной плавник занял немыслимую спинную позицию.

Плод чудовищного смешения рас лежал на куске влажной парусины с разлохмаченными краями и единственным латунным кренгельсом, смотрел перед собой остекленелыми глазами, по шву медленно сочилась беловатая сукровица. Парусина лежала на коленях сидящего мужчины.

Мужчина этот был Луи Агассис.

Уроженец Швейцарии, магистр палеонтологии, ихтиологии и зоологии, доктор медицины, лектор, автор и популяризатор Eiszeit [21] теории, Выдающийся Натуралист-лаурят (выражаясь языком журналистов) своей второй американской родины, Агассис только-только достиг сорока лет. Высокий и крепкий, хотя и несколько дородный, ученый был облачен в шерстяные панталоны, жилет и двубортный сюртук, шею окутывал белый фуляровый платок. В его лице главенствовали карие глаза, столь же колючие и острые, как шипы морского ежа (вид – еж обыкновенный класса ехидновых), и широкий квадратный подбородок. Губы и нос у него были довольно мясистые. Лицо бритое, если не считать длинноватых бакенбард, и довольно багровое. Волна еще темных волос, теперь несколько отступившая, открывала высоко философский лоб. (Сэмюэль Джордж Мортон, почтенный филадельфийский коллега Агассиса, оценил его краниальный объем в 115 кубических дюймов, иными словами, намного выше среднего для представителя белой расы (и потому всех рас, поскольку белая есть венец творения) и, хотя

и воздерживался упоминать о своем сокровенном желании, уже планировал заполучить для своей колоссальной коллекции череп Агассиса, случись ему, Агассису, скончаться прежде самого Мортона…)

Сейчас Агассис разглядывал гнусность у него на коленях. Он не знал, что сказать. Неужели кто-то думал, что он примет эту вопиющую подделку за чистую монету? Насколько же доверчивым, на взгляд американцев, может быть средний европеец?

За десять месяцев, проведенных до этого в Америке, Агассис уже сделал определенные выводы касательно национального характера. Типичный гражданин Соединенных Штатов был наглым, хитрым, предприимчивым и щедро наделенным бойкостью и моралью самого низкого разбора. Наиболее симпатичные напоминали балованных детей, полных юношеского задора. Хороши для короткого забега, но выносливости никакой. Лучшие среди них, как, например, его товарищи по Гарварду (те, кто сумел упрочить чистоту наследственности в рамках своего сословия), интеллектуально и морально могли равняться с лучшими европейцами. Буржуа вроде Джона Лоуэла и Сэмуэля Кэбота… ну, буржуа по всему миру одинаковы. Но вот американская чернь в отличие от простонародья в Старом Свете была буйной и непредсказуемой.

Явилось это, разумеется, результатом непрерывных перекрестных скрещиваний. Страна представляла собой плавильню рас, смешивавших свою кровь без должного уважения к древнему географическому делению, возникшему с Сотворением мира. Арии, англосаксы, галлы, славяне, иберийцы, средиземноморцы, ирландцы, кельты, монголы, китайцы, семиты, скандинавы, балты, краснокожие… стоит ли удивляться, если плоды столь вопиющего смешения оказались своенравными, неорганизованными и алчными и возомнили, что провести на сделке тех, кто их выше, столь же просто, как и их недалеких собратьев?

И наихудший ингредиент смеси, наигнуснейший, наигрязнейший поток, вливающийся в мутную реку, зовущую себя Америкой, самая мерзостная примесь в крови любого предположительно белого человека, зараза, вопиющая к небесам и нарушающая все нравственные устои…

Негры.

Агассис содрогнулся, вспомнив первую встречу с американскими чернокожими (если уж на то пошло, с любым представителем африканской расы), случившуюся всего лишь в прошлом году. В декабре он написал своей матери Розе –

благодарение Богу, эта святая женщина пребывает в безопасности своего дома в Нёфшателе.

> *В Филадельфии я впервые имел продолжительный контакт с неграми: вся прислуга в моей гостинице была цветной. Не могу выразить мучительное впечатление, какое это произвело на меня, в особенности от того, что пробужденное ими во мне чувство противоречит всем нашим представлениям о братстве людей и особом происхождении нашего биологического вида. Но истина превыше всего. Все же я испытывал жалость, глядя на этих выродившихся существ, а их участь пробудила во мне сострадание при мысли, что и они все же люди. Тем не менее я не в силах подавить в себе чувство, что в них течет другая кровь, чем у нас. Эти черные лица с толстыми губами и скалящимися зубами, шерсть на головах, вывернутые колени, чрезмерно длинные руки, огромные кривые ногти и особенно синевато-серые ладони! Я не мог оторвать глаз от их физиономий, чтобы велеть им держаться подальше. И когда, прислуживая мне, они протягивали эти отвратительные лапы к моей тарелке, я жалел, что не могу удалиться и съесть простой кусок хлеба где-нибудь еще, лишь бы не обедать, имея подобную прислугу. Какое несчастье для белой расы – в некоторых странах так тесно связать свое существование с неграми! Сохрани нас Господь от такого соприкосновения!*

Глядя на морскую мерзость у себя на коленях, Агассис внезапно увидел в ней воплощение всех своих страхов перед смешением рас. С дрожью он вспомнил сходным образом сшитую тварь, плод воображения миссис Шелли. Что, если Природа допустит существование подобных чудовищ? Даже мысль об этом…

С рыбы Агассис перевел взгляд на выжидающе застывшего перед ним человека.

Неотесанный рыбак неопределенного возраста, с морщинистым задубленным лицом, на котором щурились косящие глазки, одетый в сальный от ланолина вязанный косами свитер с высоким воротом, в вязаную же морскую шапку и мешковатые клетчатые штаны. В углу рта у него торчала незажженная глиняная трубка с длинным мундштуком – преисполненный надежд продавец, решивший, что настало время расхвалить товар.

– Так что, молодой человек? Что скажете? Ребята в порту как один говорят, что вы ищете всякие диковинки, а уж диковиннее

этой редко увидишь.

Агассиса поразила такая наглость. Швейцарский акцент профессора – который многие дамы находили очаровательным, видимо, из-за заметного офранцуживания гласных, – стал особенно явным в стремлении припугнуть.

– Вы ждете, сэр, что я поверю, будто эта рыба была когда-либо единым целым и плавала по морям нашего мира?

Старый морской волк поскреб под шапкой.

– Э, выходит, ваш соколиный глаз заметил, как я слегка подлатал рыбину. Малый из моей команды собрался порезать ее для нашего котла, но тут подоспел я и, распознав ее научную ценность, пресек эту резню. К несчастью, он уже успел отхватить морду от хвоста. Ну, раз она немножко повреждена, цену можно и сбавить. И будет она сорок центов, деньги на бочку.

Агассис снял с колен парусину с ее содержимым и встал.

– Будьте добры, уйдите. Вы зря потратили мое время.

– Да погодите же, старина, вас, я вижу, не проведешь. Но имейте терпение, и я скажу вам правду. Я ж молчал, потому как не знал, по зубам она вам или нет.

– Хорошо, продолжайте. Как у вас тут говорят, я одни уши.

Сжав подбородок ладонью и еще более прищурясь, что придало ему сходство с кротом (Talpa europaea), рыбак начал:

– Так вот, вытащили мы сети на борт, а в них барракуд-гаи черный осетр…

– Это я уже понял.

– Может, и так. Да только вы знать не можете, что с ними была еще и меч-рыба. Так вот у нее имелся престранный инструмент. А именно шип с дырой на конце, будто ушко у иголки! Я и глазом не успел моргнуть, как эта меч-рыба взяла и располовинила двух других. Потом попрыгала по палубе туда, где мы паруса чинили. Подцепила она в ушко дратву и давай сшивать рыбин, вот как вы видели. Я принес их лишь в доказательство: меч-рыба страсть как тяжелая, чтобы и ее еще с собой тащить. Вот это диво я вам и предлагаю!

Победно завершив свое повествование широчайшей ухмылкой, рыбак стал ждать реакции Агассиса.

Тот был на мгновение ошеломлен, а потом расхохотался. Скверное настроение, которое преследовало его с самого утра и которому было множество неизбежных причин, от типично американской небылицы как рукой сняло.

Овладев собой, Агассис сказал:

– Ну хорошо. Принесите мне эту рыбу-хирурга, и я щедро за нее заплачу.

Рыбак протянул мозолистую руку, и Агассис ее пожал.

– Всенепременно, старина, не будь я капитан Дэн'л Стормфилд из Марблхеда [22].

С этими словами капитан Стормфилд удалился, прихватив с собой и жертву вивисекции, и приятный солоноватый запах моря, который Агассис заметил лишь по его отсутствию.

Воистину невоспитанные дети!

Кабинет Агассиса был весьма удобен, и здесь со своего прибытия на эти чужие берега ученый провел в усердных трудах немало дневных и ночных часов. В застекленных книжных шкафах стояли шеренги научных томов от Линнея до Лайла, а открытые нижние полки были отданы под зачитанные фолианты «Птиц Одюбона». На серванте разместились плоды недавних трудов – аккуратно собранные листы нескольких монографий. Задвинутый в угол круглый столик был погребен под ждущей ответа корреспонденцией. Удобный диван, используемый временами для послеобеденной дремы, теперь занимали большие картонные папки на завязках с рисунками из экспедиций. Несколько кожаных кресел и половиков были рассеяны по комнате (далеко не Бидемайер, но чего ожидать от столь неотесанных американских мужланов?…) Одну стену украшала акварель с изображением Мотье, родной деревушки Агассиса, окруженной озерами, написанная его давним ассистентом-рисовальщиком Йозефом Динкелем, который, к сожалению, предпочел не сопровождать своего патрона в Америку. На другой висела карта Северной Америки, утыканная зелеными флажками, обозначающими места уже посещенные (Ниагарский водопад, Галлифакс, Нью-Хейвен, Олбани, Филадельфия), и красными, указывающими планируемые поездки (озеро Верхнее, Чарльстон, Вашингтон, Скалистые горы…)

Тут он все утро предавался взаперти черной меланхолии, теперь столь успешно развеянной небылицей капитана Стормфилда. Агассис ощутил прилив привычной бодрости. Им вновь овладело желание выйти в широкий мир, изучить его, проникать в тайны Природы, открывать и классифицировать, собирать коллекции и выдвигать теории и – не между прочим – добиться того, чтобы в устах народных масс его имя стало синонимом передовой науки девятнадцатого века.

Покинув кабинет, Агассис направился в мастерские, находившиеся тут же в доме в Восточном Бостоне на самом берегу бухты, так любезно подаренном его патроном, Джоном Эмори Лоуэллом, текстильным магнатом и финансистом. Пока этих помещений было достаточно, и Агассис каждодневно испытывал удовлетворение. Но он вынашивал более великие планы. Отдельный склад для экспонатов, возможно, с музеем

перед ним, чтобы выставить избранные; более просторные мастерские со всеми таксономическими принадлежностями; контора с газовым освещением; лекционный зал. Возможно, даже собственные типография и переплетная мастерская, как было у него в Нёфшателе для непрерывного потока книг, выходивших из-под его прилежного пера…

Агассис обуздал свое воображение. Все это можно осуществить, только имея влияние и власть. В сравнении с его мечтами деньги, которые он мог бы вложить сам, были ничтожны. Правда, его лекции принесли куда больше, чем он мог надеяться – больше шести тысяч долларов за последние четыре месяца! – но они тратились с той же быстротой, с какой зарабатывались. Одна только оплата умелых помощников съедала заметную часть его доходов. Прибавьте к этому покупки у местных рыбаков, обычные расходы на содержание дома, затраты на полевые изыскания, светские приемы и так далее, и вот вы уже на мели.

Нет, чтобы вознести его на высоты, о которых ему мечталось, достанет только средств такого учреждения, как Гарвардский университет. Он должен получить место профессора на новом факультете геологии, который скоро подарит университету Эббот Лоуренс [23]. Его соперники на это место, Роджерс и Холл, – посредственности, не заслуживающие столь престижного поста! Профессорства достоин только он один, Луи Агассис, Первый Натуралист своего времени!

Подходя к двери мастерских, Агассис сделал себе заметку на память улестить Лоуэлла дать еще один обед, на котором он мог бы исподволь повлиять на Лоуренса…

В мастерской работа кипела. Только он пошел, все его верные ассистенты, последовавшие за ним из Европы, подняли глаза от рабочих столов с преданностью и восхищением. Граф Франсуа Пуртале, исходивший с Агассисом все Альпы, вооружившись лупой, деловито изучал крупный копролит [24]. Опытный зоолог Шарль Жирар в гуттаперчевом переднике трепанировал трепанга. Рисовальщик Жак Буркхардт старался зарисовать живого омара (Homarus americanus), который, к несчастью, упорно пытался удрать по столу на свободу. Мастер литографии Огюст Сонрель возился со своими пластинами. (В стремлении обеспечить науку дополнительным капиталом Агассис разрешил Сонрелю подготовить иллюстрации к частному изданию книги мистера Джона Клиленда [25] по подписке группы бостонских предпринимателей.) Не хватало здесь только Шарля «Папы» Кристина, Арнольда Гийо, Лео Лескерё и Жюля Марка – все они ожидали на том берегу Атлантики вызова, который он пошлет, едва получит место в Гарварде.

Открывшаяся перед ним картина восхитила Агассиса. Вот она, передовая наука: командная работа и распределение обязанностей, сплоченная группа слаженно трудится ради единственной цели – дальнейшего прославления имени Агассиса!

Отвечая на веселые приветствия, в которых звучало его прозвище – «Bonjour [26], Агасс!», «Агасс, вы только посмотрите!», «Агасс, видеть омаруса? Ловите!» – глава этой научной фабрики совершал обход своих работников.

Когда он изучал копролит Пуртале, пытаясь определить ботанические останки, из внутренней комнаты появился Эдвард Дезор.

Дезор был правой рукой Агассиса. Он служил у натуралиста уже десять лет, с 1837-го. Агассис сам преподал азы науки этому студенту права немецкого происхождения с немалой способностью к языкам, впрочем, познания Дезора так и не превысили кругозор ленивого дилетанта. Главная польза заключалась в его умении добиваться результатов. Он надзирал за повседневными работами в Нёфшателе и умел без сучка без задоринки организовать наитруднейшую экспедицию.

Худой и франтоватый, еще не достигший тридцати лет, Дезор чрезмерно гордился жиденькими усами, к которым, насколько мог определить Агассис, ни один волос не прибавился с тех пор, как он поступил к нему на службу. В его глазах постоянно горели огоньки, напоминавшие Агассису взгляд горностая (Mustela erminea). После десяти лет постоянного общения Агассис все еще временами не мог сказать, что творится в голове его помощника.

Агассис вообще испытывал к Дезору двойственное чувство. С одной стороны, он был расторопным и усердным. И в постоянном надзоре он не нуждался. С другой стороны, он был несколько опрометчив и неосмотрителен. Взять, скажем, лекцию, которую устроил в Англии Дезор незадолго до их отплытия в Америку. В Бедлам-колледже, сказал он, а это оказался сумасшедший дом, где Агассису пришлось говорить перед врачами и санитарами под какофонию воплей сидящих в клетках безумцев…

Тем не менее Агассис полагал, что в целом достоинства Дезора перевешивают его недостатки, и, не желая портить плодотворные отношения, защищал его перед всеми хулителями, главным из которых была жена Агассиса Цецилия.

Цецилия. Мысли о жене в основном и привели его утром в угнетенное состояние. Агассис все еще чувствовал себя виноватым, что оставил ее с тремя детьми в Швейцарии. Но что ему было делать? У себя на родине он продвинулся, насколько это было там возможно, а прусский грант, с добытый его ментором Александром фон Гумбольдтом, на путешествие в

Америку пришелся как нельзя кстати. Не мог же он не принять его! И конечно же, Цецилия понимает, насколько это логично. Агассис утешил себя мыслью, что она не слишком много плакала…

Какой преданной она была, когда они только-только встретились! Он поехал погостить у своего однокашника Александра Брауна в его немецком доме на каникулы и познакомился с его сестрой Цецилией, великолепным образчиком арийской женственности. Влюбившись, она нарисовала его портрет, который он хранил до сих пор. (Неужели он когда-то выглядел так молодо?) Много лет спустя они поженились и зажили счастливо.

Но когда у них поселился Дезор, все разладилось. Цецилия считала бывшего правоведа тщеславным, неотесанным и безответственным. Он отпускал сомнительные шутки, смущавшие ее. Почти против логики и воли (может, этот недоучившийся студент наложил на него какие-то чары? – иногда недоумевал он) Агассис продолжал вступаться за Дезора, и пропасть между натуралистом и его женой все углублялась и углублялась.

Раздраженно отмахнувшись от этих мыслей, Агассис обернулся к Дезору.

– Да, Эдвард, в чем дело?

Дезор распушил поросль у себя на губе.

– Я только хотел напомнить вам, Луи, что вскоре приедет мой кузен Мориц. Вы же помните, мы говорили о том, чтобы нанять его.

– Как вы могли оплатить проезд вашего кузена, когда нам нужно вывезти сюда других, более компетентных людей? – взорвался Агассис. – Насколько я помню, вопрос о его найме мы оставили открытым. Что толкнуло вас на такой шаг?

Дезор не позаботился проявить приличествующего огорчения при виде гнева своего патрона.

– Я знал, что он будет здесь чрезвычайно полезен, и взял на себя смелость заручиться его услугами прежде, чем к ним прибегнет кто-то другой.

– Будьте добры, освежите мою память касательно его достоинств.

Теперь Дезору удалось принять вид несколько тревожный.

– Он молод, энергичен, готов ревностно стараться…

– Но каков его научный опыт?

– Он знаток анатомии жвачных.

– А именно?

Дезор заметно поежился.

– Как-то он неделю проработал на бойне. Агассис воздел руки

к небу.

– Невероятно! Но полагаю, раз корабль отплыл, мы не можем повернуть его обратно. Тем не менее если я получу сообщение о гибели Морица в море, то не стану горевать слишком долго. Ну, с Морицем мы разберемся, когда он приедет. Еще что-нибудь, Эдвард?

– Нет, – угрюмо ответил помощник.

– Прекрасно. Можете идти. Дезор, надувшись, удалился.

После еще некоторых указаний верным ассистентам Агассис завернул на кухню. Там он нашел Джейн.

Джейн Прайк была кухаркой и горничной – пухленькой английской девушкой с очаровательными веснушками. Когда она только пришла просить места и Агассис спросил, произносить ли ее фамилию «Прайк» или «Прэйк», она отпустила настолько пикантную шутку в рифму, что Агассис рассмеялся и тут же ее нанял.

Сейчас он тихонько подобрался к аппетитной мастерице на все руки сзади – стоя у плиты, она помешивала в кастрюле густую рыбную похлебку из особей, сочтенных неподходящими для препарирования и последующего хранения. Схватив ее под передником за талию (так, что она взвизгнула), Агассис потерся носом о ее шею.

– У меня в спальне после ужина, – прошептал он.

Джейн захихикала и уронила поварешку в похлебку.

До конца дня Агассис то и дело ловил себя на том, что мысленно произносит покаянную молитву: «Прошу, Цецилия, прости меня».

Но ощущения вины оказалось недостаточно, чтобы совершенно испортить сношение в тот вечер.

После физиологической интерлюдии Агассис уснул.

Проснулся он в темноте от ощущения, что кто-то гладит его по лицу.

– Джейн… – пробормотал он, но осекся.

Руки у Джейн несколько огрубели от работы, но все-таки на ощупь были не такие…

Отпрянув от руки, Агассис нашарил на тумбочке патентованную фосфорную спичку Аллена. Чиркнув ею, он поглядел на край постели.

Мерзкая обезьянья харя уставилась на него в ответ.

Потом обезьяна улыбнулась и произнесла:

– Бонжур, мсье Агассис.

2
Sinus pudoris

Однажды Агассиса измучил кошмар. Во сне он вдруг обнаружил, что он – олень. Но вот Cervinae или Rangiferinae оставалось неясным. (Вообразите себе, великий Агассис, великолепный представитель Homo sapiens, и животное!…) Во сне он оказался в ловушке – копыто застряло в щели между камнями. А на него наползал ледник: огромное ледовое покрывало, щеткой вычистившее все Северное полушарие, геологические следы которого он, Агассис, гениально восстановил, обеспечив себе титул «Открыватель Ледникового периода». (И к черту Шарпентье, Шимпера и Форбса, отъявленных лгунов, посягающих на долю в его открытии!) И пока он силился высвободить копыто, движение льда ускорилось. Вот он уже несся со скоростью паровоза, десятки тонн голубоватого с пузырьками воздуха льда надвинулись на Агассиса, чтобы размазать по камням, подхватить его кости и упокоить их в какой-нибудь будущей морене…

Он проснулся в холодном поту, увидел мирно спящую рядом Цецилию и с облегчением привлек ее к себе.

Чувство, которое теперь испытал Агассис, увидев перед собой омерзительно гримасничающую харю изъясняющейся по-французски обезьяны, во всех отношениях было сродни тому, какое он испытывал как угодившее в ловушку, обреченное животное. Его сковал страх; на лбу и на голой волосатой груди выступили капли пота, точно вонючее гнусное выделение жабы (скажем, Bufo marinus). Думать он мог лишь о том, что его вот-вот разорвут в клочья.

Догорающая спичка обожгла Агассису пальцы. Боль вырвала его из оцепенения. Едва комната вновь погрузилась во тьму, он скатился с кровати и на четвереньках пополз к двери.

Внезапно комнату вновь озарил свет – на сей раз аргандовой лампы, которая возникла в выходившем на море открытом окне.

– Эй! – окликнул державший лампу. – Это не дом доктора Агассиса?

При более ярком свете лампы Агассис еще раз увидел обезьяну, которая, несколько минут назад погладив его по щеке, поздоровалась столь неожиданно. Его изумление удвоилось, когда он распознал истинную природу незваного гостя.

Не обезьяна, а негр!

К тому же не укрощенный раб, а дикий африканец!

Негр довольно субтильного сложения был одет так: на плечах

накидка из овчины (скрепленная спереди костяными пуговицами в кожаных петлях), далее – многослойная юбка из пальмовых волокон, унизанная разноцветными стеклянными бусинами. На руках и ногах звенят железные и медные браслеты, а еще раковины на кожаных шнурках. Непокрытые части тела как будто натерты смесью прогорклого животного жира и сажи.

И пока Агассис, застыв на четвереньках, в ужасе глядел на обезьянью морду незваного африканского гостя, вслед за державшей лампу рукой в окно просунулась объемистая нога в штанине и сапоге. Вторая рука вцепилась в подоконник. Затем последовало напряженное пыхтение, а потом возглас:

– Доннерветтер! Я бин застрять! Дотти, иди мне помогать!

Тут дикий арап повернулся и направился к окну. Агассис был поражен, увидев, что сзади юбка твари топорщилась на громадных ягодицах, столь колоссальных и непропорциональных, что они превращали в литоту сам термин «непристойность».

– Минутку, Якоб, – сказало существо, и тембр его речи в сочетании с именем, на которое оно откликнулось, объяснили Агассису, что страшный эфиоп был женского пола!

У окна негритянка схватила своего спутника за запястья и потянула. Нога в сапоге, уже попавшая в комнату, нашла опору на паркете, за ней вскоре последовал ее владелец.

Большой, как медведь (например, Ursus horribilis [27] из описанных в путевых дневниках Льюиса и Кларка), мужчина явно европейского происхождения был облачен в грязную белую блузу и островерхую шапку, сшитую, как распознал Агассис, из меха дикого зверя. Благодушное, выдубленное солнцем лицо незнакомца украшали усы и бакенбарды, как у английского сочинителя Диккенса.

Поставив лампу на подоконник, мужчина поспешил к Агассису и, подхватив его под мышки, без малейших усилий поставил на ноги, не переставая извергать поток фраз на чудовищно исковерканном английском.

– Майне глубошайшие извинения, доктор Агассис, что прервал фаш шон на такой необузданный манер, как ночной фор ja [28], но мы только что прибыли – майне шхуна, «Зи-Коэ», стоит на якоре прямо у фас под окном, – и нельзя терять ни минуты, если мы хотим найти дер украденный фетиш!

Агассис остолбенело уставился на безумца. Он рискнул отвести взгляд, дабы удостовериться, что негритянка – этот образчик антропологической гнусности, своим прикосновением осквернивший его лицо, – держится поодаль у окна на приемлемом, но все же чересчур близком расстоянии. Потом, обретя дар речи, произнес:

– Кто… кто вы? И что вам угодно?

Хлопнув себя полбу, незваный гость воскликнул:

– Что за глупая забыфшивость! Куша изфинений! Где майне манеры! Фаше имя штоль знаменито, а фаши обштоятельства мне штоль хорошо изфестны, что я фозомнил, будто и фы можете меня знать. Что ж, позвольте предштафиться. Майн имя есть Якоб Цезарь. Унд со мной – Дотти Баартман.

Доверительно наклонившись к Агассису, Якоб Цезарь добавил:

– У нее настоящее имя Нг! дату, но мне можно зфать ее Дотти.

Откликаясь на свое разрубленное щелчком имя, негритянка опять улыбнулась Агассису, от чего ее ужасный плоский нос противно сморщился.

Агассис не смог унять дрожь, вызванную отнюдь не теплым июньским ветерком. Стащив с кровати покрывало, он им обмотался. А затем снова повернулся к Якобу Цезарю.

Теперь он испытывал некоторое снисхождение к незваному гостю, которому хватило воспитанности, чтобы отдать должное его, Агассиса, славе.

– Ваша фамилия, сэр, мне ничего не сказала. И я все еще не понимаю, чем я могу быть вам полезен…

– Не сесть ли нам, и я фее объяшню. Может, тот графинчик с хересом, который я фижу на серфанте, шмочил бы майне горло…

Исполняя просьбу своего гостя, Агассис не спускал глаз с Дотти Баартман, которая сидела на корточках у стены, так что пальмовые волокна свесились у нее между ног, открывая уродливые черные ляжки, и старался овладеть собой, чтобы выслушать историю ночного гостя.

Но оказался совершенно не готов к впечатлению от его первых слов.

– Я бин сын Хендрика Цезаря, und [29] Дотти дочь… Внезапно Агассиса осенило:

– Готтентотская Венера! – вскричал он. Якоб Церарь улыбнулся.

– Ах зо, фижу, Ефропа еще ее не забыла.

Да, разумеется, Европа в лице Луи Агассиса еще не забыла, хотя означенная женщина умерла, когда Агассису было всего восемь лет, в 1815-м.

В 1810 году некто по имени Хендрик Цезарь прибыл в Лондон и открыл балаган на Пиккадилли. Состоял он из одного экспоната, большой клетки, установленной на помосте, всего на несколько футов приподнятом над жадными зрителями.

Внутри сидела черная женщина.

Окрещенная в афишах «Готтентотской Венерой», она – до своей сценической карьеры – была простой южноафриканской служанкой Саартье Баартман.

Как все сородичи бушмены, она являла собой странную смесь человеческих и животных черт и быстро привлекла сотни зрителей, которым не терпелось поглазеть на неразвитую представительницу низшей ступени человечества.

Гогочущих мужчин и хихикающих женщин особенно поражала ее стеатопигия, огромные жировые отложения в ягодицах, которые заметил у ее дочери Агассис. Эта часть ее анатомии была обращена к публике sans [30] одежды, и ее дозволялось трогать и тыкать, хотя свой pudendum [31] Саартье целомудренно прятала под набедренной повязкой.

(Впрочем, среди зрителей имелись и такие, кто туманно утверждал, будто истинный гвоздь выставки лежит под этим набрюшным покровом…)

После чрезвычайно успешного турне по Англии Цезарь и его подопечная уехали во Францию, где их ждал равно восторженный прием как широкой публики, так и ученых.

Но пленница Цезаря – допрошенная однажды представителями Благотворительного общества, она на хорошем голландском подтвердила, что позволяет себя выставлять по доброй воле за половину прибыли, – скончалась от воспаления легких в Париже 28 декабря 1815 года [32].

Отставив рюмку с хересом, Якоб Цезарь поведал Агассису ту часть истории Готтентотской Венеры, которая осталась неизвестна широкой публике.

– После смерти Саартье майн фатер, опечаленный и шелающий лишь фернуться в Кейптаун, передал останки швоей соотечестфенницы дер французскому наушному учрешдению по прошьбе натуралистов, которые надея-л ишь, что ш их помощью шумеют расрешить давний шпор в ештештфенной иштории. А именно шущештфование feminae sinus pudoris, или женшкой «вуаль стыда».

Агассис побледнел. Сама мысль о «вуали стыда» (десятилетиями он считал ее просто скабрезной байкой фольклора естествоиспытателей, какими обмениваются на ученых сборищах) была ему решительно отвратительна. Тем не менее, утешил он себя, как человеку разумному, ко всем подобным причудам Творца ему следует относиться невозмутимо.

Путешественники и прочие сомнительные личности давно распускали слухи, будто у женщин южноафриканского племени кои-сан есть половая особенность, отсутствующая у их более высокоразвитых сестер из цивилизованных областей земного

шара. Так называемая вуаль стыда якобы представляла собой лоскут кожи, свисающий с верхней части гениталий или с низу живота, как кожистый передник, прикрывая детородный орган.

Агассис стиснул зубы, готовясь выслушать рассуждения Цезаря об этой физиологической аберрации, но тот вновь его ошарашил совершенно неожиданным поворотом своей истории:

– Унд препарировал мать Дотти барон Кювье [33].

Жорж. Видит Бог, ему и теперь не хватает этого влиятельного человека! И через пятнадцать лет после своей смерти барон Кювье занимал в пантеоне Агассиса почетное место.

С сильнейшей ностальгией Агассис вспоминал, как честолюбивым двадцатидвухлетним юношей он посвятил свою первую книгу «Бразильские рыбы» знаменитому Кювье, с которым до того не был знаком. Этот вдохновенный гамбит привел к тесному общению и со временем – к ученичеству, а затем и к совместным публикациям с именитым натуралистом, что открыло Агассису путь к состоянию и славе. После преждевременной смерти Кювье от холеры Агассису посчастливилось найти замену своему ментору в прусском гении Александре фон Гумбольдте, и сегодня не оставлявшим его своим покровительством.

– Я и не знал, – сказал Агассис, – что Жорж интересовался Готтентотской Венерой, не говоря уже о том, что он препарировал ее труп. Почему он никогда не рассказывал мне про это?

– Ах, на то есть феская пришина. Фо-первых, когда вы пошнакомились, фее это уже было забыто, федь пятнадцать лет прошло. А фо-фторых, эта попытка обернулась для него большим разочарованием. Абер, позвольте, я продолжу ишторию известную и лишь потом раскрою ее тайную сторону. Фаш барон – ну как ищейка – сразу вфялся за срам Саартье. И обнарушдил, что tablier [34], как насыфали французы «вуаль», всего только самая обычная labia minora [35], фсего на три-четыре дюйма длиннее ефропейской нормы.

При мысли о целой расе, чьи женщины отмечены столь омерзительным уродством, Агассис не сдержал возгласа отвращения. Он покосился на готтентотскую самку, сидевшую всего в десяти футах, и испытал почти непреодолимое желание бежать. Лишь сверхъестественным усилием воли он заставил себя остаться в кресле.

– Тогда барон замаринофал орган Саартье, написал о нем штатью и занялся другими исследофаниями.

Агассис пришел в ужас.

– Вы утверждаете, что он поместил ее tablier в формальдегид?

Цезарь кивнул.

– Ja-ja. Und он сделал даже больше. Он сотфорил из него дер

фетиш.

– Что-о?!

– Вы не ослышались. Ваш кумир, барон Жорж Кювье, был черным магом.

– Это возмутительнейший…

– Наин, дер достофсрный факт. У меня естьдоказательстфо, что Кьювье был дер мартинист! Письмо его собстфенной рукой!

В бытность его в Париже до Агассиса доходили слухи о мартинистах. В конце восемнадцатого столетия некто Мартин де Паскалли, проживавший в Бордо, основал собственную масонскую ложу, назвав ее «Орден избранных жрецов». Поговаривали, хотя никто ничего доподлинно не знал, ведь орден не открывал своих тайн, в своих целях и ритуалах он соединил учения розенкрейцеров и аббата Гибура, сатани-ста при дворе Людовика ХГУ.

– Кювье хотел префратить дер tablier Саартье, – продолжал Цезарь, – в талисман необышайной силы, создать нофую Руку Славы [36]. Но у него нишего не фышло, то есть так он считал. И он подарил как экспонат Musee de l'Homme [37] унд забыл о нем. Кювье не знал, что до цели ему остафался один шаг. Ему не хфатало одного фажнейшего ингредиента, магического раштения из майне штраны.

Когда майн фатер вернулся в Кейптаун, он никому не рассказал, что случилось с останками Саартье. Даже мне, своему сыну, и дочери Саартье Дотти, которая осталась в нашей семье. Только полгода назад, на смертном одре, майн фатер решил облегчить душу и все фыложил. Я тут же сообщил его слова Дотти. К несчастью, о тайне прознал еще кое-кто.

Это был Т'гузери, колдун из племени Дотти.

Т'гузери тут же решил, что добудет дер tablier Саартье, зафершит его активацию унд использует в собственных целях.

Тогда я не обеспокоился. Как сможет бушмен добраться до Парижа и украсть что-то из музея? Но потом, месяц назад, я услышал от одного друга, голландского купца по имели Николас ван Рийн [38], который путешествует по всему швету, что оштанки Саартье украдены. Еще ему сказали, что дер вор бежал в Америку. Я понял, что этого Т'гузери необходимо оштановить. Поэтому я поднял якорь майне шхуна «Зи-Коэ» унд со всей фозможной поспешностью поплыл к фашим берегам.

У Агассиса отвисла челюсть. Никогда еще он не слышал столь нелепого оккультного вздора. Сознавая, что этот неуравновешенный субъект может быть опасен, если его спровоцировать, он решил ему подыграть, молясь про себя, чтобы кто-нибудь из домашних поскорей пришел ему на помощь.

– Но зачем, – надеясь кого-нибудь разбудить, громко вопросил Агассис, – этому Т'гузери ехать в Америку?

– Фопрос по делу, профессор. Дотти мне рассказала, что на этом континенте есть места, наделенные особой силой, и определенные ритуалы могут быть софершены только там. Вот вам еще причина, почему ваш Кювье потерпел неудачу. Унд одно такое мешто здесь, в этом самом штате.

Агассис не сводил глаз с двери. И где Дезор, когда он так нужен? Ему полагается всякий час быть под рукой…

– Предположим. Но почему вы пришли ко мне?

– Вы научный нашледник Кювье и несете отфетственность за его дела. Фаш моральный долг помочь исправить то, что он совершил. К тому же фы пользуетесь тут флиянием унд сможете ушкорить наши поиски.

Все еще отчаянно стараясь выиграть время, Агассис сказал:

– Полагаю, у вас была веская причина привезти с собой это существо. Возможно, ее животные качества помогут вам выследить ее примитивного родича? Умеют ли они вынюхивать друг друга на расстоянии?

Повернувшись к готтентотке, Цезарь ласково ей улыбнулся. На ее лице отразилась равная нежность.

– Ну, конешно, и из-за этого тоже. Но я просто не мог с ней рашстаться надолго. Понимаете, Дотти – моя frau [39].

3
Китовый ус

Когда иглобрюха (Canthigaster valentini) вытаскивают из воды, его первая и инстинктивная реакция – набрать в себя достаточно воздуха, чтобы превратиться в поразительный колючий шар и тем отпугнуть возможного хищника. Окажись эта похвальба неубедительной и хищник попытается попробовать свою жертву, иглобрюх умрет если не счастливым, то хотя бы довольным, прекрасно зная, что смертельный тетродогоксин в его клетках сполна за него отомстит.

Доктор Луи Агассис, вырванный из тихих вод логичных предположений, что перед ним господин и рабыня, надулся и начал опрыскивать гнусную парочку победоносным ядом.

Он вскочил на ноги, непроизвольно выпустив – чтобы легче было бурно жестикулировать – прикрывавшее его наготу покрывало. Его обычно румяное лицо полиловело, приняв оттенок брюквы, а кровь в жилах на лбу стучала, как племенные барабаны, – Агассис разразился праведными порицаниями:

– Именем Господа и всего, что есть на свете святого, сэр, я, христианин по рождению и убеждению, воспитанный в добродетельной семье, клеймлю вас как презренного предателя своей расы! Как вы могли! Как вы могли так себя осквернить и унизить белую расу в глазах этой твари и ее дерзких сородичей, которые, нет сомнения, все как один бунтари! Предаваясь такому животному кровосмешению, потакая своей гнусной похоти, вы подвергли опасности не только собственную страну, но и четыре тысячи лет цивилизации, борьбы человечества, стремящегося подняться из грязи! Уходите! Оставьте этот дом, как вы в него пришли, под покровом тьмы, сокрывшей ваш гнусный и чудовищный позор!

Чуть только Агассис закончил свою жгучую филиппику, как за дверью его спальни послышались торопливые шаги. Наконец-то, избавители! Citoyens, aux armes! [40]

Дверь распахнулась: за ней выстроились остальные обитатели этого ученого дома, вооруженные до зубов и готовые защищать своего предводителя. Пуртале потрясал верным альпенштоком, а Жирар держал наготове грозный микротом. Буркхардт размахивал сокрушительным мастихином, а Сонрель сжимал внушительную гравировальную иглу. Едва видимый за четверкой, скорчился Дезор, выглядывая из-за занесенных рук авангарда.

Подкрепление, однако, как будто не устрашило ни Цезаря, ни

готтентотку Дотти, которая все так же сидела на корточках у окна. Могучий кейптаунец спокойно оглядел изготовившихся спасителей, потом перевел взгляд на Агассиса:

– Ну и шайка узколобых фарфаров…

Агассис снова набрал в грудь воздуха.

– Негодяй! Уходите по доброй воле, не то я прикажу моим людям силой вышвырнуть вас отсюда!

– Теперь фы мне совшем не нрафитесь, профессор Агассис, хотя прежде я бин против вас нихт предубежден. Тем не менее мне нужна фаша помощь, чтобы фернуть останки майне тещи, пока их не употребили во зло. Если вы не окажете ее по доброй фоле, мне придется добиться этого принуждением. Я знаю, что фы фтерлись в доверие к американским ученым и широкой публике, которые шчитают, будто фы само софершенство. Как фам понравится, если они узнают, что челофек, всему фас научифший, фаш на-стафник и покровитель, был дер оккультист? Предстафляю себе, как будут смаковать эту нофость бульварные газеты. Скажем, «Кембридж кроникл» одер «Христианский наблюдатель»? Und ученое сообщестфо…

Когда опасность минует, иглобрюху, чтобы вернуться к исходным размерам, требуется в среднем не менее пяти минут.

Агассис скукожился за тридцать секунд.

Упав в кресло, голый натуралист слабо махнул своим соратникам, велев опустить оружие. Они подчинились, заинтересованно оглядывая невероятную картину.

Услышав угрозу Цезаря, Агассис внутренним взором увидел, как рушатся все его продуманные планы, все мечты о славе и карьере в Новом Свете, подорванные безумным, но смертоносным обвинением, которое тот намерен предъявить. С общественным мнением, этим всемогущим тираном, не шутят. Молниеносно Агассис сообразил, что у него нет иного выхода, кроме как сотрудничать с кейптаунцем – сколь бы отвратительным предательством белой расы ни был его выбор самки – и надеяться, что вскоре он уберется из его, Агассиса, жизни.

– Так и быть, – слабым голосом сказал натуралист. – Вы убедили меня в правоте своего дела, и я окажу вам посильную помощь. Но Бога ради, давайте отложим дальнейшее обсуждение до утра. Эдвард…

Увидев, что опасность как будто миновала, Дезор поспешно выступил вперед.

– Прошу вас, отведите мистера Цезаря и его… спутницу-туземку… в комнату для гостей.

– Слушаюсь, профессор.

Вскоре Агассис остался один и некоторое время спустя сумел

вернуть себе тень присущей ему решительности.

Так или иначе нужно покончить с этим делом как можно скорее. А когда бур и его человекообразная уедут, он велит сжечь все простыни, полотенца и половики, к которым они прикасались, и, возможно, также несколько предметов обстановки – в зависимости от того, как именно негритянка помечает территорию.

Наутро, после беспокойной полудремы, населенной неуловимыми, но определенно неприятными фантомами, Агассис присоединился к своим помощникам за общим столом. Обладая крепкой конституцией простолюдинки, Джейн проспала ночной переполох у себя в комнате, куда удалилась по совокуплении, и теперь порхала, как воробей (Spizella pusilla), расставляя перед признательными учеными блюда с маисовыми лепешками, яичницей и раками (Orconects limosus). Несколько обескураженная поначалу диким видом готтентотки Джейн быстро освоилась с ее присутствием, заметив, что «за столом она умеет себя вести получше этого дикаря мистера Олкота [41]».

За завтраком Агассис говорил мало, прикидывая, как отделаться от бура. А Цезарь тем временем потчевал собравшихся пламенными рассказами о своем бурном плавании на «Зи-Коэ» от мыса Доброй Надежды в Бостон, в котором вся его команда состояла из неутомимой готтентотки. К концу завтрака он очаровал всех до единого.

Когда его помощники ушли, чтобы взяться за свои повседневные труды, Агассис остался наедине с кейптаунцем и его черной самкой. Улыбнувшись Агассису, негритянка сказала:

– Вкусный завтрак.

Затем извлекла откуда-то из-под юбки небольшой нож с костяной рукоятью и принялась ковырять в зубах.

У Агассиса к горлу подступила тошнота. Поспешно встав, он удалился к креслу у камина, знаком предложив Цезарю следовать за ним.

– Нам следует обсудить наши планы, – начал Агассис.

– Ja-ja. Но снашала я должен рассказать фам еще про дфух человек, также играющих фажную роль в этом деле. Фчера ночью я не успел этого сделать из-за вашей нешдержанности.

Агассис нетерпеливо пожал плечами.

– Так говорите.

– Фы, наферное, слышали о Тадеуше Костюшко?

– Конечно. Польский патриот, сражавшийся на стороне американцев во время их революции. А при чем он тут?

– Унд вам известно, что у него есть сын? – Нет.

– Яволь, сын у него есть. После провала воштания 1794 года

Тадеуш был вынужден покинуть Польшу и в своих скитаниях встречался со многими националистами и революционерами. Он посетил оуэнитов [42] в Шотландии и Америке, карбонариев в Италии, фурьеристов во Франции [43] унд «Филике Геариа» [44] в Греции. Но как дома он чувствовал себя у ирландских патриотов в Дублине унд с дочерью одного из них зачал сына, которого назвали Фергюсом.

– Фергюс Костюшко?

– Ja. Фы уверены, что никогда о нем не слышали? Нет? Сейчас этому сыну тридцать лет, и он подвизается и в Ирландии, и в Польше. Он сражался в польских восстаниях и тысяча восемьсот тридцатого, и прошлого годов, а в последнее время пытался облегчить участь голодающих ирландцев, чей картофель гибнет от белой росы. Яволь, фее это побошные обстоятельства, фажното, что Костюшко-младший – приверженец польского мессианизма.

Агассис неохотно признался в своем полном неведении касательно этого движения.

– Польский мессианизм пропагандировал в основном поэт Адам Мицкевич, а еще философ Анджей Товьянский, живший изгнанником в Париже, пока в 1842 году французский архиепископ не выдворил его как шмутьяна. Они создали организацию под названием «Дер Форк [45] Божий», которая видит в Польше «Христа всех народов», чье предназначение – своими страданиями искупить грехи всего человечества. Дер догмат они подкрепили фсякими оккультными рассуждениями. Немудрено, ведь Товьянский учился у дер мартинист, дер художник Юзеф Олешкевич.

– Не понимаю, какое отношение к вашему украденному фетишу имеет весь этот польский фокус-покус?

– Яволь, фее просто. Костюшко прослышал о дер фетиш унд, догадавшись о его потенциальной силе, решил попытаться добыть его, надеясь использовать для освобождения сфоего народа. Мне сказали, что сейчас он в Массачусетсе.

– Хорошо. Верится с трудом, но, полагаю, вам лучше знать, кто интересуется фетишем. И кто же второе лицо?

– Э-э, это Ганс Бопп!

– Немецкий филолог в Берлинском университете, сотрудничающий с братьями Гримм? Сущая нелепица! Я знаком с этим человеком: это мягкий и учтивый ученый…

– Так то Франц Бопп. А Ганс – его брат и жираф соф-сем другой масти! Ганс – беспощадный глава тайной полиции фашего прусского патрона Фридриха и людей убил больше, чем тиф и желтая лихорадка, фместе фзятые! Более того, он последний

тевтонский рыцарь!

– Да будет вам! О них я слышал. И доподлинно знаю, что тевтонских рыцарей больше нет. Их орден прекратил свое существование в одна тысяча пятьсот двадцать пятом, когда Альберт Бранденбургский перешел на сторону Реформации. Хотя, кажется, какая-то ложа с таким названием существовала еще несколько десятилетий назад…

– Фот и фсем так кажется! Абер иштина в том, что не фее рыцари согласились с решением Альберта. Заклеймив его предателем, некоторые остались верны старым обетам, принятым еще во времена крестовых походов, фот они-то и создали тайное ядро нового ордена. Они так и не оставили мысли отфоевать Пруссию, которая когда-то принадлежала им. Смерть унд разочарование унесли фсех, кроме одного – Ганса Боппа. И сейчас ему кажется, что он нашел ключ к тому, как обратить в реальность древние мешты, – и видит его в маринованном сраме Саартье.

Агассис тревожно оглянулся по сторонам, но Джейн в комнате не было.

– Прошу вас, сэр, следите за своими словами! Я понимаю, что ваша так называемая жена – из первобытного племени, но в моем доме есть и другая женщина, пусть она всего лишь прислуга.

Цезарь подмигнул.

– Правду сказать, женщины ф таких делах хуже мужчин. Абер мы отклонились от темы. Бопп сейчас тоже в Америке. Он убедил своего короля, что идет по следу Костюшко… Он действительно ненавидит фсех поляков за поражение, которое они нанесли рыцарям при Данненберге в тысяча четыреста десятом году, но на самом деле вознамерился заполучить дер талишман!

Голова у Агассиса пошла кругом.

– Позвольте, я подытожу ваш рассказ. Некоего готтентотского колдуна, владеющего магической реликвией, которая должна быть активирована где-то на моей второй родине, преследуют польско-ирландский террорист и средневековый крестоносец. И всех их мы должны перехитрить, чтобы первыми завладеть реликвией.

– Фот именно!

Агассис прищурился на могучего бура.

– А как все это стало известно вам, ведь живете вы на краю света?

– Ах, профессор Агассис, я не дурень и, когда события начинают угрожать мне или моей стране, штараюсь узнать фее, что могу. Не думайте, будто я отрезан от информации только потому, что живу на краю Каффрарии [46]. Наш мир не так велик,

как был когда-то. Ешли пароход способен за девятнадцать дней пересечь Атлантику, ешли земной шар расчертили тысячи миль рельсов, ешли самые темные уголки мира начинает освещать дуговая лампа науки, возглафляемой такими гениями, как фы, то… яволь, даже простой фермер вроде Якоба Цезаря сможет узнать, что ему нужно.

Агассис надулся как индюк (Meleagrisgallopavo).

– Верно, такие, как я, бесценны на ниве избавления мира от невежества… Знаете, вы кажетесь разумным человеком, Якоб. Не могли бы мы обсудить этичность расовой чистоты?… Вижу, что нет. Ну, быть может, придет день, и вы одумаетесь. Тем временем, полагаю, нам нужно заняться делами.

Повелительным криком (в своей обычной манере давать распоряжения) Агассис призвал из кухни Джейн. Та прибежала вся красная.

– Ей-богу, сэр, поговорили бы вы с мистером Дезором, пусть он придержит свой нечестивый язык! Что он мне такое рассказывал… знаю, это научные факты, но, сдается, девушке их слушать не пристало. Например, вам известно, что у среднего кита мужской член длиной в десять футов?

Цезарь подмигнул Агассису: «А, что я вам говорил?» Агассис же был раздосадован.

– Довольно пустой болтовни! Джейн, сегодня утром вы отложите обычные дела, поскольку у нас для вас наитруднейшее задание. Поглядите на это… это первобытное создание. Мне нужно, чтобы вы его помыли и одели так, чтобы с ним можно было показаться на улицах Бостона.

– Как прикажете, сэр. А человеческое имя у нее есть? Агассис от вопроса отмахнулся.

– Ба! Какое это имеет значение. Тут подал голос Цезарь:

– Конечно, у дамы есть имя. Ее зофут Дотти.

– Ах как мило. У меня есть кузина по имени Дотти, она осталась дома в Летчуорте. Ладно, помогите мне вскипятить воду, Дотти, а потом мы вытащим старый жестяной чан.

– Давайте пройдем в мой кабинет, Якоб, и оставим Джейн ее титаническим трудам. Мы должны обсудить наши планы и методы.

В кабинете Агассис открыл было рот, чтобы обрисовать, до какого предела бур может рассчитывать на его сотрудничество, но Цезарь его опередил:

– Почему фы так жестоки с майне фрау, Луи? Рашве фы не понимаете, что Дотти так же вошприимчива и чувствительна, как мы с вами? Она ведь неплохо знает английский, унд даже если не понимает каждое фаше слово, то все равно может почувствовать

фаше отношение и обидеться. Наверное, знай фы ее историю полностью… Дотти родилась за год до того, как ее мать уехала в Европу, и девочку отдали на попечение тетушки. Эта женщина была майне кормилица…

Агассиса передернуло. Ему придется призвать на помощь всю выдержку, которая позволяла ему учиться ночи напролет, пока его однокашники бражничали в мюнхенских пивных…

– Мне было тогда пять лет. Майн фатер уехал, мейне мутер умерла от укуса рогатой гадюки, унд я снова оказался на попечении старой кормилицы. А потому мы с Дотти росли вмеште, как родные брат и сестра.

Однажды, когда мне было десять, а Дотти пять, мы играли на берегу реки Бреед, и я соскользнул с отвесного глинистого берега в воду, прямо в стадо зи-коэ, у вас их называют гиппопотамами. Решив, что я нападаю на детенышей, самки подплыли ко мне и стали меня топить.

Унд когда я ушел с головой под воду уже в третий раз, что-то ткнуло мне в макушку. Я инстинктивно за это схватился.

Это была ветка, которую нагнула мне Дотти. Унд я смог выбраться из реки.

В то мгновение, когда она спасла мне жизнь, я понял, что женюсь на ней. Зо я и сделать.

Я дал ей наилучшее, какое смог, образование. Она говорит, читает и пишет по-голландски, по-французски и на своем родном языке. Всю дорогу сюда она упражнялась в английском и уже готова взяться за «Первую хрестоматию» Макгаффи. Иными словами, несмотря на сфою внешность, которая фам, возможно, неприятна, она умная, сообразительная женщина и так же достойна фашего уважения, как фаша жена.

Упоминание Цецилии – точно укол в синяк – стало последней каплей. Сквозь стиснутые зубы Агассис процедил:

– Герр Цезарь, я бы посоветовал вам никогда больше не позволять себе вольностей с именем моей спутницы жизни, особенно в столь возмутительном сравнении. Достаточно того, что я терплю присутствие вашей дикой подруги в моем доме. Вам не следует требовать, чтобы я уравнял ее с теми, кого Творец создал по Своему истинному подобию!

Цезарь только развел руками.

– Ах зо! Череп у фас толще, чем у слона, а сердце жестче, чем алмазы майне страны! Больше я шпорить не стану, профессор Агассис. Абер помяните майне слова: настанет день, и фы раскаетесь в своем предубеждении.

Агассис одернул жилет, словно приглаживал перышки.

– Тем не менее мы будем сотрудничать на моих условиях или

не будем сотрудничать вовсе.

– Как фам угодно.

– Прекрасно. Так вот, вы должны понять, что мое время полностью распределено между научными исследованиями, которые я не могу оставить ради ваших вздорных поисков. Я исподволь наведу справки среди моих знакомых и корреспондентов и тех, с кем веду дела, касательно местонахождения этого мошенника Т'гузери и, может быть, даже сам проверю некоторые сведения, буде это совпадет с той или иной моей экспедицией за новыми образцами. Однако главным образом вы будете действовать самостоятельно, хотя я позволяю вам воспользоваться моим далеко не безвестным именем. Можете на меня ссылаться.

– Ах, профессор, какая честь!

– Пустяк. Далее, вы упомянули о некоем месте, которое обладает определенными уникальными свойствами, коии ваш колдун считает полезными для его ритуалов. Где это место? Очевидно, что, если мы его определим, вор быстро окажется у нас в руках.

– Ну, точно я не знаю. Здесь я надеялся на фашу помощь. Может, если я его фам опишу… Это одно из тех мест, где жизнь возникает спонтанно…

Агассис вскочил.

– Что вы сказали?! Вы в этом уверены?

– Ja, софершенно уферен.

В споре о происхождении жизни на Земле соотечественники Агассиса разделились на два лагеря. Одна группа считала, что жизнь таинственным образом зародилась одномоментно в некоей неизвестной колыбели и оттуда распространилась на весь земной шар. Эти доверчивые простаки, к числу которых принадлежали Аза Грей, Джозеф Хукер и Чарльз Лайл, также верили в некую туманную теорию, называемую «эволюция» (лучше всего объясненную в эпохальных трудах «Zoonomia» [47] Эразма Дарвина и «Systeme des animaux sans vertebres» [48], согласно которой существо одного вида будто бы может каким-то образом со временем превратиться в существо другого!

Агассис, однако, принадлежал к тем здравым умам, которые утверждали, что Творец создал все различные виды и расы раздельно, полностью сформированными и каждую в своей собственной стране. Что до «эволюции»… Ну, окаменелости ясно свидетельствуют, что одно существо не перетекает в другое, а все исчезнувшие виды вымерли в результате различных катастроф, а затем из тех же источников творения поднялись новые.

Теперь же из слов Цезаря следовало, что один из этих

священных первичных источников – может быть, даже тот, из которого произошли краснокожий человек, опоссум (Didelphys virginiana) и маис (Zea mays), – находится в Массачусетсе!

Возбужденно расхаживая взад-вперед, Агассис говорил:

– Теперь, когда я в полной мере осознал значение ваших поисков, они приобрели для меня тем большую важность. Ведь если я мог бы неопровержимо установить этот американский Омфалос [49], мое имя прогремело бы в веках! – На лице у Цезаря отразилось отвращение, и Агассис тут же добавил: – О! И разумеется, я буду счастлив вернуть фетиш в Musee de l'Homme. Возможно, я несколько поспешил, ограничив мое участие в ваших трудах, Якоб. Да что там, я в этом уверен. Можете рассчитывать на мою всемерную помощь и поддержку. Вместе мы вмиг изловим этого знахаря.

– Излишняя уференность опасна, профессор. Не забывайте, что у нас есть конкуренты.

– Sansculotte-экстремист [50] и свихнувшийся на мифах пруссак? Не смешите меня! Какие у них шансы против швейцарского гения науки?

– Ja, разве не так говорил Наполеон перед Фатерлоо…

– Полноте, давайте посмотрим, насколько Джейн преуспела в том, чтобы сделать вашу готтентотку приличной для цивилизованных глаз. Предлагаю хранить ваше истинное происхождение в тайне, дабы не предупредить Т'гузери, что по его следу идет соотечественник. Мы будем говорить, что вы латифундист из Голландской Гвианы, а Дотти – освобожденная рабыня. Этот город – истинный рассадник аболиционизма, и такое объяснение не может не вызвать симпатии.

На кухне Агассиса и Цезаря ожидало поразительное зрелище.

Национальный костюм Дотти сменился нарядом по последней американской моде. Курчавые волосы прикрывала шляпка, обрамлявшая ее угольно-черное лицо, как черное ведерко для угля. Дотти облачилась в юбку из коричневой тафты, отделанную воланами из вышитой кисеи и натянутую на кринолин таких необъятных размеров, что он полностью скрыл пышность ягодиц, которой наделила ее природа. Довершали все высокие кожаные боты на шнуровке.

Возясь с последними мелочами, Джейн и Дотти перешептывались и хихикали. Заметив мужчин, они разразились взрывами смеха, который у Дотти прерывался странными щелчками.

– Будет вам, Джейн, – строго сказал Агассис. – Что тут смешного?

Этот выговор лишь вызвал новый припадок бурного веселья.

Но наконец женщины успокоились настолько, что Джейн смогла выговорить:

– Ох, профессор, просто этот кринолин распялен на китовом усе!

– Но скажите же, что в китовом усе настолько забавного? И будьте добры, обойдитесь без вашего обычного зубоскальства!

Но этот неудачный выбор слов только пуще рассмешил женщин, и ответа так и не последовало.

4
Что принес почтальон

С тех самых пор, как в возрасте пятнадцати лет он изложил в дневнике ход своей будущей карьеры, Агассис никогда не знал неудач, во всяком случае, никогда в них не признавался. Бесспорно, некоторые события происходили не вполне удовлетворительно. Его брак, например. Но всегда находилась точка зрения, с которой можно было обнаружить частичный успех, превращавший безнадежное поражение в лучезарную победу. Никогда ему не приходилось признаваться в некомпетентности, вслух произносить три слова: «Я потерпел неудачу».

Теперь же, быть может, этот черный час настал. Как ни ненавистно ему было в этом признаваться, он столкнулся с областью, для которой как будто не обладал решительно никакими талантами.

И этой областью был сыск.

Он был совершенно убежден, что как только приложит свой мощный ум к проблеме исчезнувшего фетиша, так сразу сможет привести Цезаря к дьявольскому готтентотскому колдуну Т'гузери. В конце концов, разве сыск не бледное подобие науки? И там, и там вам предлагается набор разнородных и на первый взгляд не связанных между собой фактов, для которых требуется вывести всеобъемлющее объяснение, а оно позволит предсказать или экстраполировать поведение объекта, будь то человек или атом. Нет сомнений, естествоиспытатель, прочитавший по бороздкам на скалах в долине Роны движение древних ледников, сумеет пойти по следам, которые оставит примитивная чернокожая обезьяна.

Тем не менее этого не случилось.

Прежде чем раскинуть сети подальше, Агассис указал, что сначала им следует исключить город как возможное убежище Т'гузери. Натуралист считал, что город как Ось Государства не может не привлечь колдуна, пусть это и не Космогонический Локус, где он в конце концов совершит свои некромантские ритуалы.

И потому два дня натуралист и Цезарь прочесывали извилистые, точно коровьи тропы, улицы Бостона. В этих поисках их сопровождала безмолвная, но пытливая и любознательная Дотти, чьи чернильно-обезьяньи черты поразительно контрастировали с западным нарядом и привлекали взгляды и

свист пешеходов низших сословий.

Трио навело справки в различных слоях общества, выискивая любые сведения о полуголом бушмене, носящем при себе замаринованную деталь женской анатомии.

Сперва они попытали счастья у знакомых Агассису матросов в порту, рассудив, что из Парижа Т'гузери должен был приплыть на корабле, торговом или ином. На всякий случай они заглянули даже на верфи Маккея неподалеку от дома Агассиса в Восточном Бостоне, где Дональд Маккей строил свои великолепные клипера, такие как «Летучее Облако» и «Повелитель морей», доминирующие в торговле между Калифорнией и Китаем. Но к кому бы они ни обращались, никто бушмена не видел.

Переехав на пароме из Восточного Бостона на Шомат, они сошли на Длинном причале с его замечательным кирпичным пакгаузом в две тысячи футов длиной и высотой в четыре этажа. Но даже там, где сохли рыбачьи сети и были пришвартованы десятки шхун, барков и шлюпов, среди которых гордо, точно павлины (Pavo cristatus) среди кур (Gallus gallus), покачивалась одинокая яхта из Ньюпорта, ничего не узнали.

Вынужденные предположить, что коварный чародей сошел на берег где-то в другом месте на Восточном побережье, они обошли все железнодорожные и почтовые станции, расспрашивая носильщиков и кассиров, торговцев и бездомных бездельников. Они обошли улочки и закоулки от Косевей-стрит до Провиденс и Ворчестерского вокзала в Южной гавани. Тщетно.

– Что, если Т'гузери приехал по суше на судне, которое тянут лошади?

– На барже по каналу? Давайте проверим.

Но ни один из потных мужланов, ведущих лошадей, которые тянут плоскодонные семидесятифутовые баржи по Мидлсексскому каналу от реки Мерримак до Бостонской гавани, ничего не мог сказать о колдуне.

Три сыщика обследовали деревянные бараки Соуф-энда, набитые эмигрантами, – безрезультатно. Предположив, что Т'гузери, быть может, воспользовался своим малым ростом и выдает себя за ребенка, они посетили Городской приют для бездомных мальчиков и многие бесплатные школы. Среди учеников не было ни одного готтентота.

Они справились во всех тридцати «благотворительных, попечительных и милосердных обществах» города, но безуспешно.

Отчаявшись, они посетили бостонскую больницу для умалишенных в Сити-пойнт, исходя из того, что, может быть, Т'гузери поймали и заключили туда. Хохот ее обитателей

болезненно напомнил Агассису об ожидавшем его по вине Дезора в Бедлам-колледже фиаско. К сожалению, ни один из сумасшедших бушменом не был.

И тут они зашли в тупик.

– Мои рассуждения были безукоризненны. Я был абсолютно уверен, что негодяй затаится в городе, где его присутствие скорее всего останется незамеченным…

– Ах, мне бы шледовало пойти к кому-то, у кого ешть опыт в подобныхделах. Скажем, к писателю Эдгару По. Тот, кто способен создать першонажа, подобного Огюсту Дюпену, сумел бы решить такую проштую загадку.

– Не смешите меня! Этот журналистишка всего лишь пьяный мечтатель, взять только его болтовню о полой Земле и тому подобном. А его мораль омерзительна. Да его едва не вывезли из города, вываляв в дегте и перьях.

– И тем не менее…

Агассису осталось только использовать сеть своих корреспондентов, мужчин и женщин, любителей и профессионалов, кто, послушав его лекции, по зову сердца завербовался в великую и славную Армию Науки. От них ему ежедневно приходили посылки со всевозможными природными диковинами, и эти посылки, иногда осклизлые и вонючие, иногда еще жужжащие, квакающие или шипящие, были источником многих тревог для Джейн, на которую была возложена обязанность принимать почту.

Под конец второго бесплодного дня Агассис написал одно и то же письмо каждому своему корреспонденту:

> *Уважаемый друг натурфилософии!*
>
> *Ваш смиренный профессор просит быть настороже, ибо вам может представиться случай увидеть поистине гага avis [51]! Мне сообщили, что в этих местах видели живых африканских туземцев вида готтентот, возможно, унесенных ветрами во время естественной океанской миграции и заброшенных на наши северные берега. Я вдвое увеличу обычную премию, если вы будете так любезны и пришлете мне достоверные сведения об этих экземплярах. Разумеется, если вам посчастливится поймать их, тем лучше, и вы можете рассчитывать на оплатувсех расходов по их скорейшей перевозке, а также возмещение за любой корм, который они могут потребить.*
>
> *Ваш в таксономическом единстве,*
>
> *Луи Агассис*

В дверь кабинета неуклюже постучали. Это, вероятно, Джейн с вечерней почтой. Возможно, уже есть ответ от одного-двух корреспондентов, живущих поближе…

– Войдите.

Кто-то завозился с ручкой, потом дверь от пинка распахнулась и с грохотом ударилась о стену.

Вошла Джейн, шатаясь под тяжестью посылок, которые несла на вытянутых руках и которых было так много, что они совершенно ее скрыли. Она сделала несколько нетвердых шагов к бюро, но на полпути с пронзительным визгом уронила свой груз.

– Меня кто-то укусил!

Рухнув на диван, /Джейн разрыдалась. Поспешно закрыв дверь, Агассис сел с ней рядом.

– Ну же, ну же, милая, где болит? Покажите папе Агассу.

Джейн расстегнула высокий воротник блузы, потом еще несколько пуговиц намного ниже ключицы.

– Вот. Поглядите, до чего покраснело!

– Кожа не повреждена, Джейн. Наверное, это был просто острый угол коробки. Вы вообще слишком впечатлительны, моя дорогая. Дайте, я поцелую, и все заживет…

Только Агассис склонил голову на пышную грудь Джейн, как дверь без предупреждения открылась. Агассис вскочил, а Джейн начала поспешно застегивать блузку.

Это был Дезор. Маслено осклабясь, немец попытался подкрутить кончик ничтожного уса. Преуспел он лишь в том, что вырвал несколько слабо держащихся волосков, которыми ему никак не следовало бы разбрасываться.

Усилием воли Агассис подавил ярость. Не пристало придавать этому вторжению чрезмерное значение.

– Эдвард, я предпочел бы, чтобы в будущем вы стучались. Что, если бы я был занят чем-то личным?

– Я думал, так оно и есть.

– Ничего подобного! Джейн просто принесла почту и решила дать отдых ногам. Так что занимает ваши мысли, если они у вас вообще есть?

– Прибыл мой кузен Мориц и хочет вам представиться.

– Прибыл? Всего три дня назад вы мне сказали, что он отплыл. Что, произошла великая перемена, о которой мне – как это ни маловероятно – ничего не известно?

– Мне не хотелось, чтобы вы излишне тревожились за него, и поэтому я откладывал, не рассказывая вам, почти до самого его приезда.

– Хрм! Полагаю, вы желали поставить меня насколько возможно перед fait accompli [52]. Хорошо, скажите Морицу, что с

разговором о приеме на место придется подождать до тех пор, пока у меня будет больше времени. А тем временем подыщите ему занятие, пусть отрабатывает свое содержание. Учитывая его квалификацию, вероятно, чистка конюшни подойдет ему больше всего.

– Вздор. Мориц – джентльмен. Я посажу его насаживать бабочек на булавки.

Прежде чем Агассис успел отменить это решение, Дезор исчез.

Агассис же бочком подобрался к Джейн, которая, встав с дивана, уже собралась уходить. Он потерся носом о ее волосы.

– Его слова о насаживании мне кое о чем напомнили…

– Господи помилуй! – хихикнула Джейн. – Не вгоняйте меня в краску, сэр! Подождите хотя бы до ночи…

После ухода Джейн Агассис подобрал с пола почту и начал открывать посылки. Послание от самого верного его английского корреспондента, некоего К. Каупертуэйта, которое обычно он открыл бы первым, сейчас было поспешно отложено в сторону.

К его изысканиям имела отношение только одна посылка. Имя отправителя показалось Агассису незнакомым: он не принадлежит к его обычным корреспондентам.

> *Господа, я слыхал, вы ищете своово беглого черномазого. У меня тут есть один, которого я сцапал, когда гаденыш пытался сбежать в Канаду. Может, это ваш. Шлю вам гостинчик, по которому вы авось его узнаете. Если это ваш, будьте добры приедьте и заберите его, поскольку скотина сама передвигаться не в состоянии. Только звонкая монета, никаких бумажек.*
>
> *Ваш Осия Клей*

Агассис открыл приложенную к неграмотному письму коробочку.

Внутри лежало отрезанное ухо чернокожего, кровь на нем запеклась, и к ней прилипло несколько курчавых волосков.

Потрясенный Агассис уронил коробку – ухо вывалилось и немым укором осталось лежать на ковре.

Господи всемогущий! Сколь заразно зверство, в которое рано или поздно впадают белые люди, принужденные жить бок о бок с чернокожими! Какой эпической трагедией оборачивается это смешение рас! Вся страна запятнана им и пребудет запятнана столько, сколько ей отпущено существовать. Хвала Всевышнему, благодаря швейцарскому гражданству и научному подходу он, Агассис, тут чист и бел…

Каминными щипцами Агассис подобрал ухо и поместил его вместе с письмом и коробкой в недра франклиновой печки [53]. Даже в это время года ночь может выдаться прохладной, и небольшой огонь не вызовет ни у кого удивления.

Следующее письмо было от матери Агассиса.

Милый сын!

Вы знаете, что в недавнее время Цецилия хворала от многих тягот, не последняя из которых – ваше неизбежное отсутствие. Когда большую часть дня она стала проводить в постели, мы ожидали худшего. Теперь доктор Лойкхардт поставил диагноз, и с болью сообщаю вам, что это туберкулез.

Цецилия с детьми уезжают во Фрибур, так как доктор Лойкхардт считает, что перемена климата пойдет ей на пользу, а еще она очень тоскует по дому.

Цецилия и дети шлют вам сердечный привет. Жена просит вас не тревожиться, ведь это ей не поможет, а только послужит помехой в ваших трудах.

С глубочайшей любовью,

Мама

Письмо выскользнуло из безвольной руки Агассиса. Мысли и воспоминания, бессвязные упреки и оправдания закружились в его мятущемся мозгу, точно Apii melliferae [54] над клеверным полем.

Смятенные думы обуревали его, казалось, целую вечность, но тут дверь кабинета снова распахнулась.

Подобно северному ветру, влетел грозный капитан Дэн'л Стормфилд и принес с собой запах морской соли.

Поначалу Агассис едва мог сосредоточиться на словах моряка. Но наконец он поймал себя на том, что его снова заворожила, разогнав уныние, оживленная болтовня Стормфилд а.

– Как поживаете, перфессер? Можете называть меня бесхребетной медузой, но я так и не принес вам чудесную меч-рыбу, как обещал. Дело было так. Моя жена прознала про бедную тварь и прибрала ее к рукам. Понимаете, она уже год на меня наседала, чтобы я купил ей новомодную швейную машину Гоуэ, а я сопротивлялся, ведь она ох как дорого стоит. И стоило моей старушке прознать, что умеет меч-рыба, как она просто забрала ее, ну и что тут поделаешь? Поставила для тварьки в гостиной чан с водой и заставляет работать день и ночь, шить ей и ее товаркам платья по последней моде развеселого Парижа [55].

Несчастная рыбка едва-едва справляется с их заказами и, боюсь, скоро издохнет. Я постараюсь вам ее тогда принести, ведь дохлая рыба все ж лучше, чем ничего, я так скумекал. Но пока принес вам кое-что новенькое.

Запустив руку под засаленный свитер, Стормфилд извлек трупик птицы.

– Это обычный дрозд (Turdus migratorius). Зачем он мне?

Удовлетворенно пожевав черенок трубки, Стормфилд посоветовал:

– А вы присмотритесь поближе, старина.

Агассис взял птицу. Перья у нее были на ощупь странные: скрипучие и чешуйчатые. Между пальцами имелись перепонки, а за ушными отверстиями топорщилось что-то вроде жабр.

– Угу, это самый что ни на есть морской дрозд! Я словил его сетью прямо посреди Марблхедской бухты. Не могу сказать, почему в ее водах всегда появляются странные твари. Будто выпрыгивают из ниоткуда… Агассис нашел несколько монет.

– Так и быть, куплю вашего «морского дрозда» для препарирования. Но если обнаружу, что это снова подделка, вас ждет суровый выговор.

– Да будет вам. Что эта птица настоящая рыба или как раз наоборот, так же верно, как то, что у Санта-Анны [56] деревянная нога.

Попробовав монеты на зуб, Стормфилд собрался было уходить, но вдруг остановился, явно встревоженный чем-то, что увидел в окно кабинета.

– Перфессер, сдается, горит иностранная шаланда, которую вы пришвартовали к вашей пристани.

– Что?!

Агассис подошел к окну. И верно, клубы синеватого дыма вырывались из каюты «Зи-Коэ», куда Цезарь и Дотти удалились, чтобы передохнуть и «немного подумать».

У выбежавшего из кабинета Агассиса, за которым по пятам следовал Стормфилд, хватило присутствия духа сорвать с крючка у задней двери парусиновое пожарное ведро.

Оказавшись на небольшой пристани, он зачерпнул морской воды и взбежал по широким сходням на шхуну бура.

– Держитесь, бравые матросы, помощь идет! – загремел Стормфилд. Протопав мимо Агассиса, рыбак плечом вышиб дверь, и натуралист, не глядя, плеснул водой в задымленную каюту.

Из которой вырвался вопль:

– Майн Готт, это што еще за ошкорбление?

Когда источник едкого дыма был устранен, а дверь распахнута, воздух в каюте очистился. Пару минут спустя

Агассису открылась пасторальная картина.

Якоб Цезарь сидел в кресле-качалке, верная Дотти, как животное, свернулась калачиком у его ног. Оба держали трубки с длинным черенком, теперь погасшие.

– Неужели человек не может прошто покурить со сфоей женой, не навлекая на себя второго Потопа?

– Мы думали, пожар… – Голос Агассиса пресекся.

– Не говорите ерунды. Мы только смаковали трубку-другую даки, чтобы успокоить нервы и взбодрить мозги.

– Таки?

– Наин, даки. Помните, в ту первую ночь я говорил, что Т'гузери использует особое растение, чтобы активировать дер фетиш? Ну так вот, это растение – дака, которая растет в майне стране. Т'гузери нужно дфа месяца вымачивать фетиш в настойке на даке, и лишь тогда он сможет про-ишнести над ним заклинания. Вот откуда я знаю, что он еще не пустил его в ход. Абер время у нас уже почти вышло. По моим подсчетам, осталась всего неделя или около того.

– Но что именно представляет собой дака? У вас есть образец?

– Конечно, у меня еще полно осталось. Вот.

Агассис изучил предложенное ему растение и быстро его узнал.

– Да это же просто деканская конопля, cannabis sativa. Что в ней такого особенного?

– Э-э, дака в каждой стране сфоя, зависит от почвы, дождей, солнца и так далее. Например, по пути сюда я остановился на Ямайке и нашел, что их канабис, который они называют ганжа, просто уникален. Но оживить дер фетиш можно только при помощи южноафриканской даки.

– Вы говорите, – подал голос капитан Стормфилд, – будто вот эта травка что-то вроде змеиной мази? Помогает от болезней?

– Будьте уверены! Хотите попробовать?

– Не откажусь. – Стормфилд начал щедро набивать трубку.

– А вы, Луи? У меня тут где-то есть запасная трубка. Но Агассис раздраженно отмахнулся.

– На сегодня у меня есть дела поважнее, чем рассиживаться и как краснокожий передавать по кругу трубку мира. Мне нужно навестить моего патрона Лоуэлла по личному делу. Надеюсь увидеть вас за ужином, где мы обсудим, что нам делать дальше.

– Ja, только-только мне пришло в голову кое-что касательно местонахождения Т'гузери, как фы меня потушили. Сейчас попытаюсь это фосстановить.

После нескольких внушительных пыхов капитан Стормфилд

стал еще более оживленным и словоохотливым, чем обычно:

– Итак, дружище, откуда вы с вашей вороной хозяйкой имеете честь быть?

– Дер мыс Доброй Надежды.

– И пришли под парусом на этой шхуне совсем один?

– Ja-ja.

– Ну тогда это отличный переход. Скажите, а какому типу секстантов вы отдаете предпочтение?

– Ах, я пользуюсь старым английским «хэдли», который оставил мне майн фатер…

Агассис оставил двух моряков обсуждать тонкости мореходства. Переоблачившись в парадный сюртуки великолепный цилиндр, он отправился в дом своего состоятельного благодетеля Джона Эмори Лоуэлла.

Джон Эмори Лоуэлл принадлежал к американской элите, которая, пусть и не могла равняться с Ротшильдами, была весьма и весьма состоятельна. Лоуэлл, например, владел целым фабричным городом, носящим его имя. Вместе с четырнадцатью другими кланами Лоуэллы составляли Семьи. Эти теневые хозяева Бостона проживали в фешенебельном Тонтэн-кресцент [57]. Семьи контролировали двадцать процентов производства хлопка во всей Америке, тридцать девять процентов страхового капитала в Массачусетсе и сорок процентов банковских ресурсов штата.

Однако, как все парвеню, они жаждали щегольнуть своей интеллектуальностью и «вкусом». Именно эту тягу к культурной валюте так искусно умел обратить себе на пользу Агассис.

Лоуэлл жил в квартале Бикон-хилл, откуда открывался отличный вид на здание Законодательного собрания, а точнее – на Парк-стрит, в изящном особняке, построенном для него известным архитектором Чарльзом Буллфинчем.

И к этому роскошному domicile [58] направил сейчас свои стопы Агассис.

Он шел по улицам города. Мимо новомодных особняков на Тремонт-стрит с эркерами на первых этажах, мимо старых кирпичных зданий, окрашенных во все оттенки оранжевого и красного, бледно-розового, даже темно-пурпурного, мимо домов в примитивном «стиле бостонского гранита». Он миновал деревянное готическое строение, в котором разместился магазин готового платья «Оук-хилл», затем бакалейную империю Бэтчердера и Снайдера и Бойлстонский рынок.

Несколько господ, по виду – скотопромышленники, приехавшие на ярмарку на Брайтонском рынке, сидели под тентом у дверей Биржевой кофейни, обсуждая тонкости

кастрации бычков. Повсюду громыхали повозки, и коммерция процветающего города, перекрестия десятка железных дорог и такого же числа линий дилижансов бурлила так лихорадочно, словно от нее зависел весь свет.

Повсюду пестрели афиши, вербующие добровольцев на Мексиканскую войну, идущую вот уже второй год. (Дезертиров, как сообщал «Вечерний путник», было множество: некоторые солдаты, в недавнем прошлом иммигранты, просто переходили на сторону врага!)

> **Мужи Бостона!!!**
> **Президент Польк призывает к оружию!**
> **Сплотитесь вокруг доблестного генерала с львиным сердцем, вокруг генерала Тейлора!**
> **Он поведет вас к славе и победе над гнусными латиносами!**
> **Помогите отвоевать Техас для Соединенных Штатов!**
> **Плата $7 в месяц!**
> **По выходе в отставку – премия:**
> **$24 и 160 акров земли на новых территориях!**
> **(Наличие всех членов и крепкого здоровья для получения премии обязательны.)**
> **(Земля может содержать индейцев.)**

Наконец Агассис оказался перед резиденцией на Парк-стрит, где ему открыл дверь дворецкий. Пока он ждал в богато обставленной приемной, у него едва хватило времени полюбоваться безделушками, выставленными на серванте красного дерева в итальянском стиле, перелистнуть страницу-другую последнего выпуска «Иллюстрированного Глизона» [59]. И тут вошел Лоуэлл, плотный самоуверенный господин, одетый просто, но дорого.

– Профессор Агассис! Чертовски приятный сюрприз! Прошу прощения за задержку, я был занят с мэром Квинси. Мы с Квинси решили, что треклятому городу нужно еще земли! Слишком много акров простаивает под болотами и поймами, а ведь там сплошь никчемные рыбы, птицы да травки! Так не годится. Как только проложат трубы от озера Кочитутат, мы удвоим население города! Мы срыли Бикон-хилл и Пембертон-хилл, но и то гравия не хватило! Теперь очередь за Форт-хилл, потом засыпем Таункоув. Ирландских работяг у нас для этого хватит, пусть потаскают! Но нельзя, чтобы сейчас об этом прознали чертовы фермеры, не то они задерут цены, поэтому обо всем, черт побери, молчок! Ах да, что я могу для вас сделать?

Агассис пустил в ход очаровательный акцент:

– Мистер Лоуэлл, вам известно, что ваш друг мистер Лоуренс собирается подарить Гарварду новый факультет?

– Конечно, конечно. И что с того?

– Я бы полагал, что поскольку вы мой патрон, в ваших интересах было бы помочь мне получить место профессора. Достанься оно какому-то неучу воде Роджерса или Холла, это не сделает чести вашей проницательности, благодаря которой вы поддержали меня, яркого представителя европейской науки. Вы согласны?

– Ей-богу, вы правы! Место должно быть вашим. Что, черт побери, думает Лоуренс, даже рассматривая другие кандидатуры? Уж я на него нажму…

– Нет-нет, мистер Лоуэлл, не надо крутых мер. Нельзя, чтобы с этим назначением связывали хотя бы намек на нарушение приличий. Я прошу лишь устроить званый вечер, на котором я мог бы представиться мистеру Лоуренсу. Заверяю вас, я сумею его убедить, что я единственный достойный кандидат на это место.

– Договорились. Как насчет следующей пятницы? Завтра с самого утра разошлю приглашения. Мы позовем всех, кто хоть что-нибудь значит в этом проклятом городишке. Может, вы прочтете небольшую лекцию? Но развлекательную, будьте добры. В духе «основного инстинкта». Скажем, про обычаи спаривания у чертовых дикарей. Понимаете, к чему я?

Агассис поморщился. Просьба пришлась не в бровь, а в глаз.

– Я постараюсь развлекать не менее, чем просвещать, сэр.

– Молодчина, ей-богу! А теперь пойдем пропустим по чертовому стаканчику, чтобы скрепить уговор!

Несколько «чертовых стаканчиков» спустя Агассис нетвердым шагом отправился домой.

То, что желудок он опустошил через перила восточно-бостонского парома, не пробудило в нем желания спуститься к ужину.

Тем не менее он заставил себя сесть во главе стола. Не пристало главе ученого сообщества уклоняться от исполнения своего долга. К тому же он всегда побаивался бунта Дезора, если покажется, будто его хватка на вожжах правления слабеет.

Эта важная птица появилась в столовой уже после того, как остальные домашние, включая Цезаря, сели. (Агассис не потерпел присутствия за столом Дотти и изгнал ее к Джейн на кухню.) За Дезором вошел его кузен Мориц.

Мориц Дезор оказался пухлым коротышкой, одетым на манер Красавчика Бруммеля [60]. Едва кузен его представил, как Мориц плюхнулся на стул и тут же набросился на вареный картофель с

петрушкой.

За все время ужина жевать Мориц перестал лишь однажды, когда взялся напыщенно разглагольствовать о последних интеллектуальных веяниях Парижа.

– Вы не читали Маркса, профессор? И еще называете себя образованным человеком! Это – гений! Вероятно, самый взрывоопасный мыслитель нашего времени. Я просто проглотил его «Misere de la philosophie» [61]. Сейчас он работает над еще более захватывающим трудом, и ему помогает соавтор Фридрих Энгельс. Полагаю, вы и о нем не слышали? Так я и думал. Они назвали его «Манифест Коммунистический партии». Когда он будет опубликован, придет конец власти богатства и привилегий, всех аристократов, наследственных или самозваных, а также их прихвостней вроде вас.

Агассис бухнул кулаком по столу так, что столовые приборы сплясали тарантеллу.

– Довольно, мистер Дезор! Я не заискиваю перед богачами, я человек науки, а это призвание более высокое, чем вы, кажется, способны себе представить. Если вам действительно претит то, как я зарабатываю на жизнь, не понимаю, почему вы столь вольно наедаетесь за моим столом.

– Любая собственность – кража, и брать у богатых – не преступление.

– Вздор! Вы вольны швыряться силлогизмами, как Фома Аквинский, но предупреждаю вас – и вас, Эдвард, тоже, – что, если вы хотите здесь остаться, прошу не дерзить и проявлять толику уважения к вашему хозяину.

Мориц пробормотал что-то, подозрительно похожее на «Apres moi, le deluge» [62], но Агассис это спустил. Вставая из-за стола, швейцарский ученый сказал:

– У меня был трудный день, я получил тревожные известия из дома и прошу извинить, если я лягу рано.

Выслушав сочувственные пожелания доброй ночи своих четырех помощников, Агассис вышел. В коридоре его нагнал Цезарь.

– Луи, я бин как будто понять, где может шкрыфаться Т'гузери…

– Прошу вас, Якоб, подождите с этим до утра.

– Ja-ja. И шпи крепко, и штреляй метко.

– Спасибо.

В середине ночи Агассис проснулся от странного, но приятного ощущения. После минутного раздумья он установил, что оно вызвано применением чьего-то ротового аппарата к его детородному органу.

Боязливо опустив руку вниз, он нащупал знакомую косу Джейн и расслабился.

Кончил он в высшей степени удовлетворительно, не помешало даже то, что перед его внутренним взором мелькнуло лицо Цецилии.

Когда Джейн уютно устроилась с ним рядом, Агассис решился спросить:

– Вы никогда раньше этого не делали, милая. Где вы научились…

И осекся.

Он сам заподозрил ответ.

Но не желал подтверждения своей догадке.

5
Липкая ситуация

С утренней почтой пришло только одно письмо, касающееся поисков колдуна. Ксожалению, оно было от Осии Клея.

> *Сударь!*
>
> *Последние сутки я не получал от вас известий и потому принужден расчесть, что вам надобно еще доказательств, что этот раб ваший. Сим прилагаю от сегодняшнего дня в ответ на ваше последнее, которого я еще не получил, и прочее и прочее, новое доказательство его личности. Пусть этого достанет, чтобы скрепить нашу сделку, иначе несчастная скотина будет просто разрезана на части. Еще вы мне должны за объедки, которые я ему выплескиваю.*
>
> *Ваш О.К.*

Поглядев на невскрытую посылку, прибывшую вместе с письмом, Агассис содрогнулся. И письмо, и посылка вскоре последовали в печку за первым посланием. Он прикажет Джейн раскалить сегодня литой «молох» докрасна.

Еще в шлафроке, прихлебывая кофе из фарфоровой чашки, украшенной небесным карпом (Cyprinus carpio), ученый ожидал прихода Якоба Цезаря. Когда Агассис проснулся, кейптаунец и его человекообразная еще не вставали, и сама мысль о том, чтобы их потревожить, вызвала у него отвращение.

Воплощенная в них гнусность все не давала Агассису покоя. Ему ежеминутно приходилось напоминать себе, что Цезарь – необходимая ступенька к всемирной славе, которая ожидает его, Агассиса, как открывателя источника Творения, Космогонического Локуса. Когда они поймают Т'гузери, Цезарь понадобится, чтобы допросить колдуна на его родном языке коисан. Но едва они выжмут из бушмена нужные сведения, бур и его макака будут изгнаны с отборной бранью, не говоря уже о вполне заслуженной порке от руки, скажем, Пуртале, малого во всех отношениях дюжего.

В надежде хоть немного продвинуться в работе над какой-нибудь начатой монографией Агассис сел за заваленное бумагами бюро.

Поверх одной стопки (куда, без сомнения, его положила, прибираясь, Джейн) лежало письмо матери о Цецилии.

Что делать с отныне непригодной женой? Чем, в сущности, он ей обязан? Бедная глупенькая любящая Цецилия…

Она так и не стала подспорьем в его карьере, о котором ему мечталось. Разумеется, не может быть и речи о том, чтобы вернуться в Европу и ухаживать за ней. В Европе достаточно знающих врачей. Он пошлет еще денег. Решено. Банковский чек еще на несколько сотен долларов облегчит ее затворничество, а заодно и жизнь всей семье. Мучительно отрывать хотя бы какие-то деньги от научных проектов, но он немедленно обратится к своему банкиру. Раздался стук.

– Войдите.

В кабинет вошел Якоб Цезарь, облаченный в одолженный у Пуртале сюртук (грязное с дороги платье, в котором он приплыл сюда через Атлантический океан, было сочтено позорящим дом ученого). Агассис с удовлетворением отметил, что бур явился без готтентотки. Может, он все же учится хорошим манерам…

– Зо, теперь фы готовы выслушать майне догадку о том, где, на наш с Дотти фсгляд, пряшется Т'гузери?

– Да, сегодня мне легче сосредоточиться. Вчера был ужасный день. Трудно вообразить, что сегодня может быть хуже. Итак, к какому заключению вы пришли?

Цезарь гордо погладил кустистые бакенбарды и лишь потом объявил:

– Т'гузери пряшется на «подпольной железной дороге» [63]!

Агассис вскочил на ноги.

– Ну конечно! Где еще логичнее «залечь» негру? Без сомнения, наш колдун убедил недалеких аболиционистов его спрятать. Я всегда говорил: нетрудно провести тех, кто блуждает в потемках. Это же просто замечательно. Теперь он почти у нас в руках. Нам остается только пойти на ближайший перевалочный пункт «подпольной железной дороги», разоблачить обман Т'гузери и потребовать, чтобы его передали нам. Проще простого.

Цезарь выждал, пока Агассис закончит, а потом спросил:

– Und фы знаете, где блишайший перефалочный пункт?

– Ну, нет, не совсем…

– Так я и думал. Und к кому же нам тогда обратиться?

– Кажется, квакеры выступают против рабства. Может, мы могли бы найти члена этой секты и спросить у него?

– Это фее рафно что попросить перфого фстрешного лондонца предштавить фас королеве Фиктории! Nein, у нас с Дотти как раз ешть на примете подходящий челофек.

– И кто бы это мог быть?

– Уильям Ллойд Гаррисон [64], ишдатель «Осфободителя».

– Я о нем слышал. Отъявленный смутьян. Насколько мне

известно, несколько лет назад его атаковала посреди улицы толпа горожан, возмущенных его пламенным краснобайством в пользу эмансипации. Я предпочел бы иметь дело с человеком более разумным, но полагаю, любой, кто связан с «подпольной железной дорогой», сразу выпадает из этой категории. Ну, идем его искать?

– Ja, вот только захвачу Дотти.

– Да будет вам, Якоб, так ли уж необходимо ее присутствие? Пусть Гаррисон ревностный аболиционист, но это еще не значит, что он забыл, что остается белым. Сомневаюсь, что он станет беседовать с негритянкой. Человек, знаете ли, может разделять частную жизнь и публичные выступления.

– Nein, нам нужно взять с собой Дотти.

Агассис воздел руки к потолку.

– Не буду с вами спорить. Но если вы настаиваете, чтобы она пошла с нами, пусть хотя бы подождет за дверью конторы Гаррисона, пока мы не уясним себе его настроения.

– Яволь.

Вскоре все трое уже переправились на пароме к причалам Брод-стрит. Гавань, как обычно, бурлила, казалась движущимся лесом мачт. На полпути их едва не потопил колесный пароход под названием «Дженни Линд».

– Мы с Дотти однажды слушали в Йоганнесбургской опере, как поет Шведский соловей. Какой голос!

– Вы взяли туземку в оперу? Какое расточительство! Как может она оценить столь возвышенные переживания?

– Это фы недооценифаете майне фрау. Und кроме того, разфе музыка не фсеобший язык?

– Не для животных.

Цезарь на мгновение умолк. Потом с искренней жалостью сказал:

– Придет день, и эти фаши наштроения принесут фам много горя, Луи. Я ясно это фишу.

Агассис промолчал.

По Брод-стрит они дошли до Конгресс, свернули налево по Чэннинг и вскоре вышли на Девоншир-стрит. В следующем квартале они нашли здание, в котором помещалась редакция подстрекательской газеты «Освободитель».

На четвертом этаже они остановились у двери, на которой карандашом было написано название листка.

– Так вот, помните, что я говорил. Дотти должна ждать снаружи, предпочтительно на протяжении всей беседы, иначе мы рискуем оскорбить Гаррисона.

– Да ладно, ладно, входите же.

Поскольку это было публичное заведение, Агассис не соизволил постучать.

Все владения «Освободителя» состояли из одной заваленной книгами и бумагами тесной комнаты. Один ее угол занимал погребенный под всевозможными памфлетами и листовками стол. У стола сидел белый мужчина, по всей видимости, сам Гаррисон. На коленях у него сидел черный мужчина и обнимал белого.

Даже предстань перед ним Медуза со своими сестрами, и тогда Агассис не был бы парализован больше. Его мозг просто отказался работать, точно забастовавшие работницы из «Ассоциации реформ женского труда» на заводах Лоуэлла.

Гаррисона и его партнера как будто совсем не смутило, что их застали в столь компрометирующей позе.

– Добро пожаловать в штаб-квартиру нового мира и братства всего человечества, джентльмены, – сказал Гаррисон. – Чем можем быть вам полезны?

– Майн имя Якоб Цезарь, und это профессор Луи Агассис.

– Рад с вами познакомиться. Позвольте представить вам моего лучшего автора и ближайшего друга, мистера Фредерика Дугласа.

Черный мужчина с достоинством слез с колен белого и, протянув руку, сделал несколько шагов вперед.

Оцепенение Агассиса как рукой сняло. Расширив глаза, он непроизвольно попятился и отступал, пока не уперся в стену. Но и там его ноги продолжали тщетно шаркать.

Пожав протянутую руку, Цезарь отвлек Дугласа на себя.

– Фы долшны исфинить майн друга. В пошледнее фремя на его толю фыпало мношестфо неприятных хлопот, и он есть несколько не ф себе. Поввольте мне говорить от имени нас обоих. Мы пришли узнать, как найти перефалочный пункт «подпольной железной дороги».

Взгляд Гаррисона мгновенно стал жестче.

– Зачем?

Цезарь вкратце изложил суть их поисков. Выслушав, Гаррисон вместе со стулом повернулся к Дугласу:

– Что скажешь, Фредерик?

– Крайне неубедительно. Я склонен думать, что эти двое – охотники за беглыми рабами и пришли утащить наших братьев и сестер назад за линию Мейсона-Диксона [65].

– Согласен. Ваши очевидные ухищрения – оскорбление нашему интеллекту, джентльмены. Передайте своим хозяевам, иуды, что вы потерпели поражение, а им недолго еще радоваться своему гнусному царству крови, пота и слез. Вскоре настанет их

черед отведать кнута!

– Наин, шестно, мы не есть…

– Возможно, я могла бы просить вас помочь?

В дверях стояла Дотти. Появление этого нового действующего лица как будто заинтересовало Гаррисона.

– И кто же вы будете, юная леди?

– Нг! дату Баартман, сэр.

Гаррисон вскочил.

– Не та ли Нг! дату Баартман из Кейптауна, чьи на редкость проницательные письма я все эти годы пускаю в печать сразу по получении?

Дотти скромно потупилась.

– Та самая.

– Какая честь! Почему же вы не сказали, что знакомы с мисс Баартман? – спросил он Цезаря. – Это в корне меняет дело. Разумеется, если мисс Баартман говорит, что вам нужно связаться с «железной дорогой», я без раздумий расскажу вам.

– Нужно, сэр.

– Большего мне и не требуется. Бостонским перевалочным пунктом руководит Жозефина Сен-Пьер-Руффин [66] со своего семейного предприятия «Мелассовая фабрика Руффина» в Норт-Энд. Знаете, где это?

– Найдем.

– Превосходно! Желаю удачи в поисках вашего дьявольского некроманта. Прощайте. И мисс Баартман… прошу, присылайте нам свои письма. Вы вдохновляете всех нас.

– И делаете честь нашей расе, – добавил Дуглас.

– Без ваших трудов дело не сдвинулось бы с мертвой точки.

Забрав еще не оправившегося от потрясения Агассиса, Цезарь повел его вниз. Свежий воздух как будто несколько оживил натуралиста.

– Я же шказал, что нам понатобится Дотти, Луи.

– Никогда… Мне и в голову бы не пришло, что когда-нибудь доведется увидеть такое! Да ведь по сравнению с этим ваши отношения кажутся совершенно естественными!

– Фее отношительно, Луи. Это урок, который препотает нам шизнь.

– Возможно. Но я тоже учитель, я никогда не применял розгу так жестоко.

– Может, у фас никогда не было штоль тупого ученика. – Пфф!

Агассис и его спутники пересекли весь город и вскоре оказались в Норт-Энде – лабиринте запруженных людьми улочек, некогда привилегированных, а ныне населенных

средиземноморскими, семитскими и иберийскими иммигрантами.

– Какой позор, – сказал Агассис, – что эти родовые переулки Ривера [67] и Франклина ныне отданы на поругание низшим расам.

– Фсем нушно где-то шить. Und федь именно они штроят ваш город.

– Но они хотя бы могли проявить толику порядочности и жить как цивилизованные люди. Только поглядите на эту выставленную напоказ прачечную. Мерзость!

Агассис жестом указал на множество веревок с сушащимся исподним, натянутых поперек узких улочек чуть выше голов прохожих.

– Обходишься тем, что имеешь.

– Если следовать вашей философии, вместо одежды мы бы все еще мазались сажей и животным жиром, – сказал Агассис, подчеркнуто покосившись на Дотти.

– Фаш ефропейский сюртух, профессор Агассис, и дня бы в буше не протянул.

– Я не намереваюсь поселиться на ваших пустошах. Чем скорее западная цивилизация возьмет подобные места под свое крыло, тем лучше для всего мира.

По немощеной Салем-стрит, в начале которой высилась Старая Северная церковь, они поднимались в раздраженном молчании.

Салем незаметно перешла в Халл-стрит, и эта улица тоже шла вверх.

На вершине холма они остановились у ворот кладбища Коппс-хилл, давая Агассису перевести дух. Швейцарский горец мысленно корил себя: он становится слишком тучен. Где тот юный козел, скакавший по ледниковым расселинам?

Теперь они находились в самой высокой точке Норт-Энда. Отсюда открывался прекрасный вид на Чарльстон, связанный с Норт-Эндом самым длинным мостом Америки. Там вздымался недавно воздвигнутый памятник Бункер-хилл: 6600 тонн камня гордо вздыбились ввысь могучим стволом, свидетельствующим о потенции нации.

– Я рада, что увидела это кладбище, – сказала Дотти. – Здесь похоронен Принс Холл [68], черный солдат Революции.

Агассис снова фыркнул.

– Я предпочитаю надгробие Коттона Матера [69]. Это был замечательный ученый.

– Смотрите, – сказал Цезарь, – а вот и фабрика Руффинов.

На другой стороне улицы стояло внушительное деревянное

строение в несколько этажей, вывеска паточно-золотыми буквами гласила:

МЕЛАССОВАЯ ФАБРИКА РУФФИНА.

– Давайте представимся, сошлемся на Гаррисона и потребуем выдать мерзавца, которого они укрывают по ошибке. Если они откажутся, мы просто пригрозим донести о их противозаконной деятельности властям.

В воротах огромного склада имелась дверка. Агассис подергал за ручку – заперто. Он стал бить в дверь кулаком.

Тут узкая ставенка, прикрывавшая окошко, рывком отодвинулась. В отверстии показались бледный веснушчатый лоб и пара фанатичных голубых глаз.

– Уходите! Мы закрыты! Ставенка задвинулась.

Агассис задумчиво подергал бакенбарду.

– Похоже, тут что-то неладно. Сомневаюсь, что этот хриплый голос принадлежит Жозефине Руффин. Нужно изыскать способ войти.

– Ja-ja. Мы с Дотти обойдем фабрику с этой стороны, а фы – с той.

Агассис неохотно свернул в узкий замусоренный проулок. Ему померещилось, нет, он был убежден, что из черной тени на него уставились красные глазки чумных крыс (Ratti norvegici). Жаль, что он не сообразил одолжить у Пуртале альпеншток, у него такой острый наконечник…

Что там у него над головой? Окошко? Действительно, окошко. Так-так… Если встать на эти выброшенные ящики…

Окно было не заперто. Открыв его, Агассис осторожно просунул голову внутрь. Помещение было темным, поэтому он мало что разглядел, но казалось пустым. Он подтянулся и на мгновение повис: половина туловища внутри, половина снаружи. Затем с усилием протиснулся в окно и шумно, без достоинства плюхнулся на пол.

Встав на четвереньки, Агассис поднял голову.

Дуло наставленного на него пистолета диаметром походило на хобот индийского слона (Elephas maximus). Или так показалось Агассису.

– Вставайте, – сказала смутная фигура, держащая оружие, – и идите вперед.

Ученый повиновался.

Из темной кладовки, куда он упал, Агассис и захвативший его незнакомец вышли в огромное помещение, свет в которое проникал сквозь окна под крышей. Посередине возвышались несколько бробдингнегских [70] деревянных чанов, к их верхним краям вели соединенные канатными мостами веревочные

лестницы. В одной стене находилась передняя дверь, в которую он недавно стучал.

Агассис медленно повернулся.

Вооруженный незнакомец был одет во все черное: от широкополой черной шляпы и черного плаща до черных панталон и черных сапог. Ярким контрастом к черному выступало бледное лицо, обрамленное длинными рыжими кудрями. Буйные огненные усы наполовину скрывали узкие губы.

– Кто вы такой, сэр? – спросил Агассис. Запрокинув голову, мужчина разразился бурным и безумным смехом.

– Имя мне Анархос! Но мир знает меня как Фергюса Костюшко.

Агассис уставился на него во все глаза. Так вот он, знаменитый ирландско-польский революционер, о котором предостерегал его Цезарь. И он, Агассис, в его власти. Ученый расправил плечи. Он покажет этому байроническому бакунинцу, что хорошие манеры всегда возьмут верх над богемой.

– Что вы сделали с хозяевами фабрики?

– Только то, чего заслуживают все капиталистические свиньи. Я их связал, выпорол и запер в их собственной конторе наверху. Вы против?

– Не мелите чепухи. Разумеется, я против подобного бесчеловечного обращения даже с аболиционистами…

– Аболиционистами? – подозрительно прищурился Костюшко. – Откуда вы знаете, что они таких взглядов?

– Ну, я… то есть…

– Вы ищете фетиш! Признавайтесь!

Агассис не видел смысла дольше изображать неведение.

– Да, ищу. Но во имя науки, а не ради личной выгоды.

– Ага! Выходит, мы родственные души. Понимаете, личная выгода меня тоже не интересует. Фетиш мне нужен во имя хаоса!

– Я не понимаю…

– Вот-вот, и Руффины тоже не поняли. Сперва я взывал к ним как к соратникам в войне против несправедливости. Но их преданность движению омрачена, они слишком держатся за общественный порядок. Когда я раскрыл им свои намерения, они отказались поделиться со мной сведениями о готтентоте. Да, не смотрите так удивленно, его здесь нет. Я досконально все здесь обыскал и могу вас в этом заверить. Но не бойтесь, я его настигну и отниму фетиш, это всего лишь вопрос времени. А тогда я буду в силах совершить то, о чем давно мечтал: уничтожить власти повсюду и освободить человечество от цепей порядка!

– Вы… вы сумасшедший! – вырвалось у Агассиса. Костюшко как будто нисколько не оскорбился.

– Возможно. Но чистота моего безумия придает мне сил. И вы тоже были бы безумны, если бы увидели то, что видел я.

– Сомневаюсь.

Костюшко прищурился.

– А вы знаете, сэр, как я прибыл в это полушарие? Нет? Тогда позвольте я вам расскажу. «Плавучее корыто» – ибо так называют подобные суда те, кто сведущ в мореходстве, – под названием «Урания» отплыло из Корка в графстве Марч. На нем были сотни моих соотечественников, бежавших от Картофельного голода. Нас загнали в вонючие трюмы – мужчин, женщин и детей вместе, не подумав о простейших приличиях. И с нами был еще один нежданный пассажир. Тиф!

Плавание было нескорым и заняло семь недель. К тому времени, когда корабль вошел в канадские воды, половина пассажиров были при смерти или уже мертвы. Мне никогда не забыть того, что я видел и слышал там. Хрипы отчаявшихся, стенания детей, бред горячечных, крики и стоны бьющихся в смертных муках!

Нас послали в карантин на Гроссе-Айленд. Бессердечный экипаж не мог дождаться, когда избавится от нас. Они выбросили нас на песчаный берег, и у многих не было сил выползти из ила, в котором они лежали и в котором в конце концов – помилуй Господи их души! – испустили дух.

Нас ждали только хижины, которые нельзя было обогреть, и еды не хватало. Разумеется, ни один врач к нам не приехал. Каждый день нам говорили, что карантин вот-вот снимут. Каждый день мы сбрасывали все новые тела в общие могилы! Каждый день все новые корабли приходили из Европы и привозили исполненных надежд беженцев в Страну Возможностей!

Когда наконец я бежал, пятьсот наших уже погибли.

Вот каково было мое первое знакомство с бравым Новым Светом! Я прибыл в трюме как черный раб, ошметки невинности сгорели в горниле страданий, но моя вера в вооруженное сопротивление возросла тысячекратно!

Однако мне не следовало тешить себя надеждами. Повсюду в моих странствиях я видел, как мучают простого человека, давят точно муравья под своей пятой правители! Возьмите родину моего отца, Польшу. Она поделена между пруссаками, Иванами и австрияками; ее талантливейшие сыны и дочери рассеяны по всему свету, ее вольные землепашцы превращены в крепостных! О, как она страдает, моя отчизна! Но ее страдания искупят весь мир!

Только не подумайте, будто мое сердце болит лишь за страны моих отца и матери. Отнюдь нет! Я един с борцами за

справедливость повсюду.

Я душой был в Париже, когда отправили на гильотину Людовика, – тогда я стоял рядом с Маратом и Робеспьером! Я сражался бок о бок с Туссеном-Лувертюром, когда он освобождал Гаити! Я был с заговорщиками Като-стрит, когда лондонская полиция вломилась и перебила всех [71]! Я воюю бок о бок с Симоном Боливаром и Бернардо О'Хиггинсом [72] в Южной Америке!

И хотя телом я никогда прежде не стоял на земле Америки, моя пылкая душа была здесь!

Я подбил на бунт рабов Денмарка Виси и Нэта Тернера! Я умирал с индейцами у Подковного поворота! С антирентнерами я въехал в Гудзонскую долину и вешал землевладельцев! Вместе с Томасом Дорром я взялся за оружие на Род-Айленде против армии штата, пришедшей лишить нас права голосовать! Я стоял на баррикадах во время всеобщей забастовки в Филадельфии и банковских беспорядков в Балтиморе! Своими листовками я поднял «Портных-подмастерьев» в Нью-Йорке [73]. Слушайте, что я написал:

«Богатые против бедных! Механики и рабочие! Почему вы отдали богачам свое право решать, чего вы хотите?» И я поддерживаю не только политические восстания, но и отдельные акты насилия, ибо там, где закон на стороне богатых, преступление – единственное прибежище бедных. Разбойники с большой дороги и душегубы – мне братья; шлюхи и карманники – мне родня. Я подпевал десперадо [74] в Калифорнии:

Как тебя звали дома? Тейлор, ты был в Оклахоме? Ты убил жену и бежал из дома? О, как же звали тебя в Оклахоме?

Свою песню Костюшко сопроводил несколькими па польки-джиги.

– Этому и еще многому я рукоплескал. А теперь, когда я здесь во плоти, то сделаю еще больше! У человека по имени Джон Браун [75] уже созрел план… Но не стану портить поджидающий вас сюрприз. Вскоре весь мир увидит плоды мох трудов. Как только фетиш будет у меня, тираны повалятся сотнями! Но пока мне приходится довольствоваться мелкими подрывными акциями.

Достав из-под плаща кусок веревки, Костюшко подошел к Агассису и умело связал ему запястья и лодыжки, а затем усадил на голый пол. Безумный подстрекатель убрал пистолет в карман и направился к помосту с чанами. Там он взял топор на длинной рукояти.

Агассис уставился на него с изумлением и ужасом.

– Неужели вы намерева…

– Да нет, что вы. Давайте считать это иллюстрацией того, как всю систему вскоре закупорят сгустки крови диктаторов…

Костюшко забрался на леса и начал рубить металлические обручи, скрепляющие доски чана. Трудился он как одержимый. На глазах у скованного ужасом Агассиса обруч разошелся, и доски начали выгибаться наружу, а между ними стала медленно просачиваться бурая жидкость. Костюшко же быстро перешел к следующему чану.

Вскоре распирало уже все чаны.

Костюшко остановился, чтобы обозреть дело своих рук, потом обратился к Агассису:

– Миллион галлонов патоки, сэр. Ну, раскаиваетесь вы теперь в «торговом треугольнике» [76]?

– Я не имел к этому никакого отношения! – возопил Агассис. Но было уже слишком поздно, так как, взмахнув плащом, Костюшко исчез за дверью на галерее верхнего этажа.

Под неумолимым давлением бурой жижи доски гнулись, гнулись, гнулись… И поддались!

Поток патоки захлестнул Агассиса. Он почувствовал, как его подхватывает и уносит. Несмотря на путы, он старался удержаться на плаву, а поток крутил и вертел его. Патока заползала ему в глаза и в ноздри, в уши и в рот.

На краткий миг он всплыл на поверхность. Он и не подозревал, что его вынесло за стены. Патока пронеслась через ворота, словно тяжелых створок там не было и в помине, и теперь залила превратившуюся в узкий канал Хулл-стрит. Блестящий бурый поток, достававший до окон второго этажа, несся с холма со скоростью… ну, патоки.

Крутясь и переворачиваясь, Агассис тщетно силился высвободить руки. Его липкая голова вынырнула на поверхность раз, другой… Он хватал ртом воздух, пытался оттолкнуться от чего-нибудь ногами…

И вдруг, погружаясь в третий раз, он почувствовал, как сильные руки схватили его за ворот. Руки приподняли его из вязкой массы, которая липкими жадными щупальцами цеплялась за его нижние конечности.

Он понятия не имел, кто или что схватило его. Веки у него склеились. Он попытался поблагодарить неведомого спасителя, но не смог.

Агассис не знал, как долго он висел в воздухе. Он чувствовал, что паточный поток понемногу спадает. Наконец его отпустили, и с высоты нескольких футов он упал на землю.

Кто-то шел к нему – об этом возвещало чавканье шагов. Вскоре Агассис почувствовал, что его путы разрезают.

Освободив ему руки, спаситель начал протирать ему глаза тряпицей. Агассис обнаружил, что снова может их открыть.

Подобных разрушений он даже вообразить себе прежде не смог бы.

Кругом лежат обломки повозок и тележек, разбитых о стены заляпанных патокой домов, мертвые лошади, а также немалое число трупов, одним из которых по праву должен был быть он сам. Жильцы второго этажа, не веря своим глазам, глядели на лежащие в бурых лужах обломки.

Рядом стоял Цезарь с липким носовым платком в руке. Агассис рассыпался в пылких благодарностях.

– Я обязан вам моей жизнью, Якоб…

– Нихт мне. Майне Дотти фас спасла. Поглядите!

Зацепившись коленями за бельевую веревку, бесстыдно показывая нижние юбки – ведь верхняя свесилась ей на лицо, – раскачивалась вниз головой готтентотка. Это ее сильные руки выловили его из паточной реки, о чем свидетельствовали ее собственные мокрые по локоть рукава.

Агассис открыл было рот, но не смог повторить слов, которыми так щедро осыпал Цезаря.

Цезарь же как будто не собирался упрекать его после всего, что он только что перенес. Могучий бур сказал только:

– Ах, имей мы оладьи, мы бы, ей-ей, на славу устроились!

6
Один или одна сотня

Сколько бы Агассис ни скреб себя, понадобилось три дня, чтобы запах патоки, исходивший от его персоны, частично ослаб. Вездесущая приторная вонь отбила у него все аппетиты, как гастрономические, так и сексуальные, и большую часть этого времени он провел, запершись у себя в кабинете, где, дабы отвлечься от невзгод, лениво набрасывал приходившие ему в голову зачаточные идеи. Наиболее многообещающей показалась ему мысль создать организацию под названием «Американская Ассоциация Развития Науки» [77]. Давно пора создать гильдию ученых. Объединенные усилия многих просвещенных людей не только позволят науке прочнее окопаться у кормушки общественных и частных пожертвований, оттеснив от нее таких никчемных едоков, как художники и поэты, такая организация станет источником множества ценных знакомств, что будет способствовать карьере самого Агассиса…

На время своего затворничества Агассис оставил жизнь в доме идти своим чередом. Он подозревал, что в конечном итоге еще пожалеет, что потакал присущей Дезору склонности брать все в свои руки, но поступить иначе ему не хватало ни сил, ни желания.

Не занимали его в этот период ни бур, ни его готтентотка, ни их добыча. Всей историей он был сыт по горло, а с ней и тяготами, которые она на него взвалила. Да в этих безумных поисках он едва не лишился жизни! И как горько было думать, что своим существованием на этом свете он обязан обезьяньей ловкости аборигенки… Какая язвительная ирония! Он все еще содрогался при воспоминании о том, как ее нечистые руки касались его одежды.

Словно чувствуя его настроение, Цезарь и Дотти не тревожили швейцарского ученого. Как они проводили свои часы, его не касалось, и он силился делать вид, что они вообще никогда не появлялись в его методичной и упорядоченной жизни.

Но, несмотря на все старания, Агассис не мог совершенно изгнать случившееся из мыслей. Было кое-что, что не переставало его искушать: Космогонический Локус.

Суметь доказать – возможно, даже стать свидетелем самого факта, – что все твари создаются полностью сформированными и имеющими свой конечный облик; убедительно опровергнуть бесхребетно анонимного автора «Рудиментов естественной

истории мироздания» и его сторонников, носящихся с еретической теорией, будто высшие формы «происходят» от низших… Подобное достижение победно увенчало бы Естественную Теологию и гарантировало бы, что имя Луи Агассиса будет жить столько, сколько люди станут чтить свои бессмертные души.

К утру четверного дня, когда витающий вокруг Агассиса паточный дух был уже лишь чуть сильнее того, какой можно почувствовать, если бы в соседней комнате разбили пузырек с эссенцией из сахарного тростника, ученый несколько смягчился – и к человечеству в целом, и к своим домочадцам в частности. Едва он собрался впервые за несколько дней выйти из своего святого святых, как раздался осторожный стук в дверь.

В проеме появилась голова Джейн:

– К вам посетители, сэр. Два француза…

– Конечно, конечно. Ведите их. И, Джейн…

– Да, сэр?

– Вы сегодня удивительно хорошенькая, моя дорогая. Вам кто-нибудь говорил о вашем сходстве с шоколадницей Констебля? Нет? Ах, и какой кокетливый у вас смех! Может, чуть позже?…

– Господи помилуй, сэр, уж и умеете вы вскружить девушке голову! Не захочешь, а подумаешь, правда?

Взметнув оборками, Джейн исчезла, и вошли посетители.

Один был толстяк на тоненьких ножках, лет шестидесяти, фатоватый: на обшлагах и на вороте камзола – кружева, в руке – трость с золотой рукоятью. Его спутник, чья пышная шевелюра походила на стог сена, был много моложе, и платье на нем было более строгое. Из их поз и поведения по отношению друг к другу следовало, что это учитель и ученик или наставник и подмастерье. От обоих исходили тревожные флюиды отрешенного фанатизма, который был у младшего, пожалуй, более явным – или он хуже умел его скрывать.

Заговорил старший:

– Мсье Агассис, позвольте представиться. Я Йозеф Мария Гёне-Вронский [78], а это Альфонс Луи Констан.

– Леви, – замогильным голосом перебил его младший. – Меня зовут Элифас Леви [79], маг Сарната, пророк Неведомого Кадата.

Гёне-Вронский как будто немного смешался.

– Хе-хе, ладно, пусть ты будешь многотитулованным, Леви. Прошу простить мою забывчивость, твоя Возвышенность. Гм. Как бы то ни было, мы явились сюда, мсье Агассис, как посланцы ордена, о котором вы, возможно, слышали. Имя Мартина Паскалли вам знакомо?

Агассису вспомнилось обвинение, которое выдвинул в ночь

своего прибытия Цезарь, будто барон Жорж Кювье, первый патрон Агассиса, был связан с тайным обществом, известным как мартинисты. Не их ли подразумевает Гёне-Вронский?

Натуралист разыграл неведение:

– Нет, кажется, нет. Подождите-ка… Разве не так звали вымышленного ученого у Вольтера?

Гёне-Вронский выдавил холодный мертвящий смешок.

– Хе-хе, очень остроумно так сыграть на имени доктора Панглосса. Я ценю чувство юмора в противнике. Но нужно уметь видеть грань между каламбуром и вещами, смертельно серьезными. А фетиш Готтентотской Венеры определенно относится к последней категории.

Агассис уже открыл было рот, чтобы все отрицать, но Гёне-Вронский его опередил:

– Прошу вас, не оскорбляйте моей интеллект, уверяя в своем неведении. Я знаю, что вы встречались с моим соотечественником Костюшко. Поверьте, это непредсказуемый человек и последний негодяй. Даже разделяя – до некоторый степени – его веру в неизбежно славное предназначение Польши, я не могу одобрить его анархизм. Этот человек – чернейший хаос во плоти, ходячий Армагеддон, и советую вам серьезно подумать о том, чтобы расторгнуть любой договор, который вы с ним заключили.

– Договор? Никаких договоров я не заключал. Да ведь он пытался меня убить…

Гёне-Вронский развел руками.

– Ну, вот видите? Пытаться убить своего партнера. Как я вас заверил, он не заслуживает ни малейшего доверия.

– Погодите-погодите, партнерами мы никогда не были!

– Фу, прошлые союзы быльем поросли, крови не стоят, которой написаны. Само собой разумеется, я могу рассчитывать на ваше содействие? Если вы найдете фетиш первым, то, разумеется, передадите нам. В конце концов, мы ведь представляем старых соратников вашего барона Кювье.

– Я все еще не могу освоиться с тем фактом, что барон был членом вашей секты. Разумеется, это было лишь минутное увлечение… Нет, ваши надежды напрасны. Я никогда не уступлю фетиш оккультистам вроде вас. Если я его найду, то намерен использовать в чисто научных целях ради совершенствования всего человечества.

– Не пытайтесь навязать мне тот же дешевый вздор, который сбываете на публичных лекциях механикам и клеркам, мсье! Я знаю, что, как и все мы, вы жаждете только чистой силы. Но предупреждаю вас, сила, заключенная в фетише, мощнее, чем вам кажется, и неизбежно вас проглотит.

Все это время Констан – или Леви – смотрел на Агассиса самым свирепым и определенно внушающим тревогу взглядом. Теперь вдруг его глаза закатились, и он издал череду бессмысленных гортанных звуков. Агассису показалось, что он проскрипел:

– Йи, шуб ниггер гнев!

Встревоженный Гёне-Вронский влепил молодому человеку несколько пощечин.

– Альфи, Альфи! Вернись! Во имя Гермеса [80] втяни назад свою душу! Не проходи в Седьмые Врата!

Несколько мгновений спустя дрожащий и явно измученный Констан вернулся к реальности.

На Агассиса это не произвело большого впечатления.

– Отличное представление, господа. Можно и мне поучаствовать? «Йиппи-ки-йи-йо, месть Шамбо!» Что ж, славно повеселились. Если мне когда-нибудь понадобятся клоуны для детского утренника, я непременно вас приглашу. А до тех пор, полагаю, больше нам говорить не о чем.

– Вас предупредили. – Поддерживая Констана, Гёне-Вронский повел его к двери. – Если вы одумаетесь, нас можно найти в гостинице «Тремон».

Удостоверившись, что эксцентричная парочка покинула его дом, Агассис направился в мастерскую, горя желанием узнать, насколько продвинулась работа над его различными проектами.

Но едва он открыл дверь в мастерскую, ему явилась такая сцена, что поначалу он отказался верить своим глазам.

На упаковочном ящике с окаменелостями, пересланными Гидеоном Олджероном Мэнтеллом [81], уважаемым автором «Окаменелостей Южного Даунса», стоял Мориц Дезор. Вокруг, восторженно ему внимая, сидели четверо помощников Агассиса. Эдвард Дезор гордо стоял рядом, будто Мориц был декламирующим Шекспира Юнием Брутом Бутом [82], а Эдвард – его антрепренером.

Мориц подходил к кульминации своей речи:

– От каждого по способностям, каждому по потребностям! Пролетарии всех стран, соединяйтесь! У вас нет ничего…

– Что тут происходит?! – взревел Агассис. Мориц осекся.

– Я просто пытаюсь развлечь ваших наемных рабов диалектикой.

– Наемные рабы, бред какой-то! Господи помилуй, кто оплатил ваше сюда плавание, неблагодарный наглец! Да я эту сумму из вашей шкуры выбью! Слезайте с ящика!

– Согласно Первой поправке… Зарычав, Агассис бросился на Морица.

С необычным для толстяка проворством пухленький марксист сиганул к двери. Отказавшись от погони за оратором, Агассис повернулся к его аудитории:

– А вы что рты разинули, точно тиляпии какие? Ну-ка быстро за работу!

Пуртале, Жирар, Буркхардт и Сонрель пристыженно вернулись к своим занятиям. Агассис же обрушился на Дезора:

– А что до вас…

– Будет вам, моей вины тут нет. Мориц пообещал мне вдохновить наших помощников на большее усердие.

– Вдохновить? Еще немного такого вдохновения, и меня бы линчевали, как непослушного раба! Нет, в моем доме такому бланкистскому краснобайству не место. Вам ясно?

– Как пожелаете, – хмуро ответил Дезор.

Агассис предпочел не требовать более твердого обещания.

– А где Цезарь?

– Откуда мне знать? Наверное, на своей посудине. Я что, за все тут в ответе, вплоть до местонахождения приехавших с визитом дикарей?

– Вот именно, это ваша работа.

От такой трактовки своих обязанностей Дезор отмахнулся, как от комнатной мухи (Musca domestica), и ушел.

Агассис же вышел на лужайку позади дома, которая полого спускалась к его личной пристани. Над «Зи-Коэ» висело облако голубоватого дыма. Агассис заметил, что любой москит (вероятно, Anophelini maculipennis), которому случалось пролететь через дымку, тут же замертво падал на палубу. Возле шхуны бура была пришвартована другая – под названием «Персик-Долли». Хотя он никогда раньше не видел корабля капитана Стормфидда, Агассис ни на минуту не усомнился, что это именно он. Быть может, к такой догадке его подтолкнул установленный на нактоузе скелет морской змеи (безымянной Hydrpphiidae): ее позвоночный столб раздваивался и заканчивался двумя черепами.

Поднявшись на борт «Зи-Коэ», Агассис осторожно заглянул в каюту.

Довольно покуривая, Цезарь и Стормфилд сидели друг против друга за низким столиком, на котором как раз шла партия в шашки. Каждый игрок выставил по полдесятка «дамок», некоторые были даже тройные. На глазах у Агассиса Стормфилд произвел ход, напоминающий путь пьяной лягушки (Rana esculenta), лишь для того, чтобы, захватив одну шашку, вернуться туда, откуда начал.

Взгляд Агассиса обшарил каюту в поисках богомерзкой

готтентотки. К немалому его облегчению, ее примитивной персоны нигде не было видно.

Цезарь наконец заметил своего гостя.

– Ах, Луи, добро пошаловать! Не хотеть фы к нам пришоединиться? Местешко для третьего фсегда найдется.

– У меня нет времени на игры. Вы забыли, что мы разыскиваем одну особу?

– Эх, ну конешно, найн. Абер пока у нас не пояфится новая зацепка, я, чештно сказать, в тупике! Нихт толку бегать по городу только ради беготни.

– Насколько я понимаю, за последние несколько дней ничего нового не произошло?

– Нишего.

Отчаявшись от этих новостей, Агассис заставил себя спросить о третьем участнике их поисковой экспедиции.

– Может, ваша отсутствующая жена сейчас роет землю носом…

– К сожалению, Дотти так ше блушдает в потемках, как и я. Наин, она есть уйти на лекцию. Айне агитирующая за эмансипацию женщин, айне бывшая рабыня… Как ше есть ее имя? Яволь, Соджоурнер Трут [83]. Она выступает на заседании гарвардского литературного общества.

– Вы позволяете своей жене ходить на лекции этого… этого самого противоестественного существа? Вы, верно, лишились рассудка, приятель? Вы читали протоколы Конференции женщин, которую они устроили несколько лет назад в Сенека-Фоллс? Стэнтон, Мотт, Трут – да они сплошь бесчувственные ведьмы! Знаете, за что они выступают? Они хотят, чтобы женщины могли голосовать, владеть собственностью… даже посещать колледж! Как вы можете допустить, чтобы ваша жена слушала такие идеи? Да вам еще повезет, если она в один прекрасный день не зарежет вас в собственной постели!

Цезарь улыбнулся, с удовольствием вспоминая:

– Когда мы лошимся в постель, нам не до того. Агассис с отвращением отвернулся.

– Сами на себя беду накличете.

Капитан Стормфилд попытался дипломатично вмешаться:

– Полноте, не упрямьтесь, перфессер, не будьте старым занудой. Если Джейк хочет позволить своей несушке помогать управлять курятником, кто может ему запретить? Времена, знаете ли, меняются, и нужно меняться вместе с ними. Да возьмем, к примеру, меня. Я, скажу вам, не слюнтяй, навидался за свою жизнь ураганов – и людских, и прочих, – но моя старушка Долли поступает как ей заблагорассудится. Вспомните, как она отобрала

у меня меч-рыбу для собственных нужд. Да, кстати, как я и предсказывал, от переработок несчастная тварька испустила дух. Долли ее гоняла сильней, чем гоняют работниц на обувной фабрике Линна. Я попытался спасти останки, но она, расчувствовавшись, уже отослала их местному таксидермисту. Результат теперь висит у меня в каюте. Хотите поглядеть на усопшую?

Агассис встревоженно начал:

– Капитан Стормфилд…

– Будет вам, Луи, мы уже уйму времени друзья. Зовите меня Дэн'л.

– Так и быть, Даниэль.

– Не «Даниэль», а Дэн'л. Знаете, мои родители были так бедны, что когда дошло до крестин, не могли позволить себе лишних букв.

– Ваша глупая семейная история меня не интересует! – взорвался Агассис. – Постарайтесь, пожалуйста, впредь меня не отвлекать. Я просто хочу сказать, что у меня больше нет желания покупать какие-либо экземпляры из этих ваших морских глубин, не важно, подлинные они или фальшивые. Да, когда я через день после покупки решил осмотреть морского дрозда, я нашел только лужицу жалкой слизи, а ведь я велел положить птицу на лед.

– Такая вот беда со всеми тварями из Марблхеда. За пределами своих вод они через несколько часов разлагаются. Странно, правда?

– Это не просто странно, это совершенно ненаучно.

– И жизнь тоже, Луи. Возьмем, например, тушенку, за которой вы с Джейком охотитесь…

Агассис схватился за голову.

– Ей-богу, Цезарь! Вы рассказали ему про фетиш? А как же наша договоренность? Вам полагается быть гвианским плантатором.

– Ах, я прошто глупо забылся, дер дух братства курильщиков веселой травки, сами понимаете. Und я решил, мошет, Дэнни суметь нам помочь.

Капитан Стормфилд прищурил косящий глаз так, что он совершенно закрылся, подмигнув, чтобы показать, что умеет хранить тайну.

– Ей-ей, я тебя, Джейк, не подведу. Да я твой секрет лучше к морскому дьяволу унесу, чем позволю грязному гуну или поляку наложить лапы на ссаку твоей тещи. И к тому же у меня есть мыслишка, куда может побежать этот Т'гузери.

Агассис был вне себя.

– Оставьте при себе ваши проклятые догадки, капитан. Нам

ни к чему ваша убогая интуиция янки. Мы с Якобом распутаем следы колдуна, положившись на наши превосходные европейские умы.

Глубоко оскорбленный капитан Стормфилд встал.

– После таких слов и до ссоры недалеко, Луи. Почти за такие мы, мужественные янки, вышибли отсюда старого короля Георга. Вы уж мне поверьте, я против этого задаваки воевал и сейчас тиранов жалую не больше, чем тогда. Пока не получу от вас полагающихся смиренных извинений, мою ценную информацию я оставлю при себе.

– Мне это безразлично.

– Посмотрим. Вставай, кошак, пойдем отсюда. Пусть никто не говорит, будто мы не понимаем, когда нас не хотят видеть.

Опустив руку, капитан Стормфилд нашарил поводок, конец которого исчезал в темном углу, и потянул за него.

Из угла появилась огромная рыбина в ошейнике, которая шла на негнущихся плавниках. По характерным усикам Агассис распознал в ней Ictalurus nebulosus, кошачьего сомика.

Проходя мимо коленей Агассиса, сомик отчетливо на него зашипел.

Агассису стало нехорошо. Дым, ссоры, тщетные поиски… Все это было уж слишком. Ему необходимо расслабиться в теплой мужской компании, предпочтительно со стаканом чего-нибудь горячительного…

– Якоб, если кто-то будет меня искать, я буду в пабе «Приют устрицы». Но, прошу вас, никого ко мне не посылайте, если только это не будет крайне важно.

– Ja-ja, конешно. Финтофку на крюк, патроны в люк. «Приют устрицы» стоял всего в четверти мили от дома Агассиса. У двери обширного облупившегося строения громоздилась гора двустворчатых раковин высотой с мачту клипера – наслоения десятилетий.

Войдя в примитивный зал, столь не похожий на изящные зальцы гостиниц Нёфшателя, Агассис сел за длинный стол, где горланила обеденная толпа сборщиков моллюсков и раков, и заказал несколько дюжин устриц и пинту портера.

Повторив свой заказ, он почувствовал себя чуточку лучше.

Вот в эту его умиротворенность бесцеремонно вторгся Эдвард Дезор:

– Простите мою дерзость, Агасс, но вы только что получили письмо от своего денежного мешка Лоуэлла. Атак как оно было помечено «срочно», я позволил себе его вскрыть. Лоуэлл хочет знать, какие приготовления сделать к вашему званому вечеру в пятницу. И ничего слишком мудреного, ведь осталось всего два

дня.

– Гм, я даже тему еще не выбрал… Похотливый стяжатель заказал что-нибудь про обычаи спаривания у дикарей, точно я наемный писака. Так вот этого он не получит! Я останусь верен натуральной философии. Дайте подумать, какого организма я пока в моих лекциях не касался…

Взгляд Агассиса привлек висящий над барной стойкой панцирь.

– Ну конечно! Благородного мечехвостого краба! Я оберну себе на пользу тот факт, что Америка – родина Xiphosura. Это, несомненно, завоюет расположение Лоуренса. Прекрасно! Мне понадобится подставка для рисунков и, конечно, пюпитр. А почему бы не использовать живой образец? Дамы мило повизжат, точно мы выпустили сотню мышей! Это как раз то, что нужно. Дезор! Вы меня слушаете?

Внимание Дезора было приковано к рыжей служанке в муслиновом платье с глубоким декольте, которая наклонилась над стойкой, чтобы вытереть выплеснувшееся пиво, так низко, что казалось, вот-вот выплеснутся из выреза ее собственные веснушчатые груди.

Очнувшись, помощник сказал:

– Да, конечно. Одна сотня. Я прав?

Сам слушая не слишком внимательно, Агассис ответил:

– Да, верно. Посмотрите, какие титьки… я хотел сказать, присмотрите, как идти!…

Следующие два дня Агассис трудился над своей лекцией. Она должна быть безупречной. Этот званый вечер имел величайшее значение для его будущего. Ничто нельзя было оставить на волю случая. В свободные часы он добавлял строку-другую к учебнику «Основы зоологии», который писал вместе с Августусом Э. Гоулдом. Учебник станет его первой американской публикацией и потому должен произвести соответствующее впечатление.

К утру пятницы никаких новых сведений о возможном местонахождении готтентота не поступило, и Агассис постановил для себя, что с завтрашнего для приложит весь свой интеллект для скорейшего завершения этой утомительной истории.

С дневной почтой пришло письмо от матери Агассиса.

Милый сын!

Боюсь, известия у меня недобрые. Состояние Цецилии не ухудшается, но и надежды на улучшение нет. Большую часть дня она рисует, это занятие, как тебе прекрасно известно, всегда развлекало ее и приносило отдохновение. К письму прилагаю семейный портрет, который она

недавно закончила.

Дети здоровы. Апекс быстро становится образцовым юношей и, как мне сказали, часто говорит об отце, которого так давно не видел. Как ты думаешь, нельзя ли устроить так, чтобы когда-нибудь ему как старшему было позволено приехать к тебе в Америку?

С нежнейшими пожеланиями,

Мама

Его сын. Агассис почти забыл, что у него есть потомство… Что может измениться с приездом Алекса? Подходит ли его дом в Восточном Бостоне для воспитания ребенка? В нынешних безумных обстоятельствах, разумеется, нет. Но если по получении места он переедет в Кембридж, а он это обязательно сделает, то в доме воцарится более благодатная атмосфера.

Но невозможно правильно воспитывать ребенка в доме, где не хватает женской руки. Раз Цецилия не в состоянии путешествовать, придется найти ей подходящую замену. Няньку, гувернантку…

Жену.

Агассис тут же себя одернул. О чем он думает? Его жена еще жива, а он уже подыскивает ей замену?… Неужели он бесчувственное чудовище?

И все же полезно подготовиться к вероятному исходу событий.

У себя в спальне Агассис начал выкладывать вечернее платье. Он как раз намеревался стряхнуть пушинку с сюртука, как его застал врасплох визит Цезаря, чье лицо появилось в бесславном окне, где он материализовался в ту первую ночь, с которой, казалось, прошла геологическая эпоха.

– Вам обязательно брать в привычку входить столь необычно?

– Ах, прошу проштить мою нефоспитанность, но мы в колонияхжифем иначе, чем фы, цивилизованные господа.

Да в поместьях под Кейптауном шчитается даже большой любезностью, если остановишься у двери обтрясти жира-фово дерьмо с сапог.

– Уверен, если у вас нет высших устремлений, довольно приятно уподобляться дикарям, среди которых вы так беспечно обретаетесь. Так что вам угодно?

– Я бин только что узнать, что фы идти сегодня на какую-то фечеринку. Пошему бы мне не пойти с фами?

– Зачем?

– Яволь, фо-первых, я могу случайно услышать что-то, относящееся к нашим поискам. Und фо-фторых, я в этой стране

гость и пока еще ничего тут не видел. Я подумал, может, забавно будет повращаться в американском высшем свете.

– Гм… Полагаю, вы можете заинтересовать нескольких пресыщенных гранд-дам, примерно как комнатная собачка новой породы. И остальные домашние тоже идут, поэтому взять и вас будет только честно. Как ваш хозяин я имею определенные обязательства… – Тут Агассису пришла в голову ужасная мысль. – Вы ведь не собираетесь взять с собой свою чернильную подругу, правда?

– Ах, найн. Дотти приемов не шалует.

– Тогда согласен. Но проявите благовоспитанность. Никаких выходок. И прошу вас, попытайтесь не забывать про нашу договоренность.

– Ja-ja, я выращиваю капибар на берегах Ориноко. Агассис фыркнул.

– Люди, с которыми вы скоро познакомитесь, иронии не ценят. И еще. Могу я предложить, чтобы вы облачились подобающим образом? Пойдите к Пуртале.

– Ладно.

Едва Цезарь исчез, в дверь вежливо постучали. Агассис крикнул «входите».

Дверь распахнулась, и перед ним предстало поразительное зрелище.

На пороге стоял краснокожий в полном боевом облачении, вплоть до томагавка, заткнутого за расшитый раковинами пояс. Его невозмутимое лицо с орлиным носом казалось высеченным из красного гранита.

Руки Агассиса непроизвольно потянулась к голове. Он с абсолютной точностью знал, что его вот-вот скальпируют. Три столетия неосуществленной мести горели в глазах благородного дикаря Руссо. Он с самого начала знал, что в Америке небезопасно. Одна мысль о том, что вскоре его собственные волосы повесят как трофей в закопченном вигваме…

Мягко ступая в мокасинах, индеец приблизился. Агассис поискал, куда бы ему отступить, но помешала кровать. Из-за спины воина в оленьей коже выглянул Дезор. На его губах, под ничтожными усиками, играла жестокая и мстительная улыбка.

– Что вас так растревожило, Агасс? Неужели вы напуганы…

Стремясь восстановить присутствие духа и пошатнувшееся превосходство, Агассис вопросил:

– Что значит это вторжение, Эдвард?

– Я просто исполнил ваше распоряжение, Агасс. Помните, вы приказали мне отыскать местного проводника для нашей экспедиции на озеро Верхнее? Так позвольте представить вам

вождя Кайамановая Черепаха из племени оджибуэев. Сегодня он прибыл, и агент «Гудзонской компании» направил его к нам.

Вождь Кайамановая Черепаха молча поднял руку ладонью вверх. Агассис нерешительно сделал то же самое.

– Он на каком-нибудь цивилизованном языке говорит?

– Насколько я смог определить, нет. Я пытаюсь найти переводчика…

– Что ж, весьма похвально, Эдвард. Теперь, когда вы нас представили, можете идти.

– Есть одна загвоздка. Вождю негде остановиться.

– Разумеется, он может пожить у нас. Передайте/Джейн, пусть поставит еще один прибор к завтраку.

– А что с ним делать, пока мы будем на званом вечере?

– Ей-богу, вы правы. Нельзя оставлять его одного с Джейн. Вы же знаете пристрастие индейцев насиловать белых женщин… Полагаю, нам просто придется взять его с собой.

Вот как вышло, что на семичасовый паром из Восточного Бостона поднялась престранная процессия. Возглавляли ее Агассис и Цезарь, за которыми следовала парочка перешептывающихся кузенов – Мориц и Эдвард Дезоры. Пуртале, Жирар, Буркхардт и Сонрель, принявшие под свое крыло вождя Кайамановая Черепаха, замыкали шествие.

Спустившись на пристань, они стали искать экипаж до дома Лоуэлла. К несчастью, нанять можно было только открытую коляску с полкой сзади.

Сидя рядом с возницей, тогда как остальные примостились сзади, Агассис был вынужден стоически сносить крики и свист всех встречных городских оборвышей – и немалого числа взрослых.

– Это цирк!

– Эй, мистер Барнум [84]!

– А где бородатая дама?

– Папа, папа, я не вижу клоунов!

К тому времени, когда они достигли резиденции его патрона на Бикон-хилл, Агассис сгорал от стыда. Спасаясь от преследовавшего его глумящегося сброда, он поспешил в дом, где назвал себя и остальных дворецкому. Вскоре их провели через анфиладу комнат, и они оказались перед широкими двойными дверями – сейчас отодвинутыми в особые ниши, – которые открывались в роскошную бальную залу.

Грандиозная зала с высоким потолком была освещена тонкими восковыми свечами в канделябрах и наисовременнейшими газовыми рожками. Вдоль одной стены тянулись покрытые льняными скатертями столы, ломящиеся от

всевозможных яств: зажаренные целиком поросята, открытые мясные пироги и телячье жаркое, фаршированные голуби и бизоньи бифштексы. Серебряные черпаки торчали из хрустальных чаш с пуншем. У дальней стены примерно на фут над сверкающим паркетом поднималась временная сцена. Почти сто человек, не считая слуг, заполнили залу и весело смеялись и беседовали, пили и ели. Все господа во фраках смотрелись могучими и мужественными, а дамы в туалетах всех цветов – утонченными и грациозными.

Агассис повернулся к Цезарю:

– Итак, друг мой, сами видите, как мы обустроились на моей второй родине. Да в этом особняке есть даже ватерклозет в самом доме! Недурно, а?

На Цезаря это как будто не произвело впечатления.

– Ja, aber они фполне припишись бы при дфоре императора Нерона или короля Людовика Шетырнадцатого. Но не мне судить, я бин просто дерефенщина с фермы в Каффрарии.

– Что ж, постарайтесь выказать благовоспитанность. А вот и наш хозяин…

К ним решительным шагом направлялся Джон Эмори Лоуэлл. Крахмальный воротничок почти подпирал ему уши, узел на черном галстуке был размером с грейпфрут, а через весь жилет, точно мост, протянулась золотая цепь, похожая на связку сарделек.

– Давно пора вам появиться, черт побери, профессор. Я уж было думал, на вас напала банда ирландских хулиганов. А это что это за деревенщины? Не важно, мне этого знать ни к чему. И индеец? Вот за что я вас люблю, Агассис, вы всегда припасете какой-нибудь, черт побери, сюрприз. Ладно, ладно, пусть развлекаются. Давайте, ребята, проходите, попробуйте кормежку. А вы, Луи, пойдемте со мной. Тут есть кое-кто, с кем вам надо познакомиться.

Схватив Агассиса за локоть, Лоуэлл повлек его за собой. Они направились прямиком к небольшому кружку господ и дам, собравшихся возле, казалось, бы лилипута.

При ближайшем рассмотрении лилипут оказался чрезвычайно пожилым человечком, который словно бы съежился от старости. На его лысой макушке лежало несколько жиденьких белых прядок. Сам он походил на связку палочек, обернутых большим количество черной материи, – точь-в-точь индейское типи, которое сложили для путешествия.

– Эббот, – позвал Лоуэлл, – вот вам Агассис. Самый, черт бы его побрал, умный малый, которого вы только встречали. Вот ему вы и отдадите работенку в Гарварде. Луи, это Эббот Лоуренс.

Агассис протянул руку.

– Познакомиться с вами – большая честь, мистер Лоуренс. Могу я сказать, что, на мой взгляд, вы с мистером Лоуэренсом сделали с вашими фабриками для продвижения науки больше, чем любой другой не дилетант?…

Голос у Лоуренса оказался дребезжащий.

– Спасибочки, сэр. Не жалей кнута, вот мой девиз. Хе-хе-хее…

Лоуренс, казалось, потерял и ход мысли, и всякий интерес к Агассису. Он повернулся к стоящей рядом пленительной красавице и принялся гладить горностаевый меху нее на манжетах.

– Ладно, Эббот, развлекайтесь, черт бы вас побрал. Пошли, Луи.

Агассис был растерян.

– Вы думаете, я произвел на него достаточное впечатление?

– Со старым Эбботом ничего не поймешь. Будем надеяться на лучшее. Может, ваша лекция его зацепит. Вы уж подпустите чего-нибудь эдакого.

И Лоуэлл повлек его в водоворот новых лиц и имен.

– Вот вам пара трансцендентальных мыслителей, Луи. Мне бы хотелось представить вам Ральфа Эмерсона [85].

– Мне так понравились ваши лекции, мистер Агассис. Можно вас спросить, сколько вы запрашиваете? Не следует нам подрезать друг друга…

– А это его друг Хэнк Торо [86].

– Вы одобряете подушный налог, сэр?

– Ладно, ладно, ребята, не докучайте Луи. Дайте ему и с другими поговорить.

Одному за другим Агассис был представлен среди прочих «ледяному королю» Фредерику Тюдору, который пожелал узнать, кто в настоящее время поставляет для его дома лед; издателям Джорджу Тикнору и Джеймсу Филду и знаменитому оратору и политику Дэниэлю Уэбстеру [87].

– Что вы думаете об осаде Вера-Крус? – поинтересовался Уэбстер. – За два дня мы обрушили на город тысячу триста снарядов. Вот это, скажу я вам, современная война, сэр! Разбомбить стервецов, по камешку разнести. Нам судьбой назначено владеть этим полушарием!

У Агассиса уже голова шла кругом, когда хозяин наконец оставил его в кружке гарвардских профессоров.

– Оставляю вас поболтать с вашими будущими коллегами, Луи. А мне нужно гостей развлекать, будь они неладны. Напомните, чтобы я рассказал вам про новую систему колоколов, которую я разработал для моих фабрик. Они у меня раз в

четверть часа, черт побери, звонят.

Большинство гарвардцев и их жен Агассис уже встречал раньше. Из его собственной области коллег тут были Хэмфрис Строурер, Амос Бинни и Августус Гоулд.

Сразу после взаимных приветствий Агассисом завладел некто Корнелий Конвей Фелтон [88]. Фелтон был крупным лощеным господином, живым и шумным, с непослушными волосами и маленькими очками. Питал пристрастие к клетчатым жилетам, галстукам-бабочкам и отороченным бархатом курткам.

– Агасс! Пойдемте со мной. Хочу вас кое с кем познакомить.

Страшась даже увидеть еще одно незнакомое лицо, Агассис неохотно подчинился.

На стуле в уголке сидела самая красивая девушка, какую Агассис только видел со своего приезда в Америку. Русые локоны обрамляли изящное личико сердечком, глаза сверкали, как два родничка.

– Агасс, это сестра моей жены, мисс Лиззи Кэри. Лиззи, профессор Луи Агассис.

– Я где угодно узнала бы уважаемого профессора Агассиса, поскольку имела необычайное удовольствие прослушать все до единой его бостонские лекции.

Акцент Агассиса внезапно стал гораздо заметнее:

– О, если бы я знал, что среди публики столь превосходный образчик Божьего творения, как вы, я не смог бы произнести ни слова.

Лиззи залилась смехом.

– О, мистер Агассис, надеюсь, сегодня я не произведу на вас подобного впечатления.

– Ну, быть может, если я подкреплю себя пуншем, то, пожалуй, смогу пробормотать фразу-другую… Эй, любезный! Два бокала пунша, vite [89].

– С вашего позволенья я вас оставлю, – сказал Фелтон. – Мне нужно вернуться к нашей с Джеком Уиттьером [90] дискуссии о Катулле.

Следующие два часа пролетели для Агассиса незаметно. Он обнаружил, что ловит каждое слово, падающее, как росинка, со спелых губок Лиззи Кэри. Какая изящная, остроумная, привлекательная девица! И по всей видимости, так им восхищается…

Агассис едва обратил внимание на увеселения, состоявшие из выступления актерской труппы, разыгравшей пьесу под названием «Лагерь рудокопов, или Что сделала девушка ради золота», за которой последовала череда живых картин, представленных сам ими гостями: «Застигнутые любовники»,

«Просроченная закладная».

– Итак, моя дорогая, – говорил Агассис, – девица ваших нежных лет может находить такого старика, как я, привлекательным? – когда на плечо ему легла рука Лоуэлла.

– Пора вам, черт побери, отработать ваше содержание, Луи. На сцене для вас все готово. Хотя ума не приложу, зачем вам понадобилось столько треклятых крабов.

Слова Лоуэлла Агассис пропустил мимо ушей.

– Пока что прощайте, мисс Кэри. Надеюсь, позже я вас увижу.

– Не сомневайтесь, я буду с надеждой ждать встречи.

Лоуэлл повел Агассиса к сцене. После нескольких бокалов пунша мысли Агассиса слегка путались, но внезапно он разом протрезвел – на него, Агассиса, вдруг пахнуло уже знакомым сладковатым запахом даки. Что такое затеял Цезарь?

Поднявшегося на сцену Агассиса приветствовала быстро нарастающая волна рукоплесканий. Любезно поклонившись собранию, он повернулся к пюпитру.

И оцепенел.

На сцене был сооружен шаткий вольер из мелкой сетки. Внутри, словно разыгрывая сцену из дантова «Ада», толклась сотня мечехвостых крабов (Xiphosura), которые медленно карабкались друг по другу, и вся масса копошилась точно единый организм. Зрелище было настолько непрятным, что Агассис едва не поперхнулся.

Будь проклят этот Дезор! Он намеренно все подстроил, чтобы сорвать лекцию, или это следствие простого недоразумения? Так или иначе, за это он поплатится головой!

Но, разумеется, пути назад уже не было. Лучше делать вид, что все идет по плану…

Заняв свое место за пюпитром, Агассис подровнял стопку заметок и начал лекцию. Но прежде он внес в текст импровизированное дополнение.

– Мне бы хотелось посвятить эту лекцию очаровательной мисс Элизабет Кэри. А теперь приступим. Рассмотрим любопытное существо, в миру известное как мечехвостый краб – одна из небольших шуток Господа. Неизменное на протяжении несметных тысячелетий, это замечательное веселое членистоногое копошится вдоль наших североамериканских берегов, счастливо помахивая своим комичным шипастым хвостом.

Агассис сделал широкий жест в сторону загона с крабами и не без тревоги заметил, что наспех сооруженный загон расползается по швам. Казалось, врата Ада вот-вот изрыгнут всех своих демонов.

Храбро, хотя и не без дрожи в голосе продолжив лекцию, Агассис заметил в своих слушателях странную перемену. Все больше и больше их поворачивались к дверям, словно привлеченные каким-то представлением. Запах тлеющей конопли усилился.

Стараясь не обращать внимания на перебежчиков, Агассис стойко продолжал:

– Используемые ныне как удобрение Xiphosura некогда правили…

Тишину внезапно разорвал леденящий кровь боевой клич. Агассис не смог более притворяться.

– Здесь я должен прерваться, пока мы не установим, чем вызвано это волнение.

Никто не обращал на Агассиса внимания. Все устремились в заднюю часть залы. Спустившись со сцены, Агассис протолкался в первые ряды.

Вождь Кайманова Черепаха вдохновенно исполнял танец духов под аккомпанемент Цезаря, который выбивал ритм на позаимствованном где-то чайнике. Повсюду переходили из рук в руки трубки с дакой.

На глазах объятого ужасом Агассиса бостонский высший свет, отбросив под воздействием крепкой даки всяческие приличия, вставал в круг, чтобы присоединиться к улюлюканью и танцу.

Агассис тщетно попытался восстановить порядок:

– Господа, прошу вас, мы же цивилизованные леди и джентльмены…

Где-то поблизости вспыхнула ссора. Агассис повернулся посмотреть.

– Вы утверждаете, будто я только и делаю, что живу за ваш счет? – вопил Торо.

– Вот именно! – отвечал Эмерсон.

– Ей-богу, давайте разрешим наш спор, как это делали во времена Ахилла!

– Согласен.

Вскоре, раздевшись до исподнего, Эмерсон и Торо сцепились в сложном захвате силачей, силясь повалить противника. Выбрав каждый своего борца, собравшиеся начали их подбадривать:

– Давай же, Ральф!

– Удачный захват, Хэнк!

Что-то задело туфлю Агассиса. Он опустил взгляд.

Это был краб. Только теперь натуралист заметил, что крабы расползлись по всей зале, точно по дну океана. Внезапно у него возникло такое ощущение, что он находится под водой. Ему стало нечем дышать…

Следующие полчаса показались ему вечностью. До конца своих дней он не забудет ужасных сцен, которым ему пришлось стать свидетелем. Одно то, как скакал верхом на своей спутнице Эббот Лоуренс, дало бы достаточно пищи для ночных кошмаров. Но это было еще не все. Далеко не все.

Он тщетно искал Лиззи Кэри, надеясь в ней найти оплот здравого смысла. Но она исчезла, и Агассис не мог бы ее винить.

Наконец надежда на восстановление порядка прибыла в облике роты бостонской полиции.

Агассис поспешил навстречу старшему по званию.

– Благодарение Богу, вы прибыли…

– И кто же вы будете? – спросил офицер.

– Ба, я профессор Агассис!

Внезапно Агассиса схватили несколько пар рук.

– Придется поблагодарить вас, что сберегли мне уйму времени, профессор. Видите ли, у меня есть ордер на ваш арест.

7
Пришивание пуговицы

Джосая Догберри [91] храпел. Как мэнская лесопилка, как астматический утконос (Ornithorhynchus anatinus), как мичиганский бобер (Castor fiber michiganensis), которому в беспокойном сне видятся охотники-оджибуэи под предводительством неистового вождя Каймановая Черепаха, мистер Догберри хрипло сипел и храпел всю ночь, лишив Агассиса всякой надежды на отдых.

Впрочем, ни его душевное состояние, ни обстоятельства, в которых он оказался, все равно не способствовали сну.

Агассис сидел на грубом топчане с матрасом, набитым кукурузными очистками и обтянутым кусачей полосатой материей. Едко пахнущее одеяло, соперничающее вонью с открытым ночным горшком в углу, сбилось к изножию. Топчан и матрас занимали одну половину мрачной, лишенной окон камеры. Сама камера находилась глубоко в недрах Чарльстонской тюрьмы штата Массачусетс.

Сюда его привезли в закрытой полицейской повозке. Когда его, без малейшего уважения к его званию, заталкивали через заднюю дверцу, Агассис вырывался и тщетно протестовал против своего ареста.

– Тут, наверное, какая-то ошибка, любезнейший! Я – Луи Агассис, известный ученый и швейцарский гражданин…

На что арестовавший его полицейский, к которому, как слышал Агассис, обращались «сержант Руфус», сказал:

– Я уже один раз поблагодарил вас, что вы не стали скрывать, кто вы, и так славно сдались. Чего еще вы хотите? Медаль?

– Но вы, кажется, не понимаете…

– Погодите, дружище. Это вы не понимаете. У меня есть ордер на ваш арест, подписанный самим губернатором, а его слово в этом штате – закон. Сейчас вы не у своих драгоценных Вилли-Телей, поэтому давайте полезайте в «перевозку».

– Но дипломатическая неприкосновенность… Сержант Руфус повернулся к одному из своих подчиненных:

– Грисволд, передай мне колодки…

Дабы избавиться от дальнейших надругательств, Агассис забрался в повозку, а за ним последовал сержант Руфус с небольшим фонарем в руке. Потом дверцы с грохотом захлопнулись, скрыв от Агассиса внешний мир.

Когда они отъезжали от особняка Лоуэлла, Агассис слышал

словно издалека пронзительные звуки безумной вечеринки, приближавшейся, судя по всему, к своему апогею, о котором можно было только догадываться. Он начал сердиться, что ни один его соотечественник не пришел ему на помощь. Верно, арест произошел на самом краю разбушевавшейся толпы и, вполне возможно, прошел незамеченным, учитывая, что всеобщее внимание привлекали другие картины. И все же их вероломство саднило.

Повозка катилась и катилась. Агассис спросил у сержанта Руфуса:

– Почему вы не исполнили свой долг защитника общественной морали и не арестовали всех на этом беспутном званом вечере? Они ведь виновны в нарушении спокойствия, не говоря уже о нескольких актах вульгарнейше-го разврата.

Сержант Руфус почесал в затылке.

– Должен сознаться, такой гулянки я еще не видел, а меня не раз вызывали заминать скандалы на Тонтэн-Кресцент. Да, кстати, а почему там повсюду ползали крабы? Вы что, скачки устраивали?

– Эти крабы служили иллюстрацией к моей лекции. Сержант Руфус как будто не расслышал, так озадачен он был воспоминаниями о буйстве.

– Да, животных я на вечеринках и раньше видал. Был один осел и актриска… Но это к делу не относится. Ну а что такого забавного можно придумать с крабами…

– Забудьте вы крабов! Почему вы не арестовали Лоуэлла и Лоуренса?

Сержант Руфус воззрился на Агассиса так, точно тот лишился рассудка.

– Арестовать двух самых богатых людей штата только за то, что они немного спустили пар у себя дома? Я что, по-вашему, сумасшедший? С тем же успехом я мог бы положить голову на рельсы перед нью-йоркским экспрессом! Нет, я с Семьями не связываюсь и вам тоже не советую.

Дав такой мудрый совет, сержант Руфус уселся поудобнее и молчал до конца пути.

Когда повозка остановилась и Агассис вышел на улицу, до него наконец дошла вся чудовищность его положения.

Впереди маячила в темноте гранитная громада Чарльстонской тюрьмы.

От центрального восьмиугольника отходили прямоугольные крылья, чьи забранные решетками окна напоминали безучастные глаза гигантского плавучего шлема в «Замке Отранто» [92]. Шестифутовая кованая решетка окружала спроектированные

Буллфинчем строения. (Какая нелепость: из особняка Лоуэлла перенестись вдруг в прямо противоположное ему творение того же мастера!) Кругом, насколько хватал глаз, расстилались возделанные узниками поля.

Несмотря на теплый июньский вечер, Агассиса прошибла дрожь, и он подумал, что если войдет сюда, то уже никогда больше отсюда не выйдет. Он даже не был уверен, знает ли кто-нибудь, где он. Не важно, какая безумная бюрократическая путаница привела к его аресту, пройдут десятилетия, пока она разрешится, а тем временем он зачахнет, превратившись в состарившегося до срока калеку. Господи милосердный, ему ведь всего сорок лет! Он слишком молод, чтобы быть погребенным в каземате, ему столько еще предстоит совершить, столько почестей пожать…

Агассис бросился бежать. Поваленный наземь подножкой сержанта Руфуса, он в конечном итоге только наглотался пыли.

– Полноте, профессор, какой прок…

За воротами Агассиса передали тюремному надзирателю, имевшему поразительное сходство с более крупным представителем человекообразных, скажем, с Gorilla gorilla. Этот вооруженный дубинкой Джек Кетч [93] повел Агассиса через лабиринт освещенных факелами коридоров, пока они наконец не достигли стигийской камеры. Открыв дверь, надзиратель втолкнул Агассиса внутрь и с лязгом повернул в замке ключ.

В сочащемся из глазка тусклом свете Агассис увидел лежащую на топчане фигуру. Тело внезапно пошевелилось и представилось:

– Джосая Догберри, сэр. С кем имею честь?

Когда Агассис, не в силах стряхнуть оцепенение, не ответил, Догберри продолжал:

– Нужно чуток пообвыкнуться, а? Что ж, увидимся утром.

После чего снова заснул под вышеупомянутый носоглоточный аккомпанемент.

Теперь, бессчетные часы спустя, Агассис все еще не мог оправиться. Сырые и склизкие каменные стены камеры, казалось, давили на него. Он попытался побудить себя к действию. Как назывался дешевый романчик, который он читал на корабле по пути в Америку? Ах да, «Граф Монтекристо»… И как же его главный герой сумел бежать? Кажется, прорыл ложкой подкоп. Агассис произвел досмотр содержимого своих карманов: карандаш (с семейной фабрики Торо), поспешно смятые в спешке заметки к лекции, несколько монет, карманные часы и пахнущий патокой носовой платок.

Его план очевиден: он нацарапает прощальную записку,

подкупит тюремщика, чтобы тот передал ее на волю, дождется, когда часы пробьют полночь, и удавится носовым платком.

Внезапно в камере воцарилась тишина. Догберри перестал храпеть. Агассис приготовился отразить нападение закоренелого преступника, в чью камеру его бросили.

Догберри потянулся и зевнул, потом сел, подставив лицо свету. Это лицо было определенно юношеским и мягким, совсем не таким, какое нарисовало Агассису воображение.

– Эх, недурная была ночка. Нет ничего лучше сна, чтобы примирить тебя с миром! А как вы покемарили, старина?

Несколько успокоенный цивилизованным поведением Догберри Агассис ответил:

– Боюсь, не слишком хорошо. Кстати, меня зовут Агассис. Луи.

– Вот и славно. Скоро придут с утренней овсянкой. Если повезет, долгоносиков в ней будет не слишком много.

Опасаясь, что, возможно, нарушает правила хорошего тюремного тона, Агассис все же не удержался от вопроса:

– И… в чем ваше преступление, мистер Догберри?

– По сути, я в каталажке за оскорбление художественного вкуса.

– Я и не знал, что это наказуемый проступок.

– И я тоже. Но деньги в дверь, искусство – в окно.

– Боюсь, я все еще не понимаю…

– Прошу вас… взгляните на мою визитную карточку. Догберри протянул Агассису печатную картонку:

ДЖОСАЯ ДОГБЕРРИ, ЭСКВ.
СТРАНСТВУЮЩИЙ ХУДОЖНИК
ПИШУ ПОРТРЕТЫ
ИЗЫСКАННО И БЫСТРО
ПРОФИЛИ 10 центов
АНФАСЫ 25 центов
ПОЯСНЫЕ 50 центов
С ГОЛОВЫ до ног 1 доллар
(ЗА РУКИ ДОПОЛНИТЕЛЬНО)

Над текстом помещался образчик портретного искусства Догберри. На рисунке размазанными линиями был изображен горбатый карла-гидроцефал.

– Понимаю, – сказал Агассис, возвращая карточку. – Возникли разногласия из-за оплаты ваших трудов…

Догберри вздохнул.

– Можно сказать и так. Я исходил кровавым потом, рисуя все семейство Пикенсов, но им и того было мало. Отец заявил, что

его младшенький вышел свинья свиньей. Потребовал деньги назад, вот что он сделал. К несчастью, я все потратил на низменные нужды тела, а именно на пирог с почками, партию в кегли и ночлег. И вот я здесь.

– Можно спросить, где вы обучались?

– Самоучка до мозга костей, сэр, и этим горжусь. Я начал жизнь как скромный босоногий батрак. В свободные минуты я на любой подвернувшейся доске рисовал углем скотину. Когда мне пришло время пробивать себе дорогу в мире, я, естественно, решил испытать себя на поприще рисования.

– Быть может, вам лучше было остаться на ферме…

– Не вышло бы, Лу. Я – самый младший из шестнадцати братьев, и к тому времени, когда я вырос, землю уже поделили между ними. Ее и было-то всего два акра! Впрочем, и им тоже пришлось несладко. Помнится, однажды Джошуа – он у нас старший – пришел к Джереми – тому, который хромает, – и сказал: «Пойди позови Джеба, Джейсона, Джетро, Джима, Джона, Джена, Джаргена, Джеда, Джабеза, Джахата, Джоба, Джоэля и Джулиуса – нам надо поговорить о том, как снова объединить родовое наследство». И вот, сэр, к тому времени, когда Джеремия, не забывайте про его хромоту, собрал всех, цена на зерно упала еще на пенни за бушель! Верно, как налоги, для фермеров Новой Англии настали тяжелые времена. И все из-за дешевых товаров с запада, которые везут по каналам и железньш дорогам, – они-то нас и прикончат. Будь проклят тот лень, когда спроектировали канал Эри!

– Но прогресс…

– Прогресс для одних – всегда регресс для других, Лу. Помяните мое слово.

От раздумий над этой новой для него точкой зрения Агассиса оторвал скрежет ключа в замке.

Дверь отворилась, и на пороге возник тюремщик, принятий сюда Агассиса прошлой ночью. Но вместо завтрака он пришел со следующими пугающими словами:

– Эй, ты, новенький… пойдем со мной.

– Задайте им жару за всех нас, маленьких людей, Лу. На подгибающихся коленях Агассис двинулся впереди вооруженного дубинкой тюремщика. Они миновали лабиринт коридоров, где из-за дверей камер доносились всевозможные стоны и жалобы, и спустились еще на этаж вниз. В этот нижний подвал как будто заходили редко: заплесневелые стены украшала паутина, по полу с удивительно разумным видом сновали крысы, на груде ящиков было выведено карандашом: ПРОТОКОЛЫ САЛЕМСКИХ ПРОЦЕССОВ…

Наконец они остановились у двери, из-под которой сочился свет.

– Внутрь! – рыкнул стражник.

Агассис положил руку на дверной засов. Его била такая крупная дрожь, что передавалась на неплотно прилегающую к косяку дверь, и на туфли ему посыпалась пыль. Но *W*все же заставил себя открыть Врата Страшного Суда, после чего его взору явилась непостижимая картина. % Откуда-то исходил едва ощутимый гул, который было трудно оставить без внимания. Пол просторной комнаты устилал богатый восточный ковер. Стены были заверены гобеленами. Посреди комнаты стоял длинный дубовый стол, покрытый дамастовой скатертью. В центре стола разливал свет старинный подсвечник о шести лапах.

По обоим концам стола против двух стульев с высокой спинкой стояли два столовых прибора. От различных блюд под крышками исходили запахи яичницы, бекона, тостов и кофе.

На одном конце стола сидел мужчина, облаченный в высокие начищенные сапоги и мундир прусского офицера – сплошь золотые пуговицы, позументы и эполеты. На поясе у него висела рапира без ножен. Лицо его было столь же жестким и резким, как камни в Какфилдской каменоломне, откуда Мэнтелл выкапывал свои окаменелости. Одни глаз был скрыт за черной повязкой с древнеарийской свастикой, этот первоначальный символ солнца был вышит белым.

– Герр профессор, – сказал мужчина тоном, в котором было что-то от движений королевской кобры (Ophiophagus hanna), – не желаете ли позавтракать со мной?

Агассис завороженно опустился на предложенный стул.

– Прошу вас, не стесняйтесь.

Не глядя положив себе яичницы с беконом и проглотив гигантский ком в горле, Агассис нашел в себе силы спросить:

– А… А ваше имя вас, сэр?

– Вам, герр профессор, выпала скромная привилегия обращаться к смиренному представителю короля Пруссии. Я – Ганс Бопп, верный слуга его величества Фридриха Вильгельма Четвертого.

Агассиса захлестнул страх. Так вот он, второй человек, против которого предостерегал Цезарь, бесславный глава прусской тайной полиции.

– Нам нужно кое-что обсудить, – продолжал тем временем Бопп. – Но давайте повременим с этим, пока не отведаем новой американской кухни. Это мой первый визит в Новый Свет, и я намерен сполна им насладиться. Угощайтесь.

Слова и тон Боппа не подразумевали возражений. Не

чувствуя вкуса блюд, Агассис мужественно жевал и глотал.

Все это время Бопп оживленно болтал на отвлеченные темы: о поэзии Эйхендорфа, музыке Моцарта (в особенности скрытом масонском символизме в «Волшебной флейте») и пейзажах Каспара Давида Фридриха… Неудивительно, что, немного расслабившись под цивилизованную беседу, Агассис действительно начал получать удовольствие от кофе, когда Бопп неожиданно сказал:

– Вам ведь известно, что вы все еще на службе у короля Фридриха, герр профессор?

Агассис поперхнулся кофе. Несколько оправившись, он возразил:

– Но как это возможно? Грант был предоставлен только на два года, и его срок истек в марте. Я истратил все деньги, но могу дать строжайший отчет…

Из внутреннего кармана мундира Бопп вынул какие-то бумаги. С упавшим сердцем Агассис узнал контракт, который прислал ему на подпись Александр фон Гумбольдт. Будь проклято его собственное корыстолюбие… Но ему нужны были эти три тысячи долларов, чтобы уехать в Америку…

– Могу я процитировать вам часть четвертую, параграф шестнадцатый, статью девятую? «Нижеподписавшийся обязуется предоставлять короне свои услуги на период, не превышающий двадцати лет со дня истечения этого контракта. В случае смерти правящего монарха (храни, Господи, его душу) право прибегнуть к ним переходит к его преемнику».

Агассис попытался слабо усмехнуться.

– Но, разумеется, подобная статья – всего лишь пережиток древнего droit de seigneur [94], и не предполагается, что она действительно будет применена?…

Сложив бумаги и убрав их назад в карман, Бопп ответил:

– Боюсь, вы ошибаетесь, герр профессор. На деле это Современная клауза и юридически совершенно законная.

Более того, эту самую статью я смог использовать – вкупе с моим положением прусского посла, – чтобы убедить губернатора приказать вас арестовать. Но в нашей беседе мне пока не хочется прибегать к судебному преследованию или упоми нать о неудовольствии короля, которое я как его официально уполномоченное доверенное лицо по долгу службы буду обязан выразить. Нет, я намерен воззвать к вашей чести и к нашему общему наследию.

Звякнув рапирой о стул, последний тевтонский рыцарь встал и принялся по-военному вышагивать взад-вперед по комнате.

– Я обращаюсь к вам, герр профессор, как к собрату-арийцу.

Верно, формально вы не являетесь потомком германских племен, но как чистокровный швейцарец представляете ближайшую родственную ветвь нашей благородной семьи. Быть может, вы знакомы с графом де Гобино, французом? Нет? А жаль. Он как раз составляет монументальный труд, который намерен назвать «Неравенство человеческих рас». Полагаю, вам он покажется увлекательным. В нем подробно описывается происхождение ариев на индоевропейском плато, их миграцию и их истинное место как господ и правителей над всеми упадочными расами.

Но на пути этого предназначения, триумф которого в конечном итоге неизбежен, как и на пути любого временного плана, возникают препоны и преграды. Хотя славное правление сынов Ахурамазды рано или поздно наступит, его приход может быть отсрочен. Видите ли, низшие расы наделены примитивной хитростью. Они могут чинить препятствия на пути нашего успеха. Помимо прочего, они решительно радикально превосходят нас числом.

Клянусь Вотаном, они невероятно плодовиты! Мы, северяне, поглощенные проблемами духа и интеллекта, в делах продолжения рода едва ли способны тягаться с тропическим отребьем. Отвратительно, как они размножаются, – точно черви в грязи! И точно так же, как мы без малейшего раскаяния давим донимающее нас насекомое, так и низшие расы всего мира должны быть подчинены отеческому и мудрому правлению германского порядка. И быстро истреблены!

Бопп умолк, и Агассис постарался ответить деликатно, потому заговорил медленно, подбирая слова:

– Соглашаясь по сути с вашими взглядами на врожденное превосходство белой расы, позволю себе не согласиться с вашими агрессивными планами мирового господства. Разумеется, наиболее мудрым и требующим наименьших усилий подходом будет просто политика жесткой сегрегации. Достаточно запереть темнокожие расы на их части земного шара, а мы будем жить на своей. Например, мы могли бы начать с вывоза всех американских чернокожих назад в Африку…

– И отдать им бессчетные неразработанные богатства этого континента?! – взорвался Бопп. – А что, если они выкрадут у нас столько оружия, что станут представлять военную угрозу? Нет, так не пойдет, герр профессор. Поверьте мне, это война не на жизнь, а на смерть. И хотя конечный триумф арийских сил, который положит начало тысячелетнему рейху, неизбежен, цена победы может быть высокой или низкой, и зависит она от того, что делаем мы сегодня.

Видите ли, хотя научной и военной доблестью Германия

превосходит и будет превосходить прочие страны – только вспомните, будьте добры, чудеса военных заводов Круппа, полезные открытия таких ученых, как барон Либиг [95], и менее понятные профану находки натуралистов вроде вас, – есть другой аспект нашей культуры, которому в последнее время позволили прийти в упадок.

Я говорю сейчас о религиозной стороне, об оккультной сфере.

С приходом Просвещения ариец был склонен пренебрегать тем, что нельзя взвесить или измерить. Утратив связь с духовными элементами своей природы, внутренним светом Валгаллы, который только и направлял все его устремления, он срубил дерево Иггдрасиль. Возьмем плачевное состояние моего ордена, члены которого превратились сперва в крупных землевладельцев, потом в смиренных вассалов, и все потому, что повернулись спиной к тайному знанию, которое мы принесли из Иерусалима.

В одном нужно отдать должное дикарям: какой бы налет цивилизации они ни пытались сымитировать, они мудро держатся за свои религии. Древние боги и ритуалы по сей день подпитывают их повседневные дела и их волю к жизни.

И эту языческую духовную энергию я намерен вернуть германским народам. И начну с использования фетиша Готтентотской Венеры!

Агассис едва не выругался. Треклятый pudendum! И зачем только Кювье сохранил его в формальдегиде? Неужели он будет преследовать его до конца жизни?

Агассис попытался отговорить прусского Парацельса от его планов:

– Но, герр Бопп, неужели вы всерьез хотите осквернить себя негритянской магией?

– Почему нет? Что может быть справедливее, чем обратить против дикаря его же оружие? Магия, мой дорогой профессор, не знает этнических различий. Меня нисколько не смущает любое средство, которым я достигну своих целей, будь то шаманизм краснокожего или даосизм желтокожего.

Единственный глаз Боппа заблистал. Тевтонский рыцарь надвинулся на Агассиса.

– Я провижу, как тысячи культов и сект вдохнут новую силу в душу германских народов. И орден Розенкрейцеров перестанет быть единственной альтернативой для жаждущих космической истины. Нет, возникнут сотни новых орденов: Mystic Aeterna, Stella Matutina, Ordi Templi Orientis, «Лига молота», общество «Туле», ложа «Братство Сатурна» [96]… Древние вернутся! Не

мертво то, что лежит вечно! Он не спит, он только видит сны!

Провидческий транс Боппа развеялся так же быстро, как и наступил, явно обессилев тевтонского рыцаря. Он поник, опершись о спинку стула Агассиса, но потом с усилием выпрямился.

– Ваш долг, герр профессор, как по условиям контракта, так и как представителя арийской расы, помочь мне завладеть фетишем. Само собой разумеется, вы свяжетесь со мной, как только получите бесспорные сведения, что колдун был где-то обнаружен.

– А если откажусь?

Бопп зловеще улыбнулся:

– Позвольте вам кое-что показать.

Подойдя к одному из гобеленов, Бопп приподнял его, открывая дверь. Жестом он пригласил Агассиса толкнуть ее и пройти первым.

Пахнущая сыростью комната подрагивала от гула, издаваемого огромным водяным колесом, ось которого была вмурована в стену. Возле двери вливался в помещение подземный поток, который, пройдя по глубокому каменному желобу в полу, исчезал под дальней стеной.

К ободу колеса были ремнями привязаны двое, в которых потрясенный Агассис узнал своих позавчерашних посетителей: Гёне-Вронского и Леви. С каждым оборотом колеса они то скрывались под водой, то, кашляя и отплевываясь, из нее выныривали, и тогда у них едва-едва хватало времени сделать вдох перед следующим погружением.

– Жалкие человечишки, вознамерившиеся поиграть в эту великую игру, – саркастично сказал Бопп. – Я поймал их, когда они наводили справки. Но не тревожьтесь. Я не собираюсь их убивать, просто преподам им небольшой урок, а затем отошлю назад в Париж. Но вот попади мне в руки проклятый Костюшко, у истории был бы совсем иной конец! Однако довольно забав… Пойдемте.

Закрыв дверь в камеру пыток, Бопп сказал:

– Полагаю, мне нет нужды разъяснять то, какое отношение имеет к вам, герр профессор, то, что вы сейчас увидели? Так я и думал. Тогда вы свободны. Надзиратель ждет вас, чтобы проводить до ворот тюрьмы.

Едва Агассис протянул руку к двери, его остановили прощальные слова Боппа:

– Если вы еще колеблетесь, профессор, позвольте заверить вас: у недочеловеков и всех их союзников только одно будущее – сапог, попирающий лицо, – отныне и навеки!

Не помня, как поднялся по лестницам, Агассис очутился на первом этаже тюрьмы. События последних двадцати четырех часов перенапрягли его мозг.

Солнечный свет, льющийся через незабранное решеткой окно приемной, начал понемногу возвращать его к жизни. Пока клерк возился с бумагами касательно его освобождения, Агассис силился убедить себя, что последние сутки были просто ужасным кошмаром. Судьбы мира, разумеется, вершат не безумцы…

В приемную ввели еще одного заключенного. Это был Догберри.

– Рад видеть, что вы выдержали все, что бы вы там ни выдержали, Лу, хотя лицо у вас совсем как лук-порей, который мы варили на ферме. Тем не менее вы ничего не потеряли, оставшись без завтрака. Я насчитал в каше пятнадцать трупиков долгоносиков, не говоря уже про крылья и усики.

Радуясь привычному и дружелюбному лицу, пусть он и познакомился с Догберри этой ночью, Агассис спросил:

– Выходит, и вас тоже сегодня выпускают, Джосая?

– Похоже на то, Лу. Хотя ума не приложу, что буду делать, как выйду. Наверное, переберусь со своим ремеслом в городок, не столь космополитичный, где люди еще не помешались на новомодном дагерротипном реализме…

Чем-то – разумеется, не своим ничтожным талантом, – незадачливый художник напомнил Агассису Динкеля, его верного рисовальщика на протяжении двадцати лет, который решил остаться в Европе. И сам удивился, услышав слова, сорвавшиеся у него с языка:

– Как вам понравилось бы работать на меня, Джосая? Рисовать придется животных, а не людей, что, возможно, подходит вам больше.

Догберри хлопнул себя по коленям, выбив из панталон облачко пыли.

– Понравилось бы? Ба, Лу, вы – тот патрон, какого Рембрандт нашел в Медичи!

– Вы, наверное, имели в виду Микеланджело, Джосая.

– Боюсь, для меня что один итальяшка, что другой – все едины.

Вскоре два бывших узника вышли под небо Чарльстона. Никогда прежде такая малость, как вдыхание воздуха, не наполняла Агассиса столь большой, как в то утро, радостью. Он поклялся никогда не забывать, что чувствовал в эту минуту…

Несмотря на бессонную ночь и неприятную беседу, Агассис обнаружил, что наслаждается прогулкой по Чарльстону ранним утром. На пароме до Восточного Бостона он то и дело ловил себя

на том, что глупо улыбается.

Он сознавал, что, если взглянуть беспристрастно, его жизнь стала с ног на голову. С одной стороны, он вынужден предоставлять кров предателю белой расы и его человекообразной, не говоря уже о терпсихорствующем вожде оджибуэев. За ним одновременно следят и поборник тирании, и анархист. Его жена при смерти, и, наконец, фиаско прошлой ночью безвозвратно погубило его надежды на место профессора в Гарварде.

С другой стороны, он не привязан к мельничному колесу!

Отворяя незапертую дверь своего дома, Агассис позвал:

– Пуртале, Буркхардт, Дезор, эй! Ваш вождь вернулся целым и невредимым!

Из кладовой высунулась голова Джейн:

– Ш-ш, профессор! Все спят. Он вернулись только два часа назад…

– Ленивые негодники! И надо думать, никто из-за меня даже не встревожился…

Джейн поглядела на него обиженно.

– Мастер Дезор сказал, что видел, как вы влезаете в повозку с пьяницами и уличными девками. Он сказал, что вы обнимали двух гулящих разом, а третью посадили себе на колени.

Агассис почувствовал, как на лбу у него набухают вены, но попытался подавить свой гнев.

– Ничего столь постыдного я не делал. Я провел ночь в тюрьме и сегодня утром едва-едва избежал встречи с дыбой.

Джейн охнула и бросилась ему на шею.

– Ах, Луи, от одной только мысли у меня голова кружится! Бедный вы, бедный!

Тут Агассис заметил, что Догберри наблюдает за происходящим, пожалуй, даже со слишком большим интересом.

– Гм, спасибо вам за заботу, мисс Прайк. Э… позвольте представить мистера Джосаю Догберри, моего нового помощника. Думаю, мистер Догберри не прочь позавтракать.

– Уж куда там! Десяток блинчиков и ломтик-другой бекона придутся в самый раз. Но полегче с усиками да крыльями.

Предоставив служанке позаботиться о нуждах Догберри, Агассис удалился в кабинет. Освежившись при помощи кувшина и тазика, он задремал на кожаном диване.

Прибытие утренней почты дало Джейн повод его разбудить. Лукаво сообщив, что остальные домашние – включая мистера Догберри – еще не вставали, она терпеливо подождала, пока Агассис покончит с письмами.

Три письма Агассис решил вскрыть незамедлительно. На

первом стоял обратный адрес низкорослого, но влиятельного и могущественного Эббота Лоуренса.

Силясь сохранить утреннее бесшабашное настроение (в Америке достаточно других учебных заведений, которые с радостью предоставят ему место, Йельский университет, например), Агассис вскрыл конверт.

Дорогой профессор Агассис:

Не могу сказать, когда развлекался столь упоительно, как вчера вечером. Вероятно, в последний раз мы так повеселились, когда мы с Беном Франклином в 88-м покрасили в черный цвет филадельфийскую звезду. Успех вечера я считаю целиком и полностью заслугой вашей и ваших превосходных помощников. Черт бы побрал эту муху! Марта! Так о чем я? Ах да. Вы можете рассчитывать на мою всемерную поддержку вашей кандидатуры на новом факультете, которую я вот-вот учрежу. Некие различия женской анатомии просто восхитительны, не правда ли?…

Искренне ваш,

Э.Л.

Агассис поймал себя на том, что за чтением напряженно сгорбился. Теперь он с благодарностью откинулся на спинку кресла. Жизнь прекрасна. Он просто создан для успеха. Все его неурядицы вскоре развеются. (Но что такого рассказал – или показал – миллионеру Цезарь касательно африканской самки?)

Второе письмо было от Осии Клея.

Ваше трусливое пройдошество!

Как вам на сей момент прекрасно известно, я как раз вознамерился отрезать вам еще сувенирчик от вашего невостребованного раба, когда это животное схватило кочергу, дерябнуло мне по кумполу и было таково. Последние несколько дней я возлежал, иначе бы вы получили рассказ об этой посрамной истории даже раньше. Будьте уверены, что мой адвокат, как только я его найму, схватится с вашим. Убытки будут огромадные.

Ранено ваш,

Осия Клей

Еще один груз с души свалился. Решится он поставить на три

из трех?…

Дорогой Луи!

Пожалуйста, простите, что обращаюсь к вам как к давнему другу. Надеюсь, из-за этого вы не сочтете меня легкомысленной. Но после нашего прочувствованного tete-a-tete [97]мне кажется, я знаю вас уже целую вечность. Ваши философские прозрения всколыхнули меня до глубин моей женской души. Надеюсь, нас с вами ждет еще много подобных задушевных бесед.

С глубокой приязнью остаюсь ваш добрый друг.

Лиззи Кэри

Агассис почувствовал, как тепло заливает нижнюю часть его туловища.

Мысли о лилейной Лиззи разбудили в нем генетические инстинкты.

– Вы не против, Джейн? У меня был такой тяжелый день…

– О нет, сэр! Я могу попрактиковаться в новой забаве, которую попробовала прошлой ночью.

Став на колени, Джейн начала расстегивать его панталоны.

В этот момент дверь в кабинет внезапно распахнулась. В дверном проеме стоял Якоб Цезарь.

– Ах, майн готт, Луи, хвала создателю, фы целы! Мы нихт знать, что и думать…

Тут до Цезаря дошло, что он ворвался некстати.

– Доннерветер, прошу прошения, я бин не знать… Но давать задний ход буру было уже слишком поздно.

На шум сбежались остальные домашние. В первых рядах стояли Эдвард Дезор и Дотти.

– Так вот какой пример вы подаете своим подчиненным, Агасс? – самодовольно осведомился Дезор.

– Нет, сэр, вы не поняли, – принялась оправдываться Джейн. – Это просто… то есть… я просто пришивала пуговицу на панталоны хозяина!

– Пуговицу? И где же она? И где же ваши иголка с ниткой? Может, вы их проглотили? И, наверное, эта пуговица запасная, потому что, насколько я вижу, все на месте.

– О, я… – Спрятав лицо в ладони, Джейн разрыдалась. Дотти поспешила к девушке и, приобняв бедняжку одной рукой за плечи, провела ее мимо смущенных ученых.

Агассис собрался было встать, но сообразил, что пуговицы расстегнуты и потому шевелиться не стоит, и остановился на том, что чопорно сложил руки на виновном месте, и сказал:

– Эдвард, вы не поняли истинного смысла этой вполне невинной сцены.

– Прошу вас, не оскорбляйте мои умственные способности. Будь обстоятельства более очевидными, им было бы место на литографии Сонреля к «Фанни Хилл». Можете, однако, положиться на мою лояльность и сдержанность – пока будете их достойны. Пока же я вас оставлю приводить себя в порядок.

Вскоре Агассис остался наедине с Цезарем.

– Что ж, – сказал бур, – в майн стране…

– Да катитесь вы с вашей чертовой страной!

– Не слишком фы ласкофы с тем, кто добыл вам теплое мештечко в Гарварде.

– И как же именно вы это сделали? – поинтересовался Агассис.

Цезарь открыл было рот, собираясь ответить, но Агассис поднял руку, чтобы его остановить.

– По размышлении зрелом оставьте это при себе. Цезарь улыбнулся:

– Und при Дотти.

8
Рыбная история

В медвежьих лапищах Якоба Цезаря тонкий кронциркуль казался зубочисткой. Острия измерительного инструмента терялись в шерстяных завитках на макушке Дотти Цезарь. Пожевывая ивовый прутик для очистки зубов, прихлебывая какой-то туземный напиток из пустой скорлупы от страусиного яйца, привезенного из дома, готтентотка терпеливо давала себя осмотреть. Чтобы скоротать время, она листала «Нану» Бальзака во французском оригинале и то и дело хихикала.

Цезарь называл замеры, точно матрос на Миссисипи, лотом проверяющий глубину и выкрикивающий: «Марк Твен» [98].

– Три запятая шесть, пять запятая девять, десять запятая двенадцать…

За письменным столом Агассис выстраивал по этим цифрам замысловатую кривую и одновременно записывал их в таблицу, состоящую из нескольких граф и колонок. Наконец он поднял руку, показывая, что данных у него достаточно.

– Ну вот, – сказал ученый, – все именно так, как я и подозревал. С точки зрения краниометрии и френологии ваша готтентотская подруга не обладает достаточно развитым черепом, чтобы ее можно было отнести к разумным существам. Как и остальные представители ее расы, по своему умственному развитию она ближе к шимпанзе, чем к человеку.

– Что за чушь фы городить?

Агассис вспыхнул от раздражения.

– Послушайте, старина, все вот тут написано черным по белому, неопровержимо доказано математикой. Да ведь у нее вместо Шишки Проницательности впадина! Не говоря уже про искажение по Узлу Мышления и гипертрофированный Изгиб Эротичности. И общий объем ее черепной коробки явно недостаточен. Получи Сэм Мортон [99] ее препарированный череп, готов поспорить, он смог бы набить в него всего несколько унций картечи.

Цезарь с отвращением швырнул о стену кронциркуль. Одна «нога» засела в акварели, запечатлевшей родную деревуш ку Агассиса.

– Это фаш череп набит картечью, Луи! Нихт разумна… Да как фы мошете такое гофорить, пошти месяц прожиф с ней нос к носу?

Агассиса от этой метафоры передернуло.

– Никакой личной вражды тут нет, Якоб. Это чисто научное заключение. А с наукой не поспоришь! Да, конечно, ваша подруга обладает определенными инстинктивными качествами, которые могли бы одурачить профана, заставив его думать, что она способна рассуждать, как человек. Но более тщательный анализ показывает, что к истинно логическим заключениям она способна не больше… – Агассис силился подыскать уместно невероятное сравнение, – чем Tursiops truncatus, дельфин-афалина.

На это ему, отложив книгу, ответила Дотти. Агассис был вынужден признать, что ее английский, хотя еще ученический, значительно улучшился с ее приезда.

– Предположим, профессор Агассис, что я признаю, что стою на ступень ниже представителей вашей белой расы. Предположим, я назову себя животным. Не думаете ли вы, что даже животные заслуживают этичного обращения?

– Нуда, в определенных границах… то есть если на карту не поставлено благо человечества.

– Тогда как вы оправдываете гнусные надругательства, которым подвергают чернокожих рабов на вашей второй родине? Порки, разлучение членов семьи, непосильный труд от рассвета до заката…

Агассис кашлянул, прочищая горло. Вынул носовой платок и высморкался. Он поймал себя на том, что не может встретиться с бушменкой взглядом.

– Нелепость какая! Я уподобляюсь душевнобольному, спорящему о метафизике с собакой! Но пусть никто не скажет, что Агассис когда-либо не ответил на брошенный ему вызов, сколь бы абсурдным он ни был! Прежде всего, дерзкое ты существо, американская система возникла задолго до моего приезда, и к ее установлению лично я никакого отношения не имею. Морально я выше этой проблемы. Тем не менее человек, пожелавший защитить систему, может найти в ней немало доброго. Во-первых, она принесла свет христианства многим душам, которые в противном случае Пребывали бы в моральном невежестве. Во-вторых, материальные условия жизни американских чернокожих неизмеримо выше уровня жизни на их старой родине. Колючки и глина сменились деревом и кирпичом. Питательный хлеб И свежее молоко с лихвой заменяют корни и личинки.

– Лишинки не есть плохи, если знать, как их приготофить, – вставил Цезарь.

Это замечание Агассис оставил без внимания.

– И в-третьих, их не требующий ума труд в основе своей полезен для их конституции и обеспечивает стране в целом более

высокий уровень жизни. Если это достигается ценой нескольких ударов кнутом – насколько я понимаю, назначаемых только, когда подлинно заслужены, – то порабощение негров вполне оправданно. И вообще, неужели, будь они свободны, они жили бы иначе?

– С ваших слов все выглядит довольно привлекательно, профессор Агассис, – с самым серьезным видом ответила Дотти. – Может быть, вы согласились бы хотя бы на день-другой поменяться местами с рабом?

Агассис подскочил от ярости.

– Что за смехотворное предложение! Только представьте себе меня, Луи Агассиса, воющего негритянский псалом на хлопковой плантации! Сами видите, Якоб, насколько мало ход мысли этого существа походит на мышление истинного человека. Даже вы теперь должны это признать.

– Признать я долшен лишь то, что отдал бы доллар-другой, лишь бы посмотреть, как фы, фзвалив себе на плечи Мешок хлопка, распефать трудовые дагомейские песни.

– Фу! Этот глупый разговор ни к чему нас не приведет.

Вид у Цезаря сделался мрачный.

– Фот это тошно, Луи. Где обретается Т'гузери, мы сейшас знаем не больше, чем дфе недели назат, когда фас фыпустили из тюрьмы. И фы федь знать, какой сегодня день? Последний, когда дер орган Саартье фпитывал силу настойки на даке. Со дня на день Т'гузери может пойти ф космогоническое мешто и там ошивить дер фетиш.

– Нет нужды мне про это напоминать. Вы думаете, я не встревожен? Но что мы можем сделать? Я истощил все мои гипотезы, напрягал мой интеллект, но понятия не имею, как нам разыскать эту хитрую бестию. Я был уверен, мы найдем его в последнем месте, которое мы обследовали.

– Фы думать, он фьет ферефки на Канатном дворе?

– Ну, их же вьют из конопли… Признаю, мы зашли в тупик. Остается только надеяться, что он попадет в руки Боппуили Костюшко до того, как учинит что-нибудь ужасное. С другой стороны, мне неприятно думать, что эти безумцы заполучат фетиш для собственных целей. Но, может, они разорвут друг друга на части, как килкентские коты [100].

– Оба они есть отъяфленные негодяи. Я бин против с ними сфязываться. Ну, пойду на свою лодку, фыкурю трубку, пока софсем не пал духом. Может, мы с Дотти фсетаки что-то придумаем. Хотите к нам присоединиться?

– Нет. Мне нужно уладить личные дела.

После ухода Цезаря и Дотти Агассис вызвал к себе Джейн.

– Можете уделить мне минутку среди ваших домашних хлопот, милая Джейн? Я несколько выбит из колеи. А кстати, я уже говорил, что румянец у вас на щеках напоминает мне нежный цвет яблоневых лепестков?

Но Джейн уставилась в пол, растирая носком маленькой боты невидимую букашку на ковре.

– Видит Бог, профессор, я уже теперь и не знаю, должна ли слушать эти ваши комплименты. Понимаете, в последнее время меня кое-что тревожит.

– Ну так выкладывайте, девушка! – нетерпеливо буркнул Агассис.

– Ладно. Только не взыщите, если я буду говорить нескладно. Мне трудно это сказать. Я еще не совсем в себе разобралась, ведь столько книг новых читаю.

– Книг? Каких еще книг?

– Ну разные, мне их мисс Дотти дала. Брошюры Соджорнер Трут и ее подруг. Памфлеты, в которых говорится, как женщин всегда угнетали, топтали и мучили. Как их сперва использовали и надругивались – нет, надругались – мужчины, которые их сперва соблазняли, а потом бросали. Как мы производим больше половины мировых богатств, но получаем гораздо меньше причитающейся нам доли. Как мы рожаем и растим детей, убираем дома, готовим еду, а потом за наши труды нас же и бьют, и мы плачем в синяках по ночам! Как мы должны отправлять своих сынов и мужей – сколь бы никчемными они ни были! – на проклятые глупые войны в чужих странах, войны, которые не мы начали! Как женщины сродни неграм всего мира!

Голос Джейн становился все громче и громче, и последний поразительный лозунг она почти выкрикнула.

Агассис был как громом поражен. Внезапно он понял, что нижняя челюсть у него вот-вот вывихнется – совсем как у удава удушающего (Boa constrictor), – и, щелкнув зубами, закрыл рот.

– Ну вот, я это сказала! – дрожа, но с вызовом воскликнула Джейн и уже спокойнее добавила: – Еще что-нибудь, сэр?

– Н-нет. Э… спасибо, что поделились со мной этими свежими взглядами, Джейн. Может, мы могли бы обсудить их подробнее сегодня ночью?… Нет? Я так и думал. Тогда обязательно подольше посидите сегодня за чаем, Джейн.

– Всенепременно!

Когда его восставшая горничная, хлопнув дверью, удалилась, Агассис отпустил вполголоса несколько проклятий. Гореть готтентотке в самом жарком круге ада!

Чтобы умерить свой гнев и утишить неудовлетворенные генетические инстинкты, Агассис достал из кармана и еще раз

перечел многократно сложенное письмо:

Возлюбленный Луи!

Трудно поверить, что вы действительно мой, что вы избрали меня, что когда-нибудь я стану вашей женой. Вы пишете, что томитесь, когда же я буду при вас постоянно, когда же украшу ваш дом моими «улыбающимися глазами». Как я об этом мечтаю! Нет для меня на земле дома, кроме подле вас.

Каждый вечер я молюсь, чтобы этот день наступил скорее!

Обожающая вас

Лиззи

К чему ему ласки посудомойки, когда ему безоглядно отдала свою любовь прекрасная и изящная молодая леди хорошего воспитания и с хорошими связями, к тому же в родстве с богатыми и влиятельными Перкинсами, Гардинерами и Кэботами?

Справившись с записной книжкой и отличными швейцарскими часами, которые подарили ему перед отъездом до слез растроганные горожане Нёфшателя, Агассис увидел, что на этот час назначена встреча с рисовым плантатором из Южной Каролины, неким Рори Когуном. Встретиться с плантатором его попросил Лоуэлл – Когун дружил со многими владельцами плантаций, поставлявших текстильному магнату сырье, – и хотя знакомство с южанином не представляло для Агассиса интереса, он счел за лучшее оказать услугу своему патрону.

Ему хватило времени лишь на несколько штрихов к наброску грандиозного Музея естественной истории, который он намеревался построить в Кембридже, как объявили о приходе Когуна.

– Здравствуйте-здравствуйте, скажу я вам, здравствуйте, профессор Ах-гас-из! Позвольте пожать вашу ученую руку, сэр!

Когун был облачен во все белое, включая широкополую панаму. Из угла рта торчала толстая сигара. На пальцах у него искрились бриллиантами десяток колец. Жемчужина в булавке для галстука была размером с яйцо перепелки (Colinus virginianus).

– Рад знакомству, сэр. Прежде мне не выпадала привилегия приветствовать представителя земельного дворянства Юга. Могу я предложить вам прохладительные напитки?

– У вас, у янки, делают «Серебряную», скажу я вам, «Серебряную подкову»? Если да, то несите, сынок. Несите, скажу я

вам!

Несколько озадаченный Агассис попытался выиграть время.

– Минутку, мистер Когун, я справлюсь.

Вызвав Джейн и понадеявшись, что Когун не заметит ее кислой мины и покрасневших глаз, Агассис повторил просьбу.

Джейн шмыгнула носом.

– Это тот напиток, где три части виски, две части бурбона, одна часть вермута, чуточку горькой настойки, малость простой воды? И выдавить туда сок лайма?

– Блестяще! Он самый. Какая разумница, скажу я вам, какая разумница!

– Э… да, согласен.

Джейн вскоре принесла напитки. Шумно сделав огромный глоток и объявив напиток «крепко блестящим», Когун перешел к цели своего визита.

– Я выращиваю рис, сынок. Пятьдесят рабов и сотня акров под водой. Вы, может, и не знаете, но рис ума требует побольше, чем хлопок. Нельзя разбрасывать, скажу я вам, нельзя просто разбрасывать семена, каждое растеньице надо сажать отдельно. Нужно знать, когда заливать, когда спускать воду. И сбор урожая – всегда большой риск. К тому же надо еще содержать в порядке каналы, воротца и шлюзы. В общем и целом чертовски мудреное дело.

«Серебряная подкова» вознесла мышление Агассиса к новым высотам.

– Могу себе представить.

– Так вот закавыка у меня в том, что среднему черномазому не хватит ума даже самому завязать себе шнурки на ботинках, не то что освоить искусство выращивать рис. Мне или моим надсмотрщикам приходится каждую минуту за ними надзирать. Стоит повернуться к ним спиной, они тут же что-нибудь испортят! А у вас я надеялся узнать, скажу я вам, надеялся узнать, нельзя ли как-нибудь вывести умного негра. Может, составите мне какой-нибудь план, как бы так их скрестить, чтобы от поколения к поколению их интеллект увеличивался? Понимаю, прицел у меня дальний, но для Юга это стало бы великим благом. И если, скажу я вам, если бы удалось привнести заодно и еще парочку качеств? Например, можно им сделать руки подлиннее или сократить, скажу я вам, сократить объем пропитания, который им требуется? Их чертова овсянка обходится в целое состояние!

Агассис всерьез задумался над любопытной просьбой.

– Пожалуй, тут следует учитывать неизбежные ограничения, заложенные в клеточной плазме негров, мистер Когун. Даже у самого умного африканца способность к мышлению ограничена,

и пытаться путем скрещивания добиться от чернокожих большего – все равно что стараться выжать воду из камня. Надеюсь, вы не думаете о том, чтобы добавить белую кровь низших рас…

Побагровев, Когун вскочил:

– На что вы намекаете, сэр? Уж не повторяете ли вы, скажу я вам, повторяете непристойные слухи о моей дорогой Лили-Бель? Если так, то к оружию! Дерринджеры под испанским мхом у реки на рассвете!

– Прошу вас, сэр, сядьте! Я не хотел вас оскорбить. Я говорил строго с теоретической точки зрения. Смешение рас мне так же отвратительно, как, по всей очевидности, и вам.

Смягчившись, Когун вернулся в кресло и снова сел. – Тогда ладно, скажу я вам, тогда ладно. Без обид. Мужская честь, сами понимаете…

Составив пальцы домиком, Агассис сказал:

– У вашей идеи далеко идущие последствия. Если бы мы действительно вывели новую породу негров, одновременно разумных и послушных, это имело бы огромное значение для страны в целом. Вы должны дать мне поразмыслить над этим проектом, после я напишу вам о результатах.

– Блеет… скажу я вам, блестяще! Выпьем за это!

Скрепив свое соглашение, Агассис и Когун провели еще несколько минут за приятной беседой.

– Мы с семьей едем на лето в Саратога-Спрингс. В Каролине становится так чертовски жарко, что просто кровь закипает. Погода – ни для человека, ни для зверя не подходящая. Я даже собак с собой увожу. Они сейчас в гостинице с Лили-Бель. Снял собакам собственный номер, честное слово. Но на плантации жизнь, разумеется, продолжается. Черномазые, скажу я вам, по пятнадцать часов в день на полях. Их, конечно, скажу я вам, конечно, солнце не беспокоит. Они все равно чернее не станут, га-га-га!

Агассис тоже рассмеялся. Налили еще.

– Наше с вами дельце напомнило мне об одном моем рабе. Был раньше известным свободным черным в Филадельфии, пока я не велел его выкрасть. Он-то, скажу я вам, корчил из себя адвоката или еще какую глупость. Бесило меня, скажу я вам, бесило меня это бесконечно. Ну а заковав его, я сказал, что он может купить себе свободу. Три года работал день и ночь, скажу я вам, три года! А едва он вернулся в город, я снова велел его перехватить. Еще три года, и я его отпустил – когда он отработал, конечно. Я уже уезжать собирался, как охотники за рабами приволокли мне его в третий раз. А в моем-то штате такое, разумеется, совершенно легально. Видели бы вы, как этот стервец

плакал!

К тому времени, когда Агассис выпроводил словоохотливого плантатора, было уже за полдень, и голова у него шла кругом. Вспомнив, что сегодня еще не заглядывал к своим помощникам, он нетвердым шагом направился в мастерскую.

У двери сидел за небольшим столиком Мориц.

– Ваши бумаги в порядке?

У Агассиса начала болеть голова.

– Бумаги? Какие бумаги?

– Допуск к секретным материалам, разрешения и поручительства. В трех экземплярах.

– Разумеется, у меня таких глупостей нет. В чем дело? Что происходит?

– Мы ввели новую систему, новый механизм управления ресурсами пролетариата. Короче говоря, мастерская подверглась коллективизации. Мы модифицировали идею фаланстера [101]…

– К черту коллективизацию! Это моя мастерская! – Агассис ударил кулаком в дверь. – Эй вы, открывайте! Немедленно бросьте этот вздор!

– Без толку кричать. Они бастуют.

– Бастуют?

После этих слов дверь приоткрылась, и в щелку выглянул Дезор.

– А, это вы, Агасс. Прошу вас, погуляйте немного, мы заняты. На будущее я предложил бы вам тут больше не самоуправствовать. Учитывая ваше непристойное поведение на наших глазах, вы не в том положении, чтобы что-либо требовать.

Дверь закрылась перед носом у Агассиса прежде, чем он сумел подыскать ответ.

– Я же говорил вам, им не понравится, что им мешают…

Агассис схватился за голову. В ушах у него звенело, и совсем не было сил подавить этот мятеж. Воздух… ему нужен свежий воздух. Когда он придет в себя, то всех выпорет…

Выйдя через заднюю дверь, Агассис посмотрел на корабль Цезаря. На мгновение ему показалось, что в глазах у него двоится. Потом он сообразил, что рядом с «Зи-Коэ» снова пришвартована «Персик-Долли», отсутствовавшая с тех пор, как он оскорбил ее капитана.

Спотыкаясь, Агассис поднялся по сходням «Зи-Коэ» и зашел в каюту. Там, сдвинув головы, о чем-то серьезно совещались Цезарь, Стормфилд и готтентотка.

Увидев Агассиса, Стормфилд с вызовом поднялся.

– Я все еще жду уместно смиренного извинения, которое вы мне задолжали, перфессор!

– Я просто…

– Сойдет! – прервал его Стормфилд. – Пусть никто не говорит, что старый Дэн'л Стормфилд не знал, когда закопать томагавк. А теперь давайте сюда свою тушу. У нас тут военный совет. Слушайте, я теперь знаю, где этот ваш Источник Творения и когда ваш колдун планирует там быть!

Алкогольные пары в мозгу Агассиса мигом развеялись.

– Где он? Говорите же!

– Ба, где же еще, если не в Марблхеде, черт побери?!

– В вашем порту приписки?

– Именно! Но я-то знаю, без объяснений вы все равно не поверите, поэтому давайте усаживайтесь и слушайте. Прежде чем белый человек пришел в эти земли, на том месте, где сейчас стоит Марблхед, было поселение краснокожих. Их чурались все прочие индейцы, наррагансетты и пекоты, поскольку означенное племя – мискатоники – считалось дьявольским и нечистым. Не без причины: прибрежные воды у поселения кишмя кишели всякими странными тварями, если уж на то пошло, что ни день нарождались новые, и местные индейцы слишком уж близко якшались с этими подозрительными существами, вот и заразились.

– Вы хотите сказать, – с надеждой спросил Агассис, – что они питались мясом этих тварей, нарушая какие-то диетарные табу?

– Нет, сэр, сказать я хочу то, что сказал! У них были плотские сношения с тварями. Во всяком случае, с теми, которые были для этого приспособлены.

Агассис поперхнулся и был вынужден освежиться глотком воды из скорлупы от страусиного яйца.

– Уж я-то знаю, такое трудно переварить, разве что ты сам, как я, вырос в тех краях. Но это чистая правда. Мискатоники блудили и давали с собой блудить всяким там рыбам, а после их женщины рожали на свет всевозможных полукровок, одни потом уходили жить в море, другие оставались на суше.

Так вот однажды, в 1629 году, Клема Долибера выгнали из Салема – это рукой подать от селения мискатоников. Клем был малый с норовом, обычаи ему не указ, а страха он и вовсе не знал. Выгнали его, правду сказать, за сношательство с племенной свиноматкой соседа и за то, что застрелил хозяина скотинки, когда тот, глубоко оскорбившись, вежливо попросил его перестать, а не то вкус у бекона испортится. Ну, больше податься Клему было некуда, и потому он отправился к мискатоникам.

Пришел он туда, а там пусто: ни людей тебе, ни скотины, ни полукровок, а чайники над кострами еще кипят, и одеяла на ощупь теплые. И никаких признаков ни разгрома, ни драки.

Нашел он только широкий след слизи, уводящий в море или из него ведущий. Клем поселился в пустом типпи, и так началась оккупация белыми земель вокруг Марблхеда.

В последующие годы туда много беженцев и головорезов всякого толка набежало. Марблхед стал свалкой для всех Тринадцати колоний. Там ведь было хуже, чем на Род-Айленде, а это о чем-то да говорит! У нас были изгои всех мастей, только назовите, со всего земного шара приезжали. Мои собственные предки, например, были с острова Мэн и поклонялись морскому богу Мананнану мак Лиру. Преследуемые самим архиепископом Кентерберийским, они бежали искать убежища в Новом Свете.

Стыдно признаться, но у этих белых мораль была поплоше, чем у индейцев. И они не устояли перед чешуйчатыми чарами морского народца и, как индейцы, стали продолжать смешивать с рыбными свои жизненные соки.

Агассис устало поднял руку.

– Ну уж хватит, капитан Стормфилд. Вы всерьез полагаете, что я поверю в эту басню? Кровосмешение людей и рыб абсолютно – научно! – невозможно.

– Невозможно, да? Тогда как вам это понравится? Оттянув рукав грязного свитера, капитан Стормфилд показал тыльную сторону мускулистой руки.

От запястья до локтя и, вероятно, выше она была покрыта шершавыми зелеными чешуйками. Когда он повернул ее, чтобы Агассису было лучше видно, чешуя в свете свечи блеснула.

– Я вам очки не втираю, Луи. Я сам по меньшей мере на одну восьмую рыба, в точности как все в Марблхеде. При таком раскладе трудно не называть какого-нибудь тунца «дядюшкой».

– Поферьте ему, Луи, – подал голос Цезарь. – Ф Рефолюцию ребят из Марблхеда не зря назыфали «Полком амфибий»! Как, по-фашему, они еше шмогли так легко перепрафить Фашингтона через залиф Делавар? Яволь, Дэнни рассказал мне, что они просто попрыгали в воду и потащили корабли, тошно ушеные шерепахи!

Агассис наконец обрел дар речи, но заговорил лишь с жалким подобием своей обычной самоуверенной властности:

– Опустите рукав, пожалуйста… Спасибо. Такому зрелищу нельзя подвергать ни одного человека науки. Так и быть, ваша взяла. Предположим, я соглашусь принять вашу невероятную басню как пролегомен [102]. Почему вы так уверены, что Т'гузери намеревается осуществить свой план в вашем нелепом городе?

– Да они сами мне сказали, потому-то я знаю. Понимаете, жители Марблхеда издавна делятся на два лагеря. Одни, в ком человеческого больше, живут бок о бок с рыбным народцем и ни

хорошего, ни дурного о нем не думают. Обычно они рыбных сторонятся, разве что зайдет на огонек обмотанный водорослями кузен. Они умеют держаться подальше от определенных рифов и косяков, почтительно кланяются определенным бухтам и скалам.

Но есть и другие, извращенные и порочные. Кровь у них жиже, холоднее, чем у остальных. Они как можно чаще водятся с самыми худшими среди рыбного народца. И вот эти действительно поклоняются тем же богам, что и рыбный народец: Дагону и Пахуануиапитааитераи. Эти негодяи пособляют рыбным в их дьявольских кознях. Одни из этих типов – рад сказать, что не самый худший, – мой кузен Говард Филлипс [103]. Сегодня утром он рассказал мне – в общих чертах, сами понимаете, – что Т'гузери и его приспешники запланировали на сегодняшний вечер. Поэтому я не стал терять времени, а сразу поспешил сюда с новостями.

Скрестив на груди чешуйчатые руки, капитан Стормфилд стал гордо ждать ответа Агассиса.

А тот оглядел напряженные лица. Они что, правда думают, будто он поверит в эту смехотворную байку? Сам барон Мюнхгаузен не выдумал бы такой нелепицы. Они что, дурачат его, чтобы в последний момент застать, так сказать, со спущенными штанами?

– Извините, это займет всего минуту, – сказал капитан Стормфилд, взял черпак и зачерпнул плошкой воды из ведра возле бортового иллюминатора. Оттянув высокий ворот свитера, он полил свои ясно видные жабры.

Глаза Агассиса сделались круглыми, как у ночного лемура (Nycticebus tardigrandus). И только несколько оправившись, он сказал:

– Береговая охрана предоставила в мое распоряжение большой вооруженный крейсер. Я затребую его на завтрашний вечер.

9
Моби Дагон

Во всем своем великолепии Агассис позвонил в дверь дома №10 по Темпл-плейс, роскошного особняка, известного как «Корт», обители целомудренной и очаровательной Лиззи Кэри. Он облачился, насколько смог, по-военному: красный сюртуки шаровары Burschenschaft [104], членом которого он был двадцать лет назад в Гедельберге. Чуть тесновато, подумал он, глядясь дома в псише [105]. Но в давнем студенческом мундире он все еще выглядел импозантно, а сегодня ему требовалось все мыслимое присутствие духа.

Был полдень того дня, когда ему предстояло схватиться с готтентотским колдуном в рыбацком городке Марблхед, и Агассис пришел попрощаться с дамой, которую любил и за которой ухаживал. Хотя он твердо был уверен, что вернется к ней целым и невредимым – в конце концов, что останется от примитивного суеверия, едва на него прольется ослепительный свет науки? – он не смог удержаться и не расписать красочно, как пожертвует собой ради восстановления справедливости.

Уже через несколько минут Агассис стоял на коленях подле возлюбленной, держа в своих руках ее маленькие ручки, а она лежала на оттоманке в гостиной. Длинные темные локоны подрагивали от обуревавших ее чувств, пока Агассис излагал (разумеется, тщательно отредактированную) версию того, что он узнал и что собирается предпринять.

– О, Луи, мне так страшно!

– Не бойтесь, моя дорогая. У меня достанет храбрости для нас обоих.

– Я не могу отпустить вас одного, Луи. Если с вами что-то случится, я, несомненно, умру от горя. Лучше мне погибнуть вместе с вами в челюстях какого-нибудь морского чудовища, чем жить без вас хотя бы минуту!

– Вы правда так думаете, дорогая?

– Да, Луи, думаю… всем сердцем. Агассис решился быстро.

– Тогда вы отправитесь со мной, дорогая Лиззи. Вы будете подле меня, как истинная подруга, укрытая могучим щитом моей любовной заботы. Сможете быстро переодеться в прочное платье, подходящее к данному случаю?

– Я надену туалет, в котором была, когда мы ловили бабочек, а папе скажу, что мы снова отправляемся в такую экспедицию. Меня не будет всего час или два.

Верная своему слову Лиззи была готова в условленный срок. Вскоре они уже вышли из повозки у штаб-квартиры Агассиса в Восточном Бостоне.

– Наш корабль прибудет с минуты на минуту, дорогая. Давайте подождем внутри.

В доме Агассиса царило безудержное веселье.

Подняв бокалы с шампанским, Догберри, Пуртале, Жирар, Буркхардт, Сонрель и Мориц и Эдвард Дезоры распевали хором «Черная Лулу». Вокруг, издавая нечленораздельные боевые кличи, шаркал в танце вождь Каймановая Черепаха.

– Что это значит? – загремел Агассис.

– Из типографии доставили нашу последнюю монографию, – объяснил Дезор.

Агассис схватил верхний экземпляр. На титульном листе значилось:

РАЗЫСКАНИЯ О ПИТАНИИ БАТИТЕРОИДНЫХ
ЭДВАРД ДЕЗОР И
ЕГО АССИСТЕНТ ЛУИ АГАССИС

Ярость северным сиянием застила Агассису глаза. Он уже приготовился обрушить всю мощь своего гнева на бесстыдного Дезора, но невозмутимый Дезор бросил многозначительный взгляд на Лиззи и сказал:

– Вам пуговицы недавно пришивали, Агасс?

Агассис сдулся, как проткнутый воздушный шар.

– Touche [106], Эдвард. Мы поговорим об этом позже. Сейчас мне нужно уехать.

– Не волнуйтесь, мы все едем с вами. Вы что, всерьез решили, будто я позволю вам присвоить всю славу себе? Э нет, ваши верные помощники вполне заслужили быть с вами в этот исторический момент, в анналах естественной философии наши имена запечатлелись вместе с вашим.

Тут, взмахнув луком и стрелами, вождь Каймановая Черепаха вдруг выказал способность к цивилизованной речи, объявив:

– Вождь Каймановая Черепаха желает бок о бок с Великим Белым Отцом Луи биться против Уишпоша [107]. Большого Бобра давно пора хорошенько вздуть.

Осознав бесполезность споров, Агассис только сказал:

– Что ж, посмотрим, прибыл ли наш корабль.

Вся экспедиция гордо прошествовала на лужайку, откуда открывался прекрасный вид на оживленную гавань.

Точь-в-точь драккар неукротимых викингов, которые плавали в Ньюпорт задолго до отплытия Колумба из Испании, в бухту входил разведывательный корабль береговой охраны «США Бибб»

[108].

Собственно говоря, «Бибб» был малым трехмачтовым клипером, построенным компанией «Кеннард и Уильямсон» в Балтиморе. При своих размерах – сто сорок три фута длиной, водоизмещение – четыреста девяносто четыре тонны, корма выступает над водой на одиннадцать футов, а нос – на семнадцать, – он по сравнению с мастодонтами, которые строили в то время в доках Маккея, показался бы карликом. Но сейчас клипер являл собой внушительное зрелище. Нет сомнений, он поселит ужас в сердцах Т'гузери и его сообщников из Марблхеда.

Одна его особенность уже сейчас внушила страх – или но крайней мере отвращение – Агассису: на носу корабля 1фасовалась полногрудая, весело раскрашенная русалка.

Бросив якорь на некотором расстоянии от берега, «Бибб» спустил на воду шлюп. Вскоре он уже причалил, и на берег сошел капитан «Бибба».

Этот мужественной наружности молодой человек решительно поднялся по склону. Агассиса с первой минуты приятно удивила его спокойная деловитость.

– Лейтенант Чарльз Генри Дэвис [109] прибыл в ваше распоряжение, сэр. Могу я заметить, профессор Агассис, что прочел все ваши труды и возможность сопровождать вас в этом походе считаю высочайшей для себя честью, пиком моей пока недолгой карьеры.

Эта похвала несколько возместила Агассису гнусное обращение, которое он был вынужден стерпеть от своего помощника. Он выпятил грудь.

– Будьте уверены, лейтенант, ваши услуги будут по достоинству отмечены в анналах вашего народа и вашей расы. Мы поплывем ради преумножения славы науки и культуры белой Америки.

В этот момент на палубе «Зи-Коэ» возникли две позорные личности: Якоб Цезарь и его черномазая готтентотка. Оба были только частично одеты.

– Эй, на «Биббе»! Мы быть пошти готовы! Айн момент!

На лице лейтенанта Дэвиса отразилось недоумение, и Агассис поспешил объяснить:

– Они… э… эксперты в тактике врага, с которым нам предстоит встретиться. Я решил взять их с собой…

Тут из каюты «Персика-Долли», которая со вчерашнего вечера стояла на якоре возле шхуны бура, высунулась готова капитана Стормфилда. Марблхедец расчесывал волосы чем-то, похожим на колюшку (Gasterosteus aculeatus) с тремя хвостами.

– Я за вами своим ходом пойду, капитан. Сдается, нам может

пригодиться запасной корабль – так, на всякий случай. Постараюсь вас не обгонять!

– Он знает местные воды… – дрогнувшим голосом сказал Агассис.

Понадобилось две ходки, чтобы перевезти на «Бибб» двенадцать членов разношерстной экспедиции. Но наконец все поднялись на борт. «Бибб» снялся с якоря, поднял паруса и вышел в сверкающие на солнце алмазным блеском воды Бостонского залива, «Персик-Долли» двинулась следом.

Лейтенант Дэвис провел Агассиса по своему кораблю, не забыв упомянуть о его вооружении.

– У нас на борту несколько пушек средней огневой мощи. Но, учитывая описанный вами характер искомого противника, я взял на себя смелость пригласить на борт умелого гарпунщика. Позвольте мне его представить.

Лейтенант Дэвис подвел Агассиса к угрюмому бородачу, который аккуратно сворачивал веревку, прикрепленную к тяжелому и опасному с виду инструменту своего ремесла.

– Профессор Агассис, это мистер Мелвилл, мой близкий друг. Мне удалось уговорить его оставить на денек-другой свою ферму в Питтсфилде, а ведь распашка еще не закончена. Мистер Мелвилл обошел все моря и океаны, плавал в том числе и на легендарном «Акушмете» [110]. У него зоркий глаз и твердая рука, которые, без сомнения, будут нам как нельзя кстати. К тому же мистер Мелвилл разделяет вашу склонность к писательству. Быть может, вы читали что-нибудь из его мемуаров? «Тайпи»? Или, может, «Ому»? [111]

– Едва ли. У меня нет времени на развлекательное чтение любого рода. Вашу руку, мистер Мелвилл!

Мелвилл протянул мозолистую лапу.

– Зовите меня Герман.

Обменявшись парой фраз о привычках различных китообразных, Агассис оставил моряка, по совместительству писателя, чтобы вернуться к своей экспедиции.

Своих товарищей из Европы он застал за игрой в кости с несколькими морскими волками. Пухленький Мориц как раз собирался бросать.

– От каждого по способностям, каждому по потребностям! Да выйдет семь!

Полуденный рацион грога уже выдали, и потому настроение было оживленным и праздничным. Бросив мрачный взгляд на Дезора, Агассис прошел мимо.

К немалому изумлению Агассиса, вождь Каймановая Черепаха нашел еще одного представителя своего народа, с

которым мог поболтать, – татуированного красного великана с узлом волос на затылке [112].

– … тогда Квиквег сказал: «Что ты хочешь сказать этим „мы“, белый человек?»

– Хо, хо, хо! Сам Кичи Маниту [113] не сказал бы лучше.

У правого борта стоял с блокнотом и карандашом в руке Джосая Догберри. Агассис заглянул через плечо странствующего художника: несколько зубчатых линий изображали многоликое и переменчивое море; чугунный маяк на Май-нотовом выступе был обозначен двумя подпирающими прямоугольный ящик палочками, чайки – «птичками», облака – волнистыми кругами.

Догберри повернулся к своему хозяину.

– Я решил, что летопись нашего исторического путешествия будет иметь огромную ценность для будущих поколений. Что скажете, Лу?

– Проработка деталей оставляет многое на воображение зрителя…

– С большим искусством всегда так бывает, Лу. Отыскать Якоба Цезаря было нетрудно: чтобы взять такой след, как запах тлеющей даки, не требуется нюх ищейки.

Бур сидел на мотке пенькового каната, от которого отрезал кусок для собственных нужд.

– Мы шнялись ш места так быштро, что я нашисто забыть про собственный запасец. Дака у них грубовата, но, как говорится, дареному коню…

Возле бура Агассис помедлил. Теперь, когда замаячил конец их вынужденного знакомства, Агассис постарался с ностальгией взглянуть на их приключения. За прошедший месяц он отвлекся от привычной ученой рутины, испытал много нового, ведь так? Верно, присутствие чернокожей подруги Цезаря временами было почти непереносимо. Верно, из-за этого человека он едва не утонул бесславно в патоке. Верно, из-за знакомства с ним его едва не бросили в пыточную яму к «железным девам» и «прокрустовым ложам». Но верно и то…

Агассис оставил попытки взглянуть на последние четыре недели с удовольствием. Это был единый нескончаемый кошмар, за избавление от которого он готов, пав на колени, славить Творца.

Тем не менее на этом этапе он мог себе позволить великодушие.

– Что ж, Якоб, с моей помощью ваши поиски подошли к концу. Кажется вполне вероятным, что вы отплывете самое позднее завтра вечером.

Вид у Цезаря стал задумчивый.

– Ja-ja, я бин бы рад фернуться на майне ферма. Эта суматошная шизнь в польшом городе не для штарого Якоба. По мне, так лучше савана и дикие сфери, шем каменные дшунгли и полицейские. – Цезарь вздохнул. – Яволь, абер Каффрарию я уфишу еще не скоро. Снашала нушно будет останофиться в Париже, чтобы фернуть в музей останки Саартье, и кто знает, какие еще города захочет посетить Дотти…

– Кстати о готтентотке, где она?

– Ах, она пойти поболтать по-шенски с вашей Лиззи. Агассис сорвался с места, как гепард (Acinomyx jubatus). Дотти и Лиззи стояли на носу корабля. На лицах у них сверкали капли морской воды, Лиззи казалась особенно бледной и опиралась на руку готтентотки.

– Убери свои мерзкие лапы от моей невесты!

– Ее просто немного укачало, профессор Агассис, – спокойно ответила Дотти. – И я думала, вы все еще женаты…

– Мое семейное положение тебя не касается, ты… ты дикая невежественная негритешка! – Агассис оторвал белую женщину от черной. – Вам нездоровится, моя дорогая?

– Нет, Луи… Ничего страшного… Мне просто нужно ненадолго прилечь.

– Давайте спросим у капитана Дэвиса, не найдется ли для вас каюты. – Агассис мрачно поглядел на готтентотку. – А что до тебя…

Дотти улыбнулась, открыв примитивный и отвратительный оскал:

– О, обо мне не беспокойтесь, профессор. Я прекрасно себя чувствую.

– Гм!

Под веселым июльским солнышком «США Бибб» беспечно плыл на север, его команда и пассажиры занимались каждый соответственно своими делами. Соленый воздух, бодрящий, как капустная кочерыжка, наполнял энергией сердца. С каждой проплываемой милей Агассис все более и более уверялся в неизбежности победы. Вот они уже миновали Олений остров, острова Уинтропа, Нейгента, Линна и Суэмпскотта. Подали обедать. Агассис смягчился настолько, чтобы попробовать покурить трубку Цезаря – сперва тщательно вытерев мундштук о рукав, – но объявил дым невкусным.

К вечеру они бросили якорь у Кошачьего острова, в виду Пичс-пойнт. Подковообразная, обращенная на север марблхедская бухта теперь лежала к югу от них. Жмущиеся к земле неряшливые домишки двухсотлетнего городка казались покрытыми лишайником руинами на спине похороненного великана.

Капитан Дэвис оглядел зловещий городок холодным и расчетливым взглядом и лишь после этого вынес свое суждение:

– Рано или поздно эти чернокнижники зайдут слишком далеко, и вашингтонским воротилам придется принять меры. Да я не удивлюсь, если однажды местные так заиграются, что их обстреляют с моря…

Тем временем капитан Стормфилд, став на якорь рядом, поднялся на «Бибб».

– Мы договорились, что на закате мой кузен Говард подойдет сюда на гребной лодке и расскажет о планах Таинственных. Так эти стервецы себя величают, и все только потому, что, живя в морских глубинах, будто бы обладают таинственным знанием.

Теперь команде и пассажирам оставалось только затаиться и ждать. Несколько бывалых моряков сгрудились вокруг капитана Стормфилда, чтобы обменяться правдивыми историями разных приключений. Скоро у ног капитана сидел уже практически весь личный состав «Бибба», зачарованный его историями, а сгущающиеся сумерки укрыли их, как черный плащ волшебника.

– Ей-ей, сколько ночей я сиживал у себя в домике со старушкой Долли, запрев двери и ставни, как все добрые люди Марблхеда, знаючи, что Таинственные собрались на праздник в честь своего дьявольского союза с морскими тварями. Сходились они на Вашингтон-сквер под кривыми да корявыми древними деревьями, ветки у которых висят что петли-удавки. Оттуда они шли маршем на Старый Погребальный холм, что над городом. Там они вызывали пару тройку отборных духов, скажем, Маргарет Скотт и Уилмотта Редда [114], которых повесили как подручных Сатаны. Потом снова сползали по извилистым улочкам и лаяли при этом и выли под свои барабаны, а кое-какие безногие горожане прыгали на вонючих плавниках или тащили за собой чешуйчатые хвосты по самой пыли! Все торопились на пристань, а там их уже поджидали их гадкие собратья с вонючего дна морского. А потом… ну, вам и знать не надо, что они делали потом. Достаточно сказать, что если их дела в книге описывать, там были бы сплошь отточия…

Капитан Стормфилд откинулся к планширу и со зловещим многозначительным видом сунул в рот незажженную трубку. С мгновение царило изумленное молчание. Потом один матрос пискляво спросил:

– А что такое отточие?

Но не успел капитан Стормфилд просветить своих слушателей, как смотровой в «вороньем гнезде» на мачте выкрикнул:

– Шлюпка идет! Капитан Стормфилд встал.

– Ну, мне лучше вернуться к себе на корабль. Говард чужих чурается и к этому клиперу ни за что не пристанет.

– Постойте, капитан, – сказал Агассис. – Неужели вы собираетесь встречаться с этим заговорщиком один на один? Что, если он затеял двойную игру?

– Ну, пожалуй, я могу взять с собой одного храбреца.

Тут все взоры – в том числе и Лиззи – обратились на Агассиса. Почувствовав, что его избрали и назад пути нет, он не без трепета сказал:

– Так и быть, поплыли.

Пытаясь в сгустившихся сумерках перебраться со шлюпки на «Персик-Долли», Агассис обнаружил, что это требует немалой ловкости. Вскарабкавшись на борт, он едва не совершил незапланированный кувырок назад в море, поскольку наступил на колюшку, которую капитан Стормфилд использовал утром вместо гребня. Капитан Стормфилд выбрал якорь, и они поплыли навстречу своему шпиону в Марблхеде.

Когда суда сблизились, Агассис смог различить в лодке две неясные фигуры: один человек греб, другой стоял неподвижно.

– Это Говард стоит, – сказал капитан Стормфилд. – У него, верно, опять артрит разыгрался, и потому он загнал на весла кого-то помоложе.

Скрип уключин становился все громче. Вскоре лодка поравнялась с «Персик-Долли». Агассис поспешил к борту, чтобы помочь марблхедцам подняться.

Наклонившись, он тут же заметил две важные детали, которые до того были скрыты тьмой.

Тело того, кто при жизни звался Говардом Филлипсом, было привязано к трехногому табурету из сваек.

А на веслах сидел Ганс Бопп.

Агассис попятился, колени у него подгибались. Мгновение спустя Бопп вскарабкался на борт.

На губах мастера немецкого шпионажа блуждала хищная улыбка. Его единственный дьявольский глаз точно линза будто фокусировал и отражал свет проступающих на небе звезд.

– Итак, герр профессор, вы решили изменить нашему джентльменскому соглашению? Боюсь, вас теперь ждет тот же конец, что и этого перебежчика на свайках, из которого я вышиб все, что мне нужно было знать. Но не тревожьтесь: ваша смерть ознаменует истечение подписанного вами контракта. Мы не станем требовать его выполнения от ваших потомков.

Внезапно в руке Боппа сверкнула рапира. Агассис беспомощно глядел, как ее острие выписывает смертельные круги у него перед носом!

– Ловите, Луи!

Что-то просвистело в ночном воздухе. Инстинктивно Агассис его схватил.

Он держал – за сужающийся хвост – легендарную швею, засушенную меч-рыбу, которая не так давно висела на стене в каюте Стормфилда.

Старый студенческий сюртук и тяжесть меч-рыбы в руке вернули Агассиса на двадцать лет вспять, в ту пору, когда он был лучшим фехтовальщиком Гедельберга. Разве однажды он за один только час не одолел четырех немецких студентов? Уж наверное, былой сноровки он не потерял…

– En garde! [115] – вскричал Агассис и ринулся вперед. Бопп умело и с легкостью парировал его выпад.

– Прекрасно, – сказал он. – Это даст мне возможность размяться. А вы умрете, как пристало отступнику из расы господ, а не как полукровка.

И взялся за дело всерьез. Агассису требовались все его умение и сосредоточенность, лишь бы сохранять хоть какую-то защиту, не говоря уже о том, чтобы перейти в наступление. Через несколько минут он уже пыхтел и отдувался, тогда как Бопп дышал спокойно и ровно. Гунн даже начал насвистывать. Будь прокляты Джейн и ее жирная стряпня!

Наконец Агассис понял, что Бопп просто с ним играет, и попытался мысленно приготовиться к смерти. Но даже сейчас он не мог заставить себя поверить, что мир вскоре лишится своего швейцарского гения…

Задыхаясь, Агассис опустил ставшую вдруг свинцовую руку. Увидев, что Бопп готовится броситься на него, он непроизвольно сделал шаг назад.

Но наступил на колюшку и начал падать навзничь. В попытке сохранить равновесие он выбросил руки вверх.

Застигнутый врасплох Бопп постарался изменить направление удара.

И так судил насчастливый случай, что полковник напоролся на меч-рыбу. И вместе с Агассисом упал на палубу.

Мгновение они лежали в тесном смертельном объятии. Потом Агассис выполз из-под мертвого пруссака.

Из спины Боппа торчал окровавленный «меч» меч-рыбы. Агассис недоверчиво отметил, что в нем имеется ушко, точь-в-точь как рассказывал капитан Стормфилд.

Прикончен фантастичной швейной машиной… и поделом надменному негодяю!

– Славно держались, Луи! Я рад, что вы отомстили за смерть моего кузена. Но, подозреваю, тут мы больше ничего узнать не

можем, поэтому нам лучше вернуться на «Бибб», не то останемся в стороне.

Стормфилд спустил на воду шлюпку. Вскоре они присоединились к остальным на борту «Бибба».

Агассис тут же принялся рассказывать о захватывающем поединке, но его прервал капитан Дэвис:

– Из гавани вышел еще один корабль. Мы полагаем, это корабль Таинственных.

– Мы пойдем на перехват?

Капитан Дэвис начал было отвечать, но и его в свой черед прервал крик Дотти, которая наблюдала за волнами по левому борту.

– Что-то поднимается!

– К оружию, мистер Мелвилл! Канониры, цельсь! Все разом бросились на левый борт, отчего «Бибб» слегка накренился. Общая сутолока утянула за собой Агассиса.

В нескольких футах от «Бибба» вода пузырилась и пенилась. Вот из бурлящей воды показалось нечто высокое и тонкое. Шееподобный отросток крепился к поднимающемуся телу. В свете факелов в руках команды становилось видно выходящее на поверхность туловище.

Агассис распознал его первым.

– Да это же подводный аппарат наподобие «Наутилуса» Роберта Фултона [116]!

Так оно и было. Вскоре, обретя равновесие, подводная лодка закачалась на волнах.

В верхней части резко откинулся люк, и наружу высунулся мужчина, который тут же начал хватать ртом воздух.

Агассис был поражен.

– Да это же наш анархист! Костюшко! Незадачливому подводнику бросили канат, и, с благодарностью поймав конец, он вскарабкался на борт «Бибба».

Оказавшись на палубе, Костюшко выказал свое обычное безумное sang-froid [117], заявив:

– Никогда не доверяйте международным торговцам оружием, друзья мои. Они обещали мне воздуха на шесть часов, но там оказалось только на пять и три четверти.

Агассис надвинулся на анархиста.

– Мы находимся в смертельно опасном положении, сэр. Можем мы рассчитывать на то, что вы сумеете вести себя цивилизованно? Или нам придется заковать вас в кандалы?

– О нет, пока я на борту вашего судна, я буду подчиняться вашим буржуазным законам. Даю вам слово поляка-ирландца.

– А я позабочусь, чтобы вы его сдержали. Так и быть.

Капитан, рекомендую вам захватить этот марблхедский корабль прежде, чем они совершат свои гнусное дело.

– Как пожелаете, сэр. Первый помощник, поднять паруса.

Несколько мгновений спустя опытная команда «Бибба» направила клипер к кораблю Таинственных. («Персик-Долли», без капитана и команды, с одним только неоплаканным трупом Ганса Боппа на борту, осталась возле Кошачьего острова.)

«Бибб» подходил все ближе и ближе к марблхедцам, которые стойко плыли вперед, словно уверенные в превосходстве своей посудины над гораздо более крупным судном.

Когда между кораблями осталось несколько сотен ярдов, тишину над океаном снова разорвал шум – это был зловещий бой варварского барабана.

– Это Т'гузери! Он призывает духов вуду!

– Воды? – переспросил Агассис.

– Нет, вуду!

Барабан умолк. Два корабля разделяли каких-то несколько десятков футов. Было видно, как на борту марблхедского судна ползают по вантам и пробираются по палубе шаркающие существа. Внезапно у планшира возник готтентотский колдун, по обе стороны от него встали приземистые фигуры с пылающими факелами в руках.

Т'гузери был приблизительно трех футов ростом. Гениталии ему прикрывал мешочек из шакальей кожи, а спину – шкура льва с прикрепленным к ней черепом; львиный череп без челюсти покоился на голове шамана, передние лапы были связаны узлом на шее, а задняя часть волочилась на добрых два фута по палубе.

Обеими руками он держал над головой стеклянную бутыль.

Увидев наконец фетиш, Агассис потерял терпение. Неужели у этого дикаря не хватает благовоспитанности признать свое поражение?

– Положи реликт и сдавайся! – крикнул Агассис.

Т'гузери, казалось, готов подчиниться. Он действительно поставил бутыль на палубу. Когда он выпрямился, в руках у него оказалась длинная палка.

– Ах, майн готт! – завопил Цезарь. – Фсем пригнуться!

Агассис повернулся к нему всем телом.

– Пригнуться? Чего нам бояться палки…

В это мгновение Агассис почувствовал укол в зад. Он оглянулся.

В одной его ягодице засел маленький оперенный дротик.

Не успел он понять, что случилось, как его повалили ничком на палубу. Без церемоний и просьб с его стороны панталоны с него стащили до колен, а с ними и исподнее. Кто-то уселся ему на

ноги. Дважды в его ягодицу вонзился нож. Весь процесс занял не более секунды.

– Ох!

– Не егозите! Другого выхода нет!

К своему невероятному ужасу Агассис почувствовал, как к его ягодице прижимаются теплые губы. Потом кто-то что-то высасывал, то и дело сплевывая. Наконец ему позволили встать.

Дотти полоскала себе рот водой. Ее маленький окрашенный кровью Агассиса нож лежал на палубе.

Агассис едва не лишился чувств. А когда увидел, как смотрит на него во все глаза Лиззи, его унижение стало полным.

– Этот дротик был вымочен в яде рогатой змеи, Луи. Не подоспей Дотти, вы были бы уже мертвы!

Силясь сохранить тень достоинства, Агассис нагнулся, чтобы натянуть панталоны. Стараясь застегнуть их, он обнаружил, что все пуговицы отлетели. Сколько Джейн придется их пришивать… Кто-то протянул ему кусок веревки, которым он неумело подпоясался. Цезарю он сказал:

– Я почти жалею, что этого не случилось.

И все это время «Бибб» продолжал надвигаться на корабль колдуна. Очевидно, поняв, что ему не удастся единолично остановить «Бибб», Т'гузери бросил трубку для выдувания дротиков и схватил фетиш. Теперь он начал распевать гортанные слова таинственного назначения – судя по всему, воззвание к невидимым божествам.

– Нужно остановить его, пока он не закончил! Капитан Дэвис обратился к своей команде:

– Готовьте кошки, взводите курки, ребята. Идем на абордаж!

Через несколько секунд клипер сцепился с другим кораблем. Атакующие бросились на его палубу.

Марблхедцы сгрудились вокруг колдуна, жертвуя собой, лишь бы он мог закончить заклятие. Несмотря на превосходство в вооружении, команда «Бибба» нашла в марблхедцах достойного противника. Схватка была отчаянной и кровавой.

Наконец, перебив почти всех Таинственных, нападающие приблизились к колдуну.

Но Т'гузери, выкрикнув последнее надрывающее горло слово, исхирился бросить фетиш за борт прежде, чем его захватили матросы.

За небольшим всплеском последовал другой, более громкий звук. С палубы «Бибба» Агассис увидел, как из-под воды, прижимая к себе локтем фетиш, вынырнула Дотти. Загребая одной рукой, она подплыла к марблхедскому судну, где ей помогли подняться на борт.

Агассис, которому не терпелось поближе рассмотреть фетиш, перебрался на марблхедский корабль, за ним последовали Цезарь, Стормфилд и остальные.

С одежды Дотти струями лилась вода, но готтентотка гордо держала останки своей матери.

Есть семейство морских существ, известных как голожаберные моллюски: отряд Nudibranchia, класс Gastropoda, подкласс Opisthobranchia. Лишенные конечностей желеобразные существа усеяны множеством ороговевших наростов-ресничек. Эти моллюски различного окраса, с замысловатыми складками и завитками, рыщут по морям холодным и теплым, извиваясь бескостными телами с подвижностью, чуждой Божьим тварям.

Плавающая в настойке из даки деталь анатомии Саартье Баартман, эта «вуаль стыда» с ошметками плоти, к которой она некогда крепилась, более всего напоминала вышеупомянутых моллюсков, а именно гривастого голожаберника (Aeolidia papillosa).

Агассис хотел подойти поближе, чтобы осмотреть реликт, который стоил ему стольких бед и трудов.

– Ни с места!

Все взгляды обратились на Костюшко. В вытянутой руке анархист держал круглую бомбу, с которой свисал длинный тлеющий запальный шнур.

– С вашего позволения я заберу фетиш.

– Но вы обещали! – вскричал в ярости Агассис.

– Только пока буду на вашем судне. А теперь я на другом, которое реквизирую именем освободительных движений во всем мире. Возвращайтесь на свой корабль. И не пытайтесь следовать за мной, а не то я уничтожу фетиш! Теперь я разожгу мировой пожар в Европе, созревшей для революции, какой еще не видывал мир!

Бахвальство анархиста прервал вдруг голос капитана Стормфилда:

– Ах ты лживый прохвост! Постыдился бы! Куда тебе до твоего папы!

Вид у Костюшко стал изумленный.

– Вы знали моего отца?

– Ей-ей, а то мы не сражались с ним бок о бок в Саратоге?!

– Сколько вам лет?

– Сто двадцать восемь, и я еще могу поколотить такого мальчонку, как ты!

Костюшко опустил бомбу с трещащим фитилем. В глазах у него стояли слезы.

– Я за всю жизнь папу всего два-три раза и видел. Он всегда

где-то сражался. Мы с мамой очень без него скучали. Встретить того, кто правда его знал…

Стормфилд незаметно подобрался к плачущему анархисту и обнял его за плечи:

– Ну же, ну же, дружок…

– Ради бога, – крикнул Агассис, – погасите кто-нибудь бомбу!

Но не успел никто откликнуться на его слова, как раздался новый шум.

За кормой марблхедского судна вода забурлила и вздыбилась.

– Неужели еще один подводный корабль! – застонал Агассис.

Каково бы ни было божество, которое стремился призвать Т'гузери, сейчас оно сочло уместным исполнить желание Агассиса. Причиной возмущения вод была не подводная машина. Во всяком случае, не сотворенная людьми.

Из воды поднялась голова размером с паровоз. Была она с покатым лбом и обтянута лоснящейся крапчатой кожей. Глаза размером с колеса телеги. Из открытых челюстей свисали водоросли.

За головой возникла шея – толстая, как коринфская колона Центральной Конгрегационалистской церкви на Уинтер-стрит. Шея вознесла голову высоко в ночное небо, пока она не закачалась там, точно птица на верхушке соборного шпиля.

За шеей последовало покрытое ракушечником тело вдвое длиннее «США Бибба».

Немногие уцелевшие Таинственные – включая Т'гузери, который извивался в лапах крепкого матроса, – принялись распевать имя страшного существа:

– Дагон! Дагон! Дагон!

В 1796 году, еще до рождения Агассиса, его ментора Жоржа Кювье попросили спуститься в гипсовый рудник на Монмартре. Рабочие раскопали там кости такого размера, что они могли принадлежать лишь существу, ростом много больше любого ныне живущего слона. Осмотрев находку, Кювье объявил, что это кости ископаемого животного, погибшего в результате природной катастрофы. В следующие пять лет его призывали обследовать много других окаменелостей, включая гигантские маастрихтские челюсти, привезенные из Германии армией революционной Франции.

В бытность свою учеником Кювье Агассис и сам видел немало таких пыльных костей.

И потому хладнокровный швейцарский натуралист первым узнал нависшее над ними существо, хотя его скелет и был одет мясистой плотью и чешуйчатой кожей.

– Это не сверхъестественное чудовище, друзья! Это всего лишь вымерший морской ящер, ихтиозавр!

– Я бы шказатъ, он не слишком-то фымер, – слабо пробормотал Цезарь.

Капитан Дэвис присоединил свой голос к Агассису:

– Стреляйте по нему изо всего, что у вас есть, ребята! С «Бибба» загремели пушки. Взлетел в ночь бьющий без промаха гарпун Мелвилла. Град стрел посыпался из лука вождя Каймановая Черепаха. Эхом отдавались выстрелы из десятков пистолетов. И наконец бомба Костюшко, описав высокую дугу, бессильно взорвалась у шеи чудовища.

Эта атака подействовала на ихтиозавра не более чем град горошин. Он только водил взад-вперед головой на огромной шее, что-то выискивая.

Тут из толпы выступил Мориц.

– Вам, империалистам, ничего, кроме силы, не ведомо. Дайте мне попробовать с ним договориться! Эгей, создание! Я представляю пролетариат…

Привлеченный, по всей видимости, скулежем социалиста ихтиозавр опустил голову, чтобы присмотреться к нему поближе.

– Видите…

В мгновение ока чудовище проглотило Морица Дезора.

Остальные застыли. В пораженном молчании они ждали, что вот-вот ихтиозавр пожрет всех, разобьет хвостом их корабль или и то, и другое разом.

Из задних рядов к морскому ящеру протолкалась Дотти. В поднятой руке она держала фетиш.

– Уходи, уходи, Дагон! Чтутлу приказывает тебе! Назад, в твои бездонные глубины! Усни на грядущие зоны!

Чудовище отпрянуло, точно напуганный щенок. Потом нырнуло, подняв такую волну, что она закачала и едва не потопила оба корабля. Люди повалились на палубу, как кегли.

Корабли перестали качаться, и все медленно поднялись на ноги. Прошло несколько мгновений, прежде чем до них дошло, что небо их пощадило. Но когда они это поняли, то огласили палубу звонкими криками радости.

– Гип-гип-ура готтентотке! Трижды ура Дотти! Ура-ура-ура!

Бывалые матросы плакали. Догберри обнимал вождя Каймановая Черепаха. Пуртале, Буркхардт, Жирар и Сон-рель, взявшись за руки, задирали колени на манер танцорок из мюзик-холла. Костюшко и Стормфилд отплясывали джигу. Цезарь обнял скромно улыбающуюся Дотти, которая прижимала к груди чудом оставшийся невредимым фетиш.

Тут появилась Лиззи и бросилась в объятия Агассиса.

– О, Луи! Вы были великолепны!

И она принялась целовать его снова и снова. Подошел Эдвард Дезор. Он один остался безучастен ко всеобщей радости. Агассису он деревянно сказал:

– Вы, и только вы, в ответе за смерть моего кузена. Вы поплатитесь за это, Агасс. Да, вы поплатитесь.

Поддернув спадающие панталоны, Агассис приготовился срезать наглеца холодной отповедью. И остановился. Просто не нашел в себе сил беспокоиться из-за угрозы Дезора. Конечно, этот человек может причинить ему неприятности. Но что они в сравнении с тяжким испытанием, которому он подвергся. Он обнимает свою будущую жену, он обрел знание о Космогоническом Локусе, теперь его будущее – и будущее креационизма – представлялось в самом радужном свете.

Но Агассис не мог предвидеть, что уже тогда человек по имени Чарльз Дарвин работал над книгой под названием «О происхождении видов», книгой, которая навечно свяжет человека с животным, впряжет в одну упряжку белых и черных и заменит возлюбленный креационизм Агассиса отвратительной идеей, называемой «эволюция», а самого Агассиса превратит к преклонным его годам в раздражительную, устарелую и всеми осмеянную окаменелость.

Если уж на то пошло, Агассис не смог даже предсказать события собственной брачной ночи, 25 апреля 1850 года, когда его застенчивая вторая жена повернулась к нему и сказала:

– У меня, Луи… у меня есть небольшое отклонение по женской части, о котором вас следует знать.

– Вздор, дорогая Лиззи. Вы само совершенство.

– Нет, дорогой, я немного отличаюсь от большинства женщин. У меня есть один врожденный недостаток. Как он называется, я узнала всего несколько лет назад. И мне так стыдно назвать его расхожим словом. Быть может, если бы я прошептала по-латыни…

– Скорей, дорогая. А потом мы отправимся в постель.

– Он… он называется sinus pudoris.

Детей у них никогда не было.

Уолт и Эмили

Walt end Emily Перевод. И. Гурова, 2005.

1
«Утро несет оправданный риск… для любовника»

Утром 1 мая 1860 года мисс Эмили Дикинсон, Красавица Амхерста по ее собственному наименованию, проснулась, ощущая себя непостижимо встревоженной и настолько удрученной ночными фантомами, несказанностью оставленного ими осадка непонятных предчувствий, что, тихо покинув широкую кровать под пологом, чтобы не разбудить Карло, который все еще по-собачьи похрапывал в ногах кровати, она в белой ночной рубашке босиком прошлепала по камышовой циновке своей оклеенной цветастыми обоями спальни к своему столику вишневого дерева (со сторонами всего в восемнадцать дюймов, но легко вмещающего Всю Вселенную), за которым она ежедневно боролась со своими ранимыми и экстатическими стихами, и, даже не помедлив, чтобы сесть, написала следующие строки:

Смерть! Приходит смерть в ночи!
Света кто пошлет лучи,
Чтобы видеть я могла,
Путь свой в вечные снега?

по завершении чего, испытывая некоторое облегчение, но и легкий паралич души, Эмили подошла к единственному окну в западной стене ее угловой комнаты на верхнем этаже «Усадьбы» (два южных выходили на Главную улицу) и распахнула ставни открытого окна, чтобы подкрепиться взглядом на свой изукрашенный пчелами сад и на соседний дом, носящий название «Лавры», где проживал ее любимый брат Остин с женой Сью, но вместо этого перед ней предстало немыслимое зрелище – которое тут же и навеки запечатлелось на ее ретинах, подобно последним земным предметам, увиденным умирающим, – дюжий волосатый бородатый варвар, совершенно и бесстыдно голый, если не считать черной с широкими обвислыми полями шляпы, мылся на ее сверкающем алмазами ухоженном газоне.

В сердце Эмили забушевала орда чувств, усмирить которые не могла никакая Внутренняя Полиция.

Непрошеный гость словно бы не заметил движения в верхнем этаже «Усадьбы», которую он так нагло осквернял. Он словно бы весь сосредоточился – почти молитвенно – на намыливании своей

мускулистой внушительной фигуры с помощью куска мыла, тряпки и содержимого дождевой бочки, стоявшей прямо под окном Эмили. Возле кучкой лежала его простецкая одежда, шляпа странника нелепо венчала его ниспадающие, подернутые сединой волосы, и он продолжал свое омовение с непринужденностью, будто был в полном одиночестве посреди какой-нибудь канзасской прерии.

Впиваясь мужскими пальцами ног в почву, он намылил свои ляжки, он намылил свои бедра… он намылил свои детородные части! Эмили побледнела при виде этой до сих пор скрытой мужской принадлежности, и непонятный трепет пробежал по всем ее нервам. Напомнив себе о своем Белом Выборе, она с довольно большим усилием подняла глаза выше нижней генеративной области.

Гигант принялся тереть свои по-мужски могучие грудь и руки, эти последние неопровержимо являли отлично развитые мышцы поденщика. Эмили подумала, что, возможно, какой-нибудь новый работник, нанятый ее отцом до его отбытия, забрел в сторону от предназначенного для них сарая, а теперь вздумал мыться у всех на виду, как деревенский простак.

Весь намыленный гигант прервал свое занятие. Он простер пенные руки к новорожденному солнцу, будто приветствуя брата. Затем, сокрушив утреннюю тишь (и остатки самообладания Эмили!), он оглушительно возгласил:

– Славны каждый мой орган, моя принадлежность, как любого, кто честен и чист! Нет в них скверны ни дюйма, ни дюйма частицы, и привычны равно должны они быть!

Этого нежданного необузданного возгласа Эмили не снесла. В полуобмороке она поникла на подоконнике, и внезапное благоухание нескольких преждевременно распустившихся гроздей сирени овеяло ее, наполнило сладостью ноздри.

Тут она столкнула вниз стоявшую на самом краю корзинку. Привязанная на длинной веревке корзинка служила средством для угощения сластями соседских детей в те дни, когда она не чувствовала в себе сил покинуть свою комнату.

Эмили следила за падением корзинки. Казалось, она кувыркается вниз с неестественной медленностью, будто ей, чтобы падать в пронизанном светом весеннем воздухе, требовалась Грозная Приглушенная Вечность.

Однако корзинка все же достигла конца своей привязи, несколько раз подпрыгнула с угасающей энергией, и Время возобновило свой обычный ход.

Внимание сумасшедшего наконец-то было привлечено. Он повернулся и из-под скалистых бровей устремил вверх на Эмили

взгляд глубоких серых глаз. Снял шляпу, отвесил поклон и разразился странно метрической речью:

– Двадцать восемь парней купаются возле берега, двадцать восемь парней и все такие зовущие; двадцать восемь лет женской жизни и все такие одинокие. У нее прекрасный дом на берегу, она прячется, красивая, пышно одетая, за ставнями окна. Какой из парней особо ей нравится? Даже самый невзрачный из них прекрасен в ее глазах!

Негодование пришло на смену смущению. Эмили выпрямилась и совладала с голосом:

– Если вы, сэр, предаетесь какой-то странной поэзии, поверьте, она произведет больше впечатления в устах одетого барда! И позвольте вам сказать, что мой возраст ближе к тридцати, чем к двадцати восьми!

И Эмили захлопнула ставни между собой и голым мужчиной.

Дрожа от ярости и бессилия, Эмили бросилась вниз по лестнице, ее волосы все еще сохраняли беспорядок сна.

В кухне она увидела, что ее младшая сестра Лавинья щурится сквозь канифасовую занавеску на моющегося мужлана, который теперь усердно ополаскивался, окатывая себя ведрами дождевой воды из бочки.

– Винни!

Сестра Эмили подпрыгнула.

– Эмили! Так ты его видела?

– Конечно, видела. Как я могла бы пропустить подобное зрелище? Мое зрение слабо, не отрицаю, но не настолько. Могу только надеяться, что мама не стала свидетельницей этого наглого вторжения. Ты знаешь, ее здоровье оставляет желать лучшего, и даже вообразить не могу, как бы это на нее подействовало. Винни, что нам делать? Если бы здесь был папа! Кто-то из нас должен сбегать за шерифом, Винни, и боюсь, Винни, сделать это придется тебе.

Лавинья недоуменно посмотрела на сестру:

– Сбегать за шерифом? Но для чего? Эмили с таким же недоумением ответила:

– Но это же яснее пятен на лепестках тигровых лилий! Чтобы арестовать этого голого бродягу, а то для чего же!

– А-а. Так ты не знаешь!

– Не знаю чего?

– Этот джентльмен и его спутники – гости нашего брата. Наверное, наш Геркулес забрел сюда из «Лавров», хотя, право, не могу сказать, зачем ему понадобилось устраивать такое представление.

Снаружи под плеск воды зазвучала зычная декламация

моющегося:

– Я праздную себя, себя пою! И что я принимаю, примешь ты. Ведь каждый мне принадлежащий атом, он и тебе принадлежит!

Эмили покачала головой.

– Фу, что за виршеплетство! – И вновь обратившись к сестре, она задала еще один вопрос: – Даже признав за ним статус гостя Остина, почему мы должны делать для него исключение, когда дело касается основы основ вежливости?

Глаза Лавиньи открылись еще шире:

– Ты правда не поняла, кто он?

– А каким образом? Никаких блях и эмблем на нем нет, как и carte de visite [118].

– Ах, Эмили, будь же серьезной! Даже такая домашняя мышка вроде тебя не могла не слышать про скандального Уолта Уитмена и его «Листья травы». Ведь первое издание было настолько шокирующим, что мистер Уиттиер [119] вынужден был сжечь книгу! И по слухам, бостонская фирма «Тейер и Элдридж» готовит к выпуску новое издание в этом году! Вот одна причина, по которой этот «Сын Маннахаты» [120], как он себя именует, посетил нашу Новую Англию.

Но есть и другая, более тайная причина – во всяком случае, так намекает Остин.

У Эмили подогнулись колени, и она рухнула в деревянное кресло со спинкой из перекладинок, не слыша дальнейших объяснений Винни. Она была способна только на одну мысль:

Наконец ОН пришел.

2
«Смерть – гибкий поклонник»

В корзинку с колесиками Эмили укладывала своих милых мертвых деток, рядок за рядком.

Наперстянки, царские кудри, анютины глазки, водосборы, ранние розы. Все ее любимицы падали жертвами ее беспощадных ножниц, плача нектарными слезами.

Я не решилась бы обезглавить вас, мои милые, сомневайся я в вашем непременном Воскрешении. Но, как детки резвятся, пробуждаясь и радуясь Утру, так из сотни колыбелек выглянут мои цветы и затанцуют снова.

Когда ее корзинка наполнилась настолько, что лежащее на дне было надежно укрыто, Эмили нервно повернулась к дому своего брата.

«Лавры» были построены четыре года назад, щедрый подарок к свадьбе, сделанный отцом Эмили своему единственному сыну (с целью, часто думала Эмили, поразить городок Амхерст статусом Эдварда Дикинсона, а не просто обеспечить новобрачных собственным кровом). Внушительный белый дом в итальянском стиле с квадратной угловой башенкой находился от нее в каких-нибудь ста ярдах, отгороженный от фамильного дикинсоновского «Имения» рощицей из берез, дубов и сосен и связанный с ним утоптанной дорожкой, «широкой как раз настолько, чтобы двое любящих могли идти рядом», – как описала ее Эмили своей хорошей подруге Сью Гилберт, когда указанная подруга обрела священный статус миссис Остин Дикинсон.

Однако в этот момент – как во многих, неисчислимо многих других, – если исходить из способности Эмили дойти до этого дома, он с тем же успехом мог находиться по ту сторону земного шара среди безлюдных просторов, изображенных на гравюре «Арктическая ночь» в гостиной «Имения».

Она не знала, какой изъян или недуг неумолимо удерживал ее в пределах «Имения», порой даже не позволяя ей покинуть четыре стены ее кельи, ее спальни. Лик этого жестокого Владыки всегда таился в непроницаемой тени, как ни напрягала она взгляд, лишь бы его увидеть; но вот Его Рука неизменно оставалась более чем реальной, сжимая ее сердце страхом и отвращением к себе, стоило ей попытаться пойти наперекор этим пульсирующим настояниям.

Так было не всегда. Ведь всего лишь пять лет назад она даже съездила в Вашингтон и Филадельфию, упиваясь свободой

путешествия. (Особенно стимулирующими были встреча со старинным другом их семьи преподобным Чарльзом Уэствортом и их беседы о литературе и искусстве, которые теперь продолжались по переписке.)

Но по мере того как Эмили становилась старше, ее отец, подчинявший себе в доме все и вся, становился менее уступчивым, более требовательным и суровым. (Приступ религиозности десятилетней давности, когда он принудил всех, кроме Эмили, присоединиться к Первой Церкви Слова Христова, усилил и без того присущий ему некоторый кальвинизм.) Власть Сквайра над тихой, незаметной хронически больной женой и двумя дочерьми была поистине драконовской и тяготела над всеми поступками Эмили.

Тем не менее Эмили знала, что не может возлагать вину за свое затворничество только на отца. В конце-то концов, Винни не испытывала никакого страха перед обществом чужих людей, хотя тоже изнывала под игом Сквайра. Нет, в личности самой Эмили был какой-то врожденный дефект, из-за которого возможность оказаться среди посторонних, соприкоснуться с их неприкрытыми лицами и потребностями изначально представлялась немыслимой, как бы отчаянно и парадоксально сама она ни испытывала потребности в человеческом общении…

И вот теперь она была под открытым небом на исходе дня, начавшегося так странно. (Вызывающе волосатый мистер Уитмен оделся и удалился до того, как Эмили сумела придумать, как обратиться к нему после своей уничижительной критики его красноречивой тирады. Теперь она вознесла краткую молитву, чтобы ее опрометчивая отповедь не сделала их дальнейшее общение невозможным…)

Собравшись с силами, чтобы пройти остающиеся жалкие сто ярдов и войти в дом, полный незнакомых людей, лелея смелый план представить избранному среди них тайну, скрытую под ее цветами, Эмили напомнила себе: *Если Нервы твои тебя предают, перешагни через Нервы.*

Порываясь вперед, силой воли пробуждая уверенность в себе, она пошатывалась на цыпочках в устремлении к «Лаврам». По ее членам растекалось ощущение словно от горячей ванны. Ее внутренности расплавились. Именно так было три года назад, в том декабре, когда Мудрец Конкорда мистер Эмерсон посетил «Лавры», и она жаждала подойти к нему, к воплощению благородства из страны снов, а вместо этого, сокрушенная особой скошенностью зимнего света, заколебалась и попятилась.

Эмили чувствовала, что замирает на краю высочайшего обрыва, утратив волю, не делая ни шага назад к безопасности, ни

шага вперед к опасности без Толчка, имеющего причину.

И тут Толчок возник.

Из первичной зелени, окаймлявшей соединительную дорожку, высунулась большая лысая голова неведомой птицы.

На высоте полных шести футов над землей на конце длинной гибкой шеи умная птичья голова исследовала Эмили с забавным пучеглазым любопытством на протяжении вневременного срока. Затем, издав негромкий странный зов, птица втянула голову назад в кусты, и послышался звук ее шагов, удалявшихся назад к «Лаврам».

> Сегодня победоноснейшая Птица,
> каких я только знала
> иль встречала, отправилась на розыски…

Эмили поспешила следом за видением.

На полпути по дорожке, еще не увидев вновь быструю таинственную птицу, Эмили отдалась ощущению нереальности. Неужели возможно, что она действительно идет здесь? Если бы папа не уехал в Бостон для переговоров с политиками Партии Конституционного Союза, которые хотели, чтобы он выставил свою кандидатуру в вице-губернаторы, она навряд ли бы сумела собраться с духом для такого необузданного бега.

Наконец Эмили оставила кусты позади и вышла на лужайку своего брата.

И вот она – великолепная птица!

Теперь на открытом пространстве Эмили узнала птицу – страус, быть может, из сказочной страны Офир, и тем не менее забавно сходный с веником для обметания пыли, вознесенным на ходули. Да, бесспорно, не некий потусторонний вестник, но все же редкое зрелище в мирном прозаическом Амхерсте.

В эту минуту из-за угла дома вышел представительный молодой человек, небрежно одетый и примерно ровесник Эмили. Обнаружив птицу, он так ее окликнул:

– Норма, плутня, иди-ка сюда, не то быть тебе без ужина.

С противоестественной торопливостью большелапая птица тут же послушалась и зарысила к нему зигзагами – пробежкой, присущей всему ее виду. Вскоре птица и человек исчезли вместе за углом дома.

И тут же дверь «Лавров» распахнулась, обрамляя брата Эмили, стоящего на пороге. Его шевелюра, не менее рыжая, чем у Эмили, и экстравагантные бакенбарды никогда еще не выглядели такими родными и успокаивающими в отличие от непривычно встревоженного раздражения на его лице.

Ища взглядом причину недавних криков, Остин увидел сестру. Он принудил свои черты принять вымученное выражение радости:

– Эмили! Какой приятный сюрприз! Входи же, входи!

Теперь, когда визит стал совершенно обязательным, каким бы нежеланным он ни выглядел, Эмили обнаружила в себе способность придать твердость своим ногам. Неколеблющимся шагом она прошла через лужайку в дом брата.

Брат тотчас попытался отобрать у нее корзинку.

– Сью по достоинству оценит эти цветы, сестра. Со времени своего возвращения из Бостона она пребывает в грусти. – Лицо Остина омрачило тяжкое уныние. – Как, сказать правду, и я.

Эмили воспротивилась мягким подергиваниям Остина.

– Нет, пожалуйста, позволь мне подержать их немного еще. Они меня успокаивают. – Она еще не была готова показать то, что лежало под цветами, и тем более не просто кому-то случайному. – Но что тебя так гнетет? Не связано ли это с гостями, которые, как сказала Винни, к тебе приехали?

Остин закрыл глаза и устало потер лоб.

– Да, косвенно. Вообще говоря, я соприкоснулся с этими людьми случайно через мои связи с Колледжем. Но они и их миссия отвечают тому, что мне сейчас необходимо, потребности, которая нарастала весь прошлый год.

– Твои слова ввергают меня в недоумение, Остин. О какой потребности, мне неизвестной, ты говоришь? С каких пор у нас появились секреты друг от друга, дорогой брат? Так открой мне, что тебя терзает?

Остин широко раскрыл глаза и устремил на сестру взгляд, полный муки.

– Так, значит, ты хочешь услышать все? Хорошо, да «будет так. До сих пор я старался тебя щадить, но не откажу твоему прямому предложению преклонить ко мне сочувственный слух. Однако моя история требует уединенности. Пойдем в мой кабинет.

Несколько испуганная Эмили все-таки последовала за Остином в комнату, где полки были уставлены юридическими томами, требуемыми его профессией. Они сели, и Остин придвинул свой стул совсем близко к Эмили, нагнулся, чтобы взять ее руки в свои *(потны еладони мужчины, снедаемого лихорадкой,* подумала она), и начал свое повествование:

– Мои горести, сестра, касаются наших со Сью отношений. Нет, пожалуйста, разреши мне высказаться откровенно, прежде чем ты выступишь в защиту Сью. Я знаю, Эмили, ты ее неизменная заступница. Иногда, честно говоря, я думаю, мы так и

не поженились бы, если бы не твои настояния. Но теперь это значения не имеет. Мы супруги и должны оставаться супругами. Но тебе следует узнать, что Супружеская жизнь открыла мне некоторые черты в Сью, хотя, впрочем, в дни вашей девичьей дружбы, быть может, они еще не развились в ней.

Сью стала очень честолюбивой. Она желает быть первой дамой Амхерста. Не очень широкая сфера, можешь ты сказать и будешь права. Но честолюбивые помыслы Сью, боюсь, не ограничиваются этим. У нее есть мечты более величественные, для осуществления которых нужна соответствующая сцена – сцена, которую должен создать я, так или иначе.

Ты меня знаешь, Эмили, по меньшей мере не хуже, чем я сам. Я не так целеустремлен, как отец. У меня нет желания покидать приятные пределы Амхерста, подобно ему представляя избирателей в Вашингтоне или в более экзотических местах. Я, по сути, мечтатель, с такой же поэтической натурой, как твоя. Легендарная кровь дедушки Сэмюэла в моих жилах осталась лишь тоненькой струйкой. Ничто не подошло бы мне более, чем тихая семейная жизнь прямо здесь до конца моих дней.

Но, видишь ли, семейная жизнь – это как раз то, чего Сью решительно не приемлет. Она чувствует, что дети явятся тяжким препятствием на ее устремлении в верха общества.

Эмили долго и напряженно думала, прежде чем решилась высказать свою мысль:

– Меня все время удивляло, почему последние четыре года не принесли мне ни малютки-племянницы, ни малютки-племянника. Папа также строит вслух предположения, почему до сих пор еще не появился наследник. Но я никак не ожидала, что причина в нежелании Сью консуммировать ваш союз.

Остин невесело засмеялся.

– «Нежелание консуммировать»! Дело гораздо хуже, дорогая сестра! Союз наш был консуммирован не раз и не два вследствие неких неуправляемых импульсов, порождаемых низменной стороной наших натур. И полтора года назад естественный результат последовал. Сью понесла под сердцем.

Эмили запнулась.

– Но я даже… Она не доносила?

– Гораздо, гораздо хуже. Она его убила!

Будто весь Свод Небесный был Колоколом, а Эмили – Ухом, и только. Когда она вновь обрела себя, то мучительно попыталась произнести роковое слово, но по милосердию судьбы Остин опередил ее:

– Да, в пятьдесят девятом она ездила в Бостон для… для аборта. А недавняя поездка была еще для одного!

После своего признания Остин разразился судорожными рыданиями.

Эмили укрыла брата в своих объятиях, его безудержное горе смывало ее меньшие печали, пока он не выплакался досуха. Когда он поднял лицо, в его чертах запечатлелась невыразимая печаль.

– Мысль об этой первой смерти росла и росла во мне, Эмили, подобно червю. Когда же я узнал про вторую… Сью упросила меня взять ее с собой в Бостон, когда я ездил туда в последний раз, и мне даже в голову не приходило, что она задумала повторить злое деяние. Когда же она открылась мне только после нашего недавнего возвращения домой – это чуть меня не убило. Я не чувствую себя вправе возложить всю вину на Сью. Она не только испытывает страшные страдания из-за своего поступка, но, кроме того, она ведь решилась на него в согласии со своими представлениями о том, какой должна быть наша жизнь, как бы ужасны ни были ее преступления. Нет, я считаю себя виновным наряду с ней, не менее, чем если бы моя собственная рука сжимала кровавое орудие детоубийства! Вот почему, видишь ли, я и сблизился с этими людьми. Среди них есть спирит…

Будто Туча внезапно раскололась и пропустила сквозь себя Огонь, так летней молнией Эмили поразила догадка о том, что задумал ее брат. С некоторым презрением она сказала:

– Значит, ты хочешь поговорить с душами своих нерожденных детей и обрести какой-то знак отпущения через посредство этой мистической личности…

Остин устремил на Эмили безумный зловещий взгляд.

– Поговорить с ними! Будь это так просто! Нет, дорогая сестра, мы посетим их!

3
«Душа сама выбирает себе общество»

Различие между Отчаянием и Страхом, думала Эмили, *подобно Различию между мгновением Катастрофы и тем, когда Катастрофа уже произошла.*

Непостижимые слова брата поистине толкнули ее за границу, разделяющую эти сдвоенные чувства.

Всю ее жизнь Смерть занимала большое место в сознании Эмили – непреодолимая стена, о которую она могла только биться, вновь и вновь отбрасываемая назад с разбитым разумом и духом.

Ее понятие о Смерти не вполне совпадало с христианской доктриной: как не могла она вслух провозглашать свою веру, подобно всем остальным членам их семьи, так не могла она со всей искренностью подписаться под догматами Церкви, касающимися Того Великого, Кто Останавливает Часы, хотя ее философия вкусила от многих школ.

И вот теперь ее собственный брат говорит ей, что вознамерился постигнуть эту тайну, каким-то образом проникнуть в Холодное Царство Смерти – но кощунственным материалистическим способом.

Нечто для нее почти непостижимое.

Догадавшись о ее растерянности, Остин снова заговорил:

– Что ты знаешь о спиритизме?

Ее грудь переполнило гордое презрение, и Эмили ответила:

– Мне известно только то, что я вывела, читая, часто между строк, сообщения в дешевой прессе: лет двенадцать назад две маленькие девочки-шалуньи, две сестры по фамилии Фокс, жившие в Рочестере, Нью-Йорк, решили подшутить над своими родителями, и шутка эта стремительно выросла в фарс, какого они и вообразить не могли. Тайными постукиваниями и другими трюками они внушили, будто находятся в соприкосновении с так называемым миром духов, и легко провели свою доверчивую мать, а также старшую сестру, которая быстрехонько стала их импресарио. Вот с такого скромного начала они, став настоящими шарлатанками и обманывая тысячи несчастных людей, лишившихся близких, богатели с помощью самых простеньких фокусов, которые были старыми еще до рождения Калиостро, и дали толчок таким же нелепостям по всему миру.

Лицо Остина с покрасневшими глазами приняло мрачное выражение.

– Ты как будто очень уверена, Эмили, в фальшивости и корыстолюбии сестер Фокс, а по аналогии – и всех других медиумов. А я был уверен, что именно тебя должна привлечь возможность такого общения между этим и тем миром. Как можешь ты быть уверена, что все их утверждения ложны?

– Как могу я думать иначе, объясняется детскими и пошлейшими вестями, которые передают эти «медиумы». Источником вестей ведь, совершенно очевидно, служит собственное скудное воображение обманщиков. Да если бы я хоть на мгновение поверила, будто неописуемое блистание потустороннего мира можно узреть в таких вот фразах, как, «мама, не оплакивай своего сыночка, тут за гробом сколько хочешь леденцов и лакричных палочек», я бы… нет, я просто не знаю, что бы я сделала. Уж во всяком случае, не наложила бы на себя руки, лишь бы преждевременно не оказаться среди этих молочно-кисельных духов!

– Не спорю, сестра, некоторые из, скажем, менее вдохновенных откровений некоторых не наделенных даром индивидуумов, несомненно, выдают толику… сфабрикованности. Однако среди истинных медиумов выдумка применяется, только когда подлинный контакт ослабевает, и притом из искреннего желания не разочаровывать участников сеанса. Собственно говоря, медиум может даже не заметить перехода от подлинного вдохновения к бессознательному извержению пустых слов. Но не будем спорить из-за недоказанного обмана некоего гипотетического чикагского шарлатана. Не только медиум, о котором я упомянул, заведомо подлинный, но, кроме того, мы заручились великодушными, нет, абсолютно необходимыми услугами некоего именитого ученого для того, чтобы наша экспедиция проходила в строжайше соблюдаемых условиях.

Эмили встала, прекрасно сознавая, что позволяет выражению брезгливости исказить ее невзрачное лицо и добавить ему невзрачности. Но она настолько рассердилась на брата, что ей было все равно.

– Меня не тронет, если ты и твои мистические друзья обеспечили поддержку целой академии бородатых ученых в мантиях какому бы то ни было нелепому плану, который вы вынашиваете. И можешь перекручивать логику, как тебе угодно, но я по-прежнему утверждаю, что любой вид спиритизма – нагромождение чепухи.

– А что, если я скажу тебе, что твоя любимая поэтесса, миссис Элизабет Баррет Браунинг, неколебимо верила в духов и их зримых партнеров?

Эмилия потрясенно рухнула в свое кресло. *ЕЕ* дорогая

Элизабет – эта благородная Чужеземная Леди, которая покорила душу Эмили с юных лет, чьи стихи сделали прекрасной Тьму и вскормили в ней Священное Безумие – гений, скрытый за «Авророй Ли» [121], – героическая Женщина-Поэт, чье имя Эмили с гордостью носила, как свое второе… Неужели правда, что такой великолепный ум хоть чуточку снисходил к этой упрощенной вере, захлестнувшей мир?

Заметив сомнения Эмили, Остин удвоил свои доводы:

– Это абсолютная правда. Приобщение миссис Браунинг к миру духов началось несколько лет назад, когда она познакомилась с прославленным мистером Дэниелом Дангласом Юмом. Когда она ощутила прикосновение призрачных рук, которые он материализовал, когда заиграла призрачная концертина, когда духи возложили лавровый венок на ее чело – тогда она постигла истину! Так же, как убедятся все неверующие, когда я с друзьями отправлюсь в Обитель Лета и вернусь!

Эмили не знала, что и думать. Сначала ее потрясло открытие тайного разлада между ее братом и Сью. Затем ее догматическая антиспиритическая позиция получила тяжкий удар – Та, кем она так восхищалась, охотно разделяла наиявнейшее, как считала Эмили, проявление безумия, овладевшего обществом. Однако, напомнила она себе, часто Безумие – наибожественный Разум для видящего Ока, и часто Разум – чистейшее безумие: и в этом Большинство, как Всё, преобладает.

Ее взгляд упал на корзинку с вянущими цветами, и Эмили напомнила себе об истинной причине, приведшей ее в дом брата. Уж конечно, она не приблизится к своей истинной цели, споря с ним, а тем более с позиций, внезапно ослабленных.

– Извини, что я отнеслась пренебрежительно к твоей новой вере, любимый Остин. Теперь я поняла, что влечет тебя на такие поиски. Хотя я не могу заставить себя полностью принять подобные верования, я не стану выносить суждения о них в ожидании новых доказательств, которые ты мне представишь.

Остин схватил руки сестры.

– Какая ты прелесть! Я знал, что ничто не способно встать между нами!

Взяв корзинку, Эмили сказала:

– Быть может, ты хотел бы представить меня своим новым друзьям?

– Разумеется! Я превратил малую гостиную в подобие штаба, чтобы спланировать наш штурм загробной жизни. Там мы найдем если не всех, то большинство. Так идем же!

Пока они шли по большому дому, Остин объяснял, как он познакомился со своими гостями.

– Когда мы со Сью были в Бостоне, я увидел афишу, возвещавшую, что в Механикс-Холле состоится лекция спирита с демонстрациями. Я отправился туда, лекция и демонстрации произвели на меня такое впечатление, что по окончании я представился лектору и сопровождавшему его медиуму. Узнав об их смелых планах и скором приезде ученого, который будет им помогать, я тут же присоединился к ним и предложил всю помощь, какая в моих силах.

– А Сью заинтересовалась?

– Ничуть. Правду сказать, она избегает наших гостей насколько возможно и очень недовольна их присутствием.

– Я рада, так как не знаю, вынесу ли встречу с ней так скоро после того, как узнала про ее грех.

– Можешь этого не опасаться, она почти все время проводит у себя в комнате.

Теперь они остановились перед закрытой дверью малой гостиной. Изнутри доносились голоса: двух мужчин и женщины. Эмили подумала, что ни тот, ни другой мужской голос не обладает гулкой звучностью Уитмена, и захотела узнать о поэте побольше.

– Ты еще не сказал мне, что привело прославленного – или обесславленного – поэта в твой дом.

Остин улыбнулся.

– А! Странная игра случая! Видишь ли, Сью настояла, чтобы мы нанесли визит Эмерсону, также приехавшему в Бостон. Думаю, она надеялась снова залучить его в Амхерст как виднейшего своего дрессированного автора. Когда старый мудрец принял нас, у него был Уитмен. Выяснилось, что Эмерсон попал в крайне неловкое положение. Он предложил Уитмену пожить у него, пока тот будет в Бостоне, не посоветовавшись предварительно с женой, а та, узнав о приглашении, наотрез отказалась принять такое «безнравственное животное» у себя дома! Отведя нас в сторону, Эмерсон умолял приютить своего друга в «Лаврах», и Сью охотно согласилась, предвидя светский триумф. Вообрази ее возмущение, когда поэт, узнав о нашем спиритическом дерзании, от всего сердца присоединился к нам.

Последние пикантные сведения смутили Эмили, поскольку поставили под сомнение умственные способности поэта, но она удержалась от неодобрения.

– Насколько я понял, – продолжал Остин с веселым злорадством, – ты и Винни несколько необычно познакомились с нашим бесцеремонным Гомером.

Эмили почувствовала, что краснеет.

– Ты понял верно.

– Из-за такого числа гостей утром к ванной образовалась очередь, и Уитмен потерял терпение. Я сказал ему, что он может воспользоваться удобствами в «Усадьбе», но мне и в голову не пришло, что он…

В эту секунду дверь малой гостиной распахнулась. В ее проеме появилась крупная женщина с внушительным бюстом. Окутанная цветастыми шалями, с широким цыганским платком на голове, блестя аляповатыми серьгами и браслетами в мочках и на запястьях, она встала в драматическую позу, одну руку выбросив вперед, другую прижав ко лбу. Хотя далеко не первой молодости и отнюдь не красавица в общепринятом смысле (ее верхнюю губу украшали несомненные усы), она источала тот же животный магнетизм, эманации которого, как часто замечала Эмили, исходят от цариц бала, приглашаемых нарасхват.

– Мадам почувствовала слияние душ по ту сторону барьера, – объявила медиум, представляя себя в третьем лице.

– Так как мы вели обычный разговор, – сказала Эмили, – притягивать еще и наши души представляется излишним.

Медиум оскорбленно опустила руки.

– Фу! Зачем вы привели к нам такую неверующую, cher [122] Остин?

– Это моя сестра Эмили. Я хочу познакомить ее с вами. Эмили, разреши представить тебе мадам Хрос Селяви [123], самого именитого медиума Парижа.

Мадам Селяви тотчас стала сама любезность, хотя Эмили словно бы уловила в ее глазах стальной блеск неугасшей враждебности.

– Такое очаровательное миниатюрное создание, обладающее остроумием, не уступающим остроумию ее досточтимого брата! Позвольте обнять вас!

Эмили не успела возразить, как мадам Селяви прижала ее к груди, чуть не задушив. От нее исходил запах пота, шерсти и животного мускуса.

Освобожденная Эмили попятилась. Но еще не пришла в себя, как мадам Селяви ухватила ее за руку и втащила в гостиную.

– Эндрю! Уильям! Пришла сестра, о которой мы столь наслышаны!

Двое мужчин на исходе молодости – ни тот, ни другой не был пастухом страуса, которого видела Эмили, – сидели за столом, накрытом огромным чертежом, завертывающиеся углы которого были придавлены странными изделиями из стекла и металла, похожими на двурогие закупоренные с обоих концов флаконы. Заправленная ворванью лампа дополняла свет заходящего солнца.

Вырвав руку из хватки медиума, Эмили попыталась вернуть себе самообладание. Остин дал ей на это некоторое время, начав представления:

– Эмили, этот джентльмен – автор «Принципов Природы, Ее Божественных Откровений», а также труда «Голос Рода Человеческого», и известный издатель уважаемого журнала, посвященного спиритизму, «Универколем» [124]. Кроме того, он сам – ясновидящий. Именно он предсказал появление сестер Фокс задолго до их дебюта. Могу ли я представить тебе мистера Эндрю Джексона Дэвиса?

Дэвис щеголял холеной бородой и крохотными очками в проволочной оправе, за которыми пребывали обескураживающе несфокусированные глаза. Он не то не привык, не то был не склонен к общепринятым правилам хорошего тона и только кивнул в сторону Эмили.

– А вот этот дженьмен, Эмили, с не менее взыскующим умом, представляет научную сторону нашего равновесия. Именно он придаст нашему дерзанию интеллектуальную весомость, столь часто отсутствующую в иных непродуманных исканиях. Имею честь представить тебе не только открывателя таллия, но также последователя и друга самого Д. Юма. Эмили, познакомься с одним из величайших умов Англии Уильямом Круксом [125].

Полная противоположность Дэвису, Крукс галантно выступил вперед, взял руку Эмили, поклонился и поцеловал ее. Его длинное узкое лицо и высокий лоб были почти красивы. С чарующим прононсом англичанина он сказал:

– Ваш брат обидел вас, мисс Дикинсон, он не потрудился сказать, что у вас глаза цвета наилучшего хереса.

Эмили ужасно смутилась и против обыкновения лишилась слов.

К счастью, Дэвис нарушил неловкую паузу:

– Я не хочу прерывать такую прелестную интермедию, но не могу ли я напомнить присутствующим, что впереди у нас еще много работы, чтобы завершить хотя бы планирование.

Крукс с иронической улыбкой отпустил руку Эмили.

– А, да. Мир духов, который уже существует бесчисленные века, не может ждать нас ни единой лишней минуты. Что же, боюсь, пора снова запрягаться. Буду с нетерпением ожидать, когда снова увижу вас, мисс Дикинсон.

Эмили позволила Остину увести ее из гостиной. Проходя мимо мадам Селяви, она ясно услышала, как ей на ухо прошипели «у, пигалица!», хотя губы мадам сохраняли полную неподвижность.

В коридоре Остин сказал:

– Теперь тебе осталось только познакомиться с неуемным стариной Уолтом, он, наверное, с Генри и птицами.

Взяв себя в руки, Эмили сказала:

– Да, я хотела бы, если тебя не затруднит.

Они направились к задней двери «Лавров», и Остин сказал:

– По-моему, я упоминал про Генри. Он товарищ Уолта в его странствованиях. Саттон, если не ошибаюсь. Они вместе работали в «Бруклинском Орле», юный Саттон – учеником наборщика, а Уолт – редактором. Генри незаменим со страусами. У него особый дар заставлять их слушаться. Я говорил тебе о планах Энди относительно страусов? Не важно, ты скоро узнаешь. Вот мы и пришли!

Они затворили за собой дверь дома. Задний двор «Лавров» заполнил недавно построенный загон. В этом импровизированном вольере сидели шесть, а то и больше страусов. Над ними, испуская нежные кудахтающие звуки, бдел представительный молодой человек, которого она уже видела.

– Ген! – вскричал Остин. – Где Уолт?

Прежде чем Генри успел ответить, у них за спиной раздался звучный голос:

– Любимый бездельник Зеленого Шара твердо стоит прямо тут.

Эмили резко обернулась, сердце у нее колотилось.

С тех самых пор, как отец забрал ее из Женского колледжа в Маунт-Холиок со ссылкой на «слабую конституцию» (в тот же самый год, когда сестры Фокс впервые начали производить свои стуки), Эмили томилась по интеллектуальному общению и стимулированию, столь мимолетно испробованным. И когда не так давно она начала серьезно писать стихи, потребность эта стала еще глубже – болью, которую скучная и педантичная переписка с преподобным Уэствортом не могла утишить.

И вот теперь перед ней предстал во всем телесном великолепии (слава Богу, одетый), быть может, ее первый, последний, единственный и наилучший шанс для подобного общения – живой печатающийся поэт.

Трепеща, Эмили протянула ему корзинку своих цветов.

– Моя рекомендация, сэр!

Уолт ласково принял подношение. Она увидела, как его проницательные глаза остановились на аккуратно сшитой, завязанной лентой тетрадочке ее стихов, прикрытой цветами.

– Нечто большее, чем кажется на первый взгляд, думается мне, – сказал Уолт и подмигнул.

Ободрившись, Эмили сказала:

– В моей Корзинке Небесная с Земною Тверди, сэр!

– Но достаточно ли она велика, ma femme [126], чтобы вместить меня?

4
«Воздухом опьяненный я…»

На стене над роялем, который стоял на брюссельском ковре с цветочным узором в парадной гостиной «Имения», висела гравюра под названием «Затравленный олень». Деликатесная оленина, настигнутая на открытом месте и окруженная безмолвно лающими псами, вовеки созерцая нацеленное ей в грудь копье охотника на коне, была явно готова испустить дух от чистого ужаса.

Именно так почувствовала себя Эмили, едва Уитмен произнес свой скрытый вызов касательно вместимости ее корзинки с колесиками.

На лбу у нее выступила испарина, ноги и руки отказывались ей служить. Небо… небо, казалось, весило безмерно много, и она ощутила неколебимую уверенность, что Небеса рухнут и засыплют ее Лазурью…

И потому она убежала.

Как ребенок, испуганный тенями, она убежала с заднего двора «Лавров» через приграничную рощицу в приют своей спальни в «Имении».

Там она оставалась следующие двое суток, скорчившись под своими одеялами. Даже Карло был изгнан.

(И какие еще из возможных тягот тотчас обрушились на нее, как не внушающие леденящий страх ее месячные! Французские Золотые Периодические Пилюли доктора Дюпонко иногда облегчали это женское проклятие, но служили малым утешением. Где, где Пилюля для ее Нервов?)

Между приступами самобичевания и слезами Эмили сложила в уме стихотворение, чтобы период боли не пропал втуне.

Олень Сраженный прыгает всех выше…
Охотника небрежные слова,
Это лишь Смерти Экстаз,
Недвижна снова Листва!

Ключ из Скалы Рассеченной!
Прижатой Пружины прыжок!
Краснее всегда Щека там,
Где Лихорадки ожог!

Веселость – Кольчуга Муки,
Ее надевает она -
Пусть никто не увидит крови,
Не воскликнет: «Ты сражена!»

Она интуитивно поняла аллегорию Уитмена, едва он заговорил. Двойной смысл, который так легко рождался ее собственным языком или пером, все еще обладал свойством пугать ее, когда неожиданно прятался в словах кого-то другого.

Уитмен предложил – нет, потребовал! – полных и открытых отношений с ней. Недостаточно, мог бы он прямо сказать, что ты отдаешь мне эти исписанные каракулями листки, ожидая в ответ моего мнения о них (оценив то, что увидела ранее в свете моей новооткрытой славы). Нет, если ты приближаешься ко мне, ты должна сделать это в полной наготе. Ты должна быть со мной, как женщина с мужчиной, как душа с душой, ничего не прятать, если ищешь подлинного сока моих плодов, истинную плоть моего языка.

А Эмили очень опасалась, что на это она как раз и не способна.

Хотя жаждала этого.

Только один раз она полностью открылась другому.

И поглядите, чем это обернулось.

И не то чтобы милый Джордж был виноват. Мало нашлось бы мужчин, способных выдержать гнев Эдварда Дикинсона, и мечтательный интеллектуал Джордж Гулд, постарше Эмили, друг Остина и блистательный студент Амхерста, в их число не входил. Когда Сквайр узнал о их невинном и все же пылком романе и изгнал Джорджа, ни он, ни Эмили не нашли в себе сил восстать, хотя на весы были брошены жизни их обоих.

И затем Эмили сделала свой Белый Выбор: символизируемый ее неизменным снежным одеянием Небесный Брак вместо земного, в который она поклялась никогда не вступать.

Так как же с подобным испытанием у нее за спиной могла она обрести силу дать Уитмену то, чего он, очевидно, требовал?

Нет, невозможно…

В дверь Эмили властно постучали. Прежде чем она успела что-то сказать, дверь распахнулась.

В комнату промаршировала Лавинья с ужином на подносе.

– Честное слово, Эмили, вы с мамой меня убьете. Таких двух

больших младенцев я в жизни не видывала! Вот выйду замуж и избавлюсь от вас обеих! И тогда посмотрим, долго ли тут все продержится!

Эмили приподнялась и села на кровати, заинтригованная вспышкой сестры.

– А за кого ты выйдешь, Винни? У тебя есть потенциальный жених, о котором мне следовало бы знать?

– Ха! Не беспокойся, я сумею обзавестись мужем, займись я этим всерьез. Может быть, и займусь. Ну, вот твой ужин. И, пожалуйста, без жалоб, что мой индейский хлеб хуже твоего.

Винни поставила поднос и повернулась, чтобы уйти. У двери она остановилась.

– Не думаю, что тебя интересуют новости о папе.

– Он все еще в Бостоне?

– Подальше. Хотя партия не убедила его баллотироваться в этом году, они уговорили его помочь их кандидату в президенты Джону Беллу. Сквайр сейчас на пути в Вашингтон, а затем далее на юг и запад. Неизвестно, сколько он будет отсутствовать. И мы должны радоваться этому. Будь он здесь и наблюдай, что затевает Остин со своими помешанными приятелями, его мог бы хватить удар! Весь город и так с ума посходил.

Муки Эмили совсем затмили в ее памяти Остина и его нелепые планы путешествия в потусторонность. Но теперь ее вновь окутала странная атмосфера «Лавров».

– Что делает Остин?

Винни вздернула нос и фыркнула.

– Если тебе хочется узнать, ты должна будешь встать. Я не «Харперс уикли». – На этих словах сестра Эмили захлопнула за собой дверь.

Пять минут спустя, не прикоснувшись к ужину, Эмили уже вышла одетая на лестницу.

У задней двери она заколебалась. Сумеет ли она собраться с духом настолько, чтобы еще раз посетить сумасшедший зверинец, каким стал дом ее брата? Что, если гнусная мадам Селяви вновь в нее вцепится? Что, если франтоватый мистер Крукс вновь чмокнет ее руку? Что, если фанатичные глаза мистера Дэвиса вновь пришпилят ее, будто бабочку к карточке? Что, если она встретит Сью, свою невестку и леди Макбет? Что, если она встретит Уитмена? Как она теперь сожалела, что отдала ему свои стихи, эти Ключи к Внутренним Покоям ее Сердца…

Эмили вынудила себя приструнить всех этих злоехидных мысленных демонов и открыла заднюю дверь.

Обремененные цветущими гроздьями кусты белой и лиловой сирени обрамляли портал, и их сладкое благоухание колыхалось

над крыльцом, точно облако.

Погрузив косматую голову в глубину ниспадающих кистей, Уитмен с медвежьим фырчанием втягивал их опьяняющее благоухание.

Замерев, Эмили холодела и горела одновременно. Это не был просто Холод – она ощущала, как Сирокко ползает по ее Плоти. Но это не был и просто Огонь – ее Мраморные Ступни могли бы охладить Алтарь.

Уитмен извлек голову из цветов: крохотные безупречные цветки облепили ему волосы и бороду, превратив его в истинного Пана. Рабочая рубаха с открытым воротом обнажала густую шерсть на его груди – прежде увиденную Эмили в намыленном состоянии, – столь же расцвеченную.

– Когда в цвету дворовая сирень, – продекламировал Уитмен, – я радуюсь весне непреходящей.

Затем, водворив на затылок широкополую шляпу, которую держал, он нежно взял руку Эмили и сказал:

– Идемте, ma femme, погуляем немножко. Эмили беспомощно подчинилась.

Некоторое время они бродили между клумбами – детишками, которых с такой любовью баловала их госпожа, – и молчали. Потом Уитмен сказал:

– Вы дали мне не просто стихи. Не всего лишь книгу. Кто бы ни прикоснулся к ним, прикоснется к женщине.

Таких слов Эмили даже не надеялась когда-либо услышать в своей жизни. Усилием воли удерживаясь от обморока, она сотворила в ответ искусный вопрос:

– Так, значит, вы считаете, что мои стихи… живут? Уитмен сделал широкий жест, охватывая весь зеленый уголок, где они прогуливались, неправдоподобно соединив руки. Если бы какие-нибудь горожане увидели бы ее сейчас, как могли бы они не счесть ее Красавицей Амхерста?

– Разве то, что вы сейчас видите перед своими глазами, бесспорно не живет? Разве сами вы не живете, кровь не пульсирует в вас, пар вашего дыхания не изливается наружу? Как что-либо, истинно исходящее из того, кто живет, может не быть живым? Не сомневайтесь! Они поистине живут! Божественное озарение пронизывает их точно так же, как мелодию одинокого дрозда.

Эмили почувствовала, как все ее существо преисполняется уверенностью и жизненной силой. Нескончаемая тревога, обитавшая за ее грудной костью, пошла на убыль. Но следующие слова Уитмена заставили ее споткнуться, сбросили с едва обретенной высоты.

– И все же, подобно печальному щебету этой одинокой, лишенной пары пичужки, ваши стихи являют серьезный недостаток, болезненный мотив, который угрожает обвить живой ствол ваших песен подобно плющу, чтобы в конце концов свалить все дерево.

Эмили окостенела и попыталась высвободить руку, но Уитмен не позволил, и ей пришлось говорить резко, все еще оставаясь в интимном соприкосновении с ним:

– Я не замечаю никакого столь вопиющего недостатка, вами указываемого. Но, разумеется, я жду наставлений столь знающего источника.

Холодность ее тона Уитмена не задела, он только улыбнулся.

– Я отнюдь не «знающ», мисс Дикинсон, если не считать того, что мне удалось почерпнуть на улицах Бруклина, а также на берегах и тропах моего родного Поманока. И я не любимец академий, чему свидетельства и мой кошелек, и мои статьи. Однако мои глаза достаточно остры, чтобы повсюду находить оброненные вести Бога. И вот что эти старые глаза – и мое сердце – говорят мне о вашей поэзии: она слишком по-монастырски замкнута, слишком утонченна, слишком порождение головы и домашнего очага, будто у вас нет ни тела, ни мира, в котором странствовать. Вы обладаете прекрасным даром «в одной песчинке видеть мир», как выразился мистер Блейк. Но вы словно бы не способны увидеть мир как самодостаточное чудо его самого! Для вас все должно представлять собой нечто эфирное. Закаты, пчелы, радуги – самобытные совершенства, а вы их настойчиво облекаете в свои фантазии! Ничто не может пребывать само по себе, вам обязательно надо представить его как «Истину». Если вы будете продолжать в таком духе, то, предсказываю, в конце концов вы доведете свою поэзию и себя до такой утонченности, что перестанете существовать!

Эмили сначала ничего не ответила. Таким искренним, таким сильным был голос Уитмена, что ей пришлось взвесить обоснованность его слов.

Неужели ее ограниченная жизнь – отчасти по собственному выбору, отчасти навязанная – действительно ставит ее поэзию под угрозу своей суженностью? До этой минуты она была так убеждена, что ясно видит высшую важность. Значит, есть чудеса и дивности за пределами ее достижения? Не подобна ли она дальтонику, верящему, будто он знает, что такое цвета, но не знающему их?…

Запинаясь, Эмили попыталась найти выражение своим тревожным сомнениям:

– То, что вы так красноречиво осуждаете, мистер Уитмен,

быть может, именно таково. Однако что в том, если мои недостатки именно те, которые вы перечислили? Они же неотъемлемая часть самой моей натуры, трещина во мне, как в Колоколе Свободы. И быть может, именно этой трещине я обязана своим тембром. В любом случае мне слишком поздно меняться.

Уитмен остановился, чтобы посмотреть в глаза Эмили глубоко и искренне.

– Вот тут вы абсолютно ошибаетесь, мисс Дикинсон. Я знаю, о чем говорю. Всю мою молодость я действовал в тумане ложных чувств и дешевых грез, только смутно ощущая, что делаю промах за промахом не по тем целям. Лишь на тридцать седьмом году жизни я осознал свою истинную натуру и начал творить мои песни. Никогда не поздно измениться и расти.

– Для мужчины это, возможно, и так. Ваш пол позволяет испытывать себя, бросаться в критические ситуации, которые усиливают ваш дух. Но нам, женщинам, отказано в такой свободе. Новобрачная, мать или высохшая старуха – вот ограниченные роли, которые предоставляет нам общество.

– В ваших словах есть йота общепринятой истины, столько же, сколько в утверждении, что простая проститутка – не королева.

Эмили ахнула от такой непристойности. Но Уитмен продолжал как ни в чем не бывало:

– А я говорю, что простая шлюха и есть королева! И я говорю, что любая женщина ни в чем не уступает мужчине и может вести себя как ей заблагорассудится! Послушайте меня, Эмили!

Ее попросту произнесенное имя совсем ошеломило Эмили. Аромат сирени был подобен вину в ее крови.

– Я… я не знаю, что сказать. Как я могу осмелиться выйти в мир? Я уже испытала…

– Вы думаете, темные пятна выпадали у вас одной? Бывали дни, когда лучшее, что я сделал, казалось мне пустым и сомнительным. Мои великие мысли – какими я их считал, – не скудны ли они на самом деле? И не вы одна знаете, что такое быть скверной, – если вас тревожит это? Я – тот, кто знает, что значит быть скверным! Я нес чепуху, краснел, злился, лгал, крал, затаивал зло! Во мне жили притворство, гнев, похоть, жгучие желания, заговорить о которых я не смел. Я был переменчивым, тщеславным, жадным, мелочным, коварным, трусливым, злобным! Волк, змея, кабан – их во мне хватало! Но все это вмещал я! Я не отрекаюсь от зла. Мои стихи принесут столько же зла, сколько сделают добра. Но в этом мире никогда не существовало такой вещи, как зло!

– Ваши слова, мистер Уитмен, противоречат друг другу…

Лицо Уитмена побагровело.

– Я себе противоречу? Отлично, я себе противоречу! Я огромен, я вмещаю множества!

Ища успокоить его, Эмили сказала:

– Но вы не обнаружили моей Глубочайшей Раны, сэр. Это было дело Сердца…

Ее слова, казалось, достигли желаемого результата. Уитмен успокоился и задумался.

– И тут я тоже имел печальный опыт. Мисс Дикинсон… если я поделюсь с вами чем-то заветным, могу ли я попросить вас об одолжении взамен?

– Каком?

– Не откажетесь ли вы от этой нежелательной светскости между нами, называя меня Уолт? Я знаю, разница в нашем возрасте согласно этикету требует формальных обращений друг к другу, но я не признаю таких условностей.

Чувствуя, как по ее щекам разливается теплота, Эмили понурила голову.

– Это кажется достаточной малостью…

– Прекрасно. Прошу, поглядите…

Эмили подняла глаза. Она увидела, как Уитмен достает из кармана небольшую самодельную свободно сшитую записную книжку (очень похожую на ее собственные тетради). Он открыл ее на середине, а затем повернул к Эмили.

Со страницы на нее смотрело дагерротипное лицо – лицо красивой женщины с темными локонами, с руками, закинутыми на спинку кресла, в котором она сидела боком.

Уитмен повернул книжку к себе, поцеловал изображение, закрыл ее и вновь убрал в карман драгоценную памятку.

Сердце Эмили было готово разорваться.

– Ах, Уолт! Она… она умерла?

– Гораздо хуже! Она замужем!

Эмили была шокирована, но и восторженно взволнована.

– Мы познакомились, когда я был редактором «Новоорлеанского полумесяца». Впервые я увидел ее в Theatre d'Orleans [127] во время исполнения моцартовского «Дон-Жуана». Поддавшись вольному тропическому влиянию этого южного порта, мы влюбились безумно. Ее электрическое тело излучало божественный ореол, рождавший во мне бешеное притяжение, как и мое – в ней. Многочисленными были часы нашей радости. Но она была дамой высшего света и не могла допустить, чтобы на нее легло пятно скандала или развода. Когда мы поняли, что наша любовь обречена и мы должны расстаться, разрыв стоил нам великих мук. Она – единственная женщина, кого я так лелеял в

своем сердце, и останется единственной.

По необъяснимой причине последние слова Уитмена вызвали у Эмили легкое разочарование. Но не настолько, чтобы затенить более сильные чувства в ее груди. Сходство трагедии Уолта с собственным обреченным романом Эмили наложило последнюю печать на нежную симпатию к крепкому седеющему поэту, которая все это время полунезаметно росла в ее сердце.

Изо всех сил сжав лапищу Уолта обеими своими маленькими ручками, Эмили сказала:

– Значит, вы истинно постигли мою душу, Уолт.

– Эмили… Я думал о тебе задолго до того, как ты родилась.

Они нашли каменную скамью и некоторое время молча сидели на ней бок о бок.

Но, пока проходили минуты, тихое Мушиное Жужжание раздражающе нарастало в сознании Эмили, пока она не почувствовала, что должна высказать его вслух.

– Уолт… вы употребили слово «болезненный», когда говорили о моих стихах…

– Да, Эмили, употребил. Так как, боюсь, вас слишком уж занимает смерть.

Эмили открыла было рот в готовности указать на верховенствующую важность Смерти в системе мироздания, но Уолт поднял ладонь, чтобы остановить ее:

– Я знаю все, что вы намерены сказать, дорогая Эмили. Не сомневайся, что и я тоже долго и упорно думал о смерти. Я знаю: насколько великолепно родиться, настолько же великолепно и умереть. Не будь смерти – большая фальшь даже говорить о них раздельно, – сама жизнь была бы бессмысленной. Да, всю свою жизнь я слышал шепоты о небесной смерти в голосе волн на берегу, в сердитых криках морских птиц, но в отличие от тебя я не томлюсь по смерти и не воздаю ей большего, чем она заслуживает. Я слишком занят тем, что живу, слишком занят своими священными чувствами и не уделяю смерти больше, чем кивка мимоходом. Ты же, дорогая Эмили, кажется, стремишься прижать к себе смерть в объятиях, будто возлюбленного!

Эмили возмутилась.

– Я обнимаю смерть? Кто участвует в идиотичном намерении моего брата проникнуть в тени загробной жизни? Вы, а не я!

Уолт встал.

– Вы не знаете всей полноты замысла нашей экспедиции в Обитель Лета, Эмили. Это не объятие смерти, но смелый научный штурм ее территории, чтобы вырвать новые познания на благо всему живущему.

Подняв Эмили всей своей бычьей силой, Уолт сказал:

– Пойдем со мной, и ты увидишь.

5
«Микроскопы полезны на случай необходимости»

Малая гостиная «Лавров» была превращена в импровизированную классную комнату или же штабной кабинет генерала. К мольберту прислонили большую грифельную доску с мелками на бортике; перед ней стояли пюпитр и единственное вместительное кресло. К стене сзади был прикноплен большой чертеж, который Эмили видела в прошлый раз расстеленным на столе; на пюпитре красовалось одно из странных стеклянно-металлических изделий, которые тогда придавливали этот чертеж. Перед пюпитром были расставлены несколько кресел со спинками из перекладинок. Теперь в них расселись пятеро нетерпеливых слушателей, слегка раздраженных десятиминутным ожиданием: Эмили, Уолт и Генри Саттон в первом ряду указанным порядком, Остин Дикинсон и светило науки Уильям Крукс – позади них.

Все вместе взятое привело на память Эмили ее краткие школьные дни. И неизбежно эти бесценные воспоминания воскресили великолепного Леонарда Хэмфри.

Хэмфри был на четыре года старше Джорджа Гулда. Девочкой Эмили благодаря тесной связи своего отца с Колледжем жадно ловила новости о блистательной академической карьере этого талантливого представительного молодого человека. Эмили он казался воплощением самых гордых надежд нового поколения.

Так вообразите ее восторг, когда после получения диплома в 1846 году Хэмфри был назначен директором Амхеретской Академии – школы совместного обучения, которую посещали шестнадцатилетняя Эмили и тринадцатилетняя Винни.

По коридорам Академии новый директор проходил, истинно сочетая в себе Адониса и Сократа, особенно пленяя все нежные женские чувства, не исключая и чувств Эмили. (Она даже выучила наизусть хвалебную речь Хэмфри «Мораль Штатов».) По сей день Эмили все еще считала Хэмфри своим первым Учителем, и воспоминания о тех немногих случаях, когда он стоял близко от нее, все еще хранили силу вызвать в ней восторженную дрожь.

Неожиданная и мрачная его смерть в 1850 году, когда он был еще в расцвете своей мужественности, стала Невосполнимой Утратой для Эмили и для всего города.

Она не знала, то ли присутствие другого мужественного Учителя рядом с ней, то ли Смерть как тема ожидаемой лекции

сотворили перед ней почти осязаемый образ Хэмфри, словно он беззвучно напрягался, ища преодолеть мембрану, отделяющую его от живущих. Но именно так он избрал явиться ее внутреннему взору.

Я только дважды потеряла столько, подумала Эмили, но тут ее отвлек от этих мыслей голос ученого позади нее.

– Пустая трата времени – вот проклятие, когда работаешь с этими спиритами, – сказал Крукс. – Мне приходилось смиряться с той же проблемой, занимаясь с Юмом. Он демонстрировал поразительнейшие феномены – левитацию, материализации, голоса, но всегда после часов скуки, когда все мы сидели в темноте, соединив наши потные руки. Это проклятущее испытание для того, кто привык к яркому свету и четким условиям ла-бо-ра-то-рии, можете мне поверить.

Остин попенял своему соседу:

– Не можете ли вы немножко следить за своими выражениями, Билл? С нами ведь дама…

Крукс фыркнул, не столько презрительно, сколько с восхищением.

– Чтобы я умерил свой язык! Да поглядите, с кем рядом сидит ваша сестра, прах меня побери! Если она почитала его стишки, она уже вкусила сполна. «Запертые страждущие реки, шары мужчины и корень мужчины», куда дальше! Да в нем больше бесстыдства, чем в Россетти и всей его шайке либертинов, вместе взятых!

Эмили почувствовала, что краснеет. Она ожидала, что Уолт вскинется на слова Крукса, зная, как сама она отозвалась бы на любое нападение, которому подверглись бы ее стихи. Но поэт только наклонил побуревшую от солнца шею, улыбнулся и сказал довольно загадочно:

– Меня окружают мастера подножек и вопрошений…

Стремясь переменить тему, Эмили смело обернулась к Круксу:

– Почему же вы продолжаете свои неправоверные изыскания, мистер Крукс, в таких раздражающих условиях?

– Только потому, мисс Дикинсон, что спиритизм – наиболее волнующий и многообещающий феномен, с каким мне пока довелось столкнуться. К счастью, благодаря состоянию моего отца мне дано удовлетворять мою любознательность любым способом, какой я пожелаю, не заботясь о том, чтобы зарабатывать на жизнь. Иначе я все еще прозябал бы в проклятущем занудном Оксфорде в качестве наблюдателя метеоритов в Радклиффской обсерватории. Однако при нынешнем положении дел я могу путешествовать по земному шару – и за его пределы, если мы

осуществим задуманное, – и знакомиться с такими очаровательными барышнями, как вы.

Прежде чем Эмили успела ответить, Генри Саттон сказал:

– Вот и они.

Из боковой двери появилась ожидаемая пара.

Первой вошла мадам Селяви. Ее одежда была в некотором беспорядке: одна из ее пышных юбок задралась, приоткрыв край кринолина. По пятам за ней вошел Э. Д. Дэвис. Суровый автор и издатель, знаменосец дела спиритизма выглядел довольно-таки того, сего, этого – жилет застегнут не на те пуговицы, очки сбились на сторону, волосы взъерошены.

Мадам Селяви плюхнулась в кресло в центре комнаты. Она поддернула корсаж повыше под своим рвущимся наружу бюстом и испустила усталый вздох, всколыхнувший, как заметила Эмили, ее усы.

Дэвис занял место за пюпитром. Видимо, только сейчас спохватившись, он пригладил волосы, поправил очки и обратился к своим слушателям:

– Мадам Селяви и я беседовали с духами касательно нашего путешествия. Аудиенция была трудной и беспорядочной из-за многих помех на линии Небесного Телеграфа. К счастью, дух-проводник мадам, принцесса наррагасетских индейцев Розовое Облачко, сумела отразить все зловредные влияния и обеспечить успех нашего предприятия.

Мадам Селяви перебила его:

– Oui, mon ami [128], предзнаменования из Обители Лета самые благоприятные. Скоро нам будет дозволено пересечь границу во владения le Moissonneur Hideux [129].

Эмили в третий раз услышала упоминание неведомого места, называемого Обитель Лета. Слова эти претворились для нее всего лишь в один из тех совершеннейших июльских дней, ради которых онажила, когда могла ощущать глубину, лазурь, благоухание, претворяющий экстаз. Ее возмутило, что такое название использует почти несомненный шарлатан, успешно морочащий ее брата, и она решилась его перебить:

– Вы готовитесь перепрыгнуть из нашей прекрасной весны, весны Новой Англии, прямо в летний зной, мистер Дэвис? Или вы всего лишь предполагаете путешествие в более теплые широты нашего Шара? Попокатепетль или Тенерифе, например?

Дэвис уставился на Эмили так пристально, что успел смутить ее, прежде чем ответил:

– Напротив, мисс Дикинсон. Обитель Лета – царство несравненно более фантастическое и полное опасностей и тем не менее сулящее куда большие награды, чем любой смертный угол

нашего Шара. И мы достигнем ее, отплыв прямо из Амхерста, в определенном смысле даже не покинув ваш очаровательный городок.

Уолт повернулся к Эмили:

– Пожалуйста, Эмили, выслушайте его. Мы же предпринимаем не просто плавание в Индию.

Дэвис снял очки, пополировал их и снова надел.

– Разрешите мне, мисс Дикинсон, ознакомить вас с историей нашей миссии.

Я простой сын сапожника, родившийся в смиренной семье в Покипси в штате Нью-Йорк. В 1843 году я впал в мой первый магнетический транс и начал рассуждать о предметах, о которых, не получив даже школьного образования, не мог иметь никакого понятия. Некоторые доброжелательные последователи сочли меня достойным наименования Провидец из Покипси. С тех пор я нахожусь в почти непрерывном контакте с духами земных – и даже неземных – покойников.

Обитель Лета – так они называют место своего обитания. Обитель Лета, как кажется, это не Рай, но скорее место временной остановки на пути к Царству Божьему, чтобы дух мог отдохнуть перед окончательным вознесением. Мое открытие, как вы можете ясно видеть, обеспечивает логику и объяснение контактов духов с нашим миром. Мы говорим не о преображенных ангелах, но о недавно сбросивших плоть сущностях, которые еще не вполне отринули свои человеческие заботы и обличил.

География Обители Лета (которую мне удалось не без труда нанести на карту) сходна с нашими обычными ландшафтами. – Дэвис взял бамбуковую указку, спрятанную в пюпитре, и повернулся к чертежу на стене. Взмахивая указкой, он сказал: – Здесь, например, мы видим Хризопразовые горы, тянущиеся параллельно Турмалиновому морю. За их хребтом располагаются такие примечательности, как Трясина Источаемых Гуморов, Хрустальный Лес, Берилловые Чертоги и Десять Серебряных Врат.

Эмили коротко сказала:

– Ну а Парижская выставка?

Ее кощунство вызвало смешки у Уолта, Саттона и Крукса. Остину, однако, это не показалось забавным.

– Эмили, если ты не способна усмирить свой язык, так уйди. Я не потерплю, чтобы ты высмеивала моих досточтимых гостей, а также священные поиски, которые мы намерены начать.

Почувствовав обиженность в тоне брата, вновь проникнувшись нежным сочувствием к нему и к его горю, Эмили жестом показала, что запирает губы на замок.

Удовлетворенный этим репримандом Дэвис продолжил свою речь:

– С тех пор, как я открыл это царство, моим заветным желанием стало посетить его в телесной оболочке задолго до моей смерти. Много лет я бесплодно искал доступ в Обитель Лета. И как раз, когда намеревался оставить эти тщетные поиски, я нашел прославленную мадам Селяви.

Медиум сказала:

– Ах, mon cher [130], это я нашла вас!

– Как вам угодно, мадам. В любом случае мадам Селяви несравненно превосходила всех медиумов, с кем мне доводилось встречаться.

Видите ли, мадам способна служить физическим мостом между Обителью Лета и Землей благодаря поразительно новой эссенции, которую она источает.

Тут, я полагаю, настало время уступить мое место профессору Круксу. Прошу вас, профессор.

Крукс и Дэвис поменялись местами. С оксфордской четкостью Крукс начал объяснения:

– Мадам Селяви – портал между нашим миром и Обителью Лета. Тщательные испытания и проверки доказали, что ей дана уникальная способность служить проводником той самой материи, из которой как будто сотворены духи и их мир. Я назвал эту новую форму материи «идеоплазмой». Идеоплазма представляется многосвойственной субстанцией – частично органической, частично неорганической – и до этой поры неизвестной нашей науке. Источаясь из тела нашего медиума, она подвластна ее мысленным приказам и принимает любую форму, какую медиум пожелает.

Кисть, рука целиком или даже весь дух целиком может материализоваться. И эти идеоплазматические создания абсолютно осязаемы, как я могу подтвердить лично.

Тем не менее, каким бы интригующим этот новый феномен ни показался мне вначале, я не видел, каким образом он может открыть нам прямой доступ в Обитель Лета. Идеоплазма источалась и возвращалась по каналу нашего медиума, не допуская, чтобы ей сопутствовал какой-либо материальный предмет. И вот тут-то вдело вступила наука.

Теперь Крукс взял с пюпитра стеклянно-металлическое изделие и протянул его для лучшего рассмотрения.

– Это мое последнее изобретение, которое я скромно называю Трубкой Крукса. Через его вакуумное внутреннее пространство можно послать электрический ток от катода в одном конце к аноду в другом.

Когда эта трубка наполняется идеоплазмой – захваченной и отторгнутой от мадам Селяви – и активизированной, – происходит нечто поразительное. Трубка с ее содержимым, а также любые предметы на расстоянии определенного радиуса от нее исчезают! Словно под воздействием электрического тока идеоплазма насильственно выбрасывается из нашего измерения, увлекая с собой некоторое количество земного мусора.

Духи сообщили нам, что они видели, как трубки с захваченными предметами материализовались в Обители Лета.

Крукс самодовольно улыбнулся.

– Теперь я возвращаю трибуну мистеру Дэвису. Когда Дэвис вновь встал перед ними, он сказал:

– Наш мир находится в соприкосновении с Обителью Лета точка в точку. Здесь, в Амхерсте, например, такой знакомый нам травянистый Выгон сосуществует по ту сторону с Бухтой Семи Душ в Обители Лета.

Вот отсюда мы и поплывем в потустороннюю жизнь.

И пока мы сидим здесь, сюда уже с верфи Маккея в Восточном Бостоне движется нагруженная специально сконструированная шхуна. По прибытии нашего судна сюда мы снабдим его кольцом идеоплазмированных трубок Крукса, которые медленно наполняли день за днем. Оснащенные таким образом, мы проломим барьер между мирами в путешествии более дерзком, чем плавание Ясона!

Из уважения к помешательству Остина Эмили хранила молчание на протяжении этой мешанины науки и мистики, подавляя свое растущее негодование.

Однако теперь она долее не могла сдерживаться:

– И как, прошу вас объяснить, мадам «источает» это небесное желе из айвы?

Дэвис принял смущенный вид и вновь начал полировать очки. Уолт уставился в потолок, а юный Саттон принялся небрежно насвистывать. Крукс закинул ногу за ногу и скрестил руки на груди. Полминуты в комнате царило молчание, будто на собрании «Незнаек» [131]. Затем заговорила сама медиум:

– Из mamelles, милая сестра Остина. Из изобильных сосцов.

Для иллюстрации мадам Селяви подложила ладони под тяжелые груди.

– Своего рода спиритуальное молоко, которое с чужой помощью я могу выдавливать кап-кап-кап.

Эмили лишилась дара речи. Предельно непристойные картины теснились в ее воображении. *Мозг полон Коридоров, как ни одно Аббатство, где привидения бродят.*

Уолт кашлянул, разбив ее внутреннее сосредоточение.

– Безумные волокна, неуправляемые выросты, – сказал поэт, – играют, женский облик сотворяя, и наш ответ неуправляем столь же.

– Неуправляем, – сказала Эмили. – Как бы не так!

6
«Какой мистический швартов ее удерживает нынче»

Лавинья Дикинсон завязала ленты шляпки под подбородком, взяла большую рыночную корзинку с крышкой и нетерпеливо обернулась к мешкающей сестре:

– Вы идете или нет, мисс Белая Ночная Бабочка? Прозвище, вдохновленное ее манерой одеваться, отвлекло Эмили от интроспекции. Она раздумывала над одним из самых первых своих стихотворений, ею записанных, которое начиналось: «Есть дома у меня сестра, другая ж за изгородью ждет».

Какой же коварной явила себя сестра через брак! Настоящая Клеопатра! Если бы только Остин мог жениться на милой Мэри Уорнер, насколько все могло бы сложиться лучше…

Эмили возблагодарила Бога за неколебимый здравый смысл своей сестры по крови. Она была не в силах вообразить жизнь без своей любимой Винни – кислой, ехидной, жадной, какой она была. Как она ей нужна! Особенно теперь, когда «Лаврами» словно бы овладела невероятная аморальность.

Миновали три дня после того, как объяснение касательно идиоплазмических poitrines [132] мадам Селяви вынудило Эмили праведно отступить под защиту «Имения». (Как ни странно, но она не почувствовала неодолимой потребности укрыться в безопасности своей кровати, а вместо этого коротала время за домашними обязанностями – испеченного ржаного хлеба хватило бы, чтобы накормить всех зевак, собравшихся поглазеть, как вешают Джона Брауна [133]! Если это свидетельствовало об усиливающейся ее жесто-косердности, она не знала, чем это объяснить, и не знала, нравится ли ей это…)

За это время никто из «Лавров» не искал ее ни для извинений, ни для улещиваний. Правда, Уолт постучал в парадную дверь на следующий же день и был принят Винни.

– Передай ему это, – так откликнулась Эмили на его появление, вручая сестре сложенное стихотворение.

Репей… закогтил мое Платье
Вина не Репья
Но моя…
Слишком близко я подошла
К Берлоге Репья.

Прочитав, Уолт удалился без слов и больше не возвращался.

Эмили была немножко удивлена и опечалена, что океано-глубокий Бард не проявил большей настойчивости. Пламя преклонения, которое он зажег в ней – исключительно такое, какое один Поэт и Свободный Мыслитель может испытывать к другому, – напомнила она себе: разве он не признался, что его сердце навеки обручено с безымянной новоорлеанской бесстыдницей, чей дагерротип он носит с собой, – все еще пылало, как ни гасились угли.

Но какой бы ни была причина, Уолт не уговаривал, не спорил, и Эмили старалась изгнать из своих мыслей и его, и весь помешанный зверинец в «Лаврах».

Однако именно это утро принесло из города невероятную новость, вновь пробудившую в ней властное любопытство к сумасшедшей экспедиции, которую готовили Остин и остальные и которая теперь вынуждала ее вновь посетить Амхерст, хотя она повернулась к нему спиной много лет назад.

– Да, Винни, – сказала Эмили, встала, сняла с крючка свою Мериносовую Шаль и закуталась в нее. – Я готова сопровождать тебя в город. То есть мне кажется, я смогу это сделать, если обопрусь о твою сильную руку.

Винни словно бы растрогалась, и ее ворчливость умерилась.

– Ну, Эм, ничего легче ты у меня попросить не могла бы. Я знаю, тебе это тяжело, но, думаю, очень полезно.

– Ты моя Нянюшка и Исповедник, Винни, и потому я доверюсь твоим словам.

Рука об руку сестры вышли из парадной двери «Имения», прошествовали по уходящей вниз кирпичной дорожке, пересекли периметр невысоких живых изгородей, миновал и деревянную калитку и повернули на восток по пыльному немощеному тротуару Главной улицы.

Эмили вспомнились веселые сладостные прогулки, в которые когда-то отправлялись ее близкие и друзья до того, как они все настолько постарели и ожесточились. Почему нельзя вечно оставаться юными духом?

Идти до города было близко – Амхерст не отличался обширностью, – но Эмили на каждом шагу видела что-то, ее изумлявшее. Простая сельская жизнь – играющие дети, женщины, занятые домашними обязанностями, экипажи и лошади, собаки и лоточники… Все было для нее чудесным, как Сами Небеса.

С болью она снова услышала предостережение Уолта: порывая связи с обычной общей жизнью, она доведет свою утонченность до того, что перестанет существовать.

Проходя по Северной Приятной улице, обе сестры

ностальгически посмотрели на дом, где провели часть своего детства. Из его окон Эмили тогда часто следила, как похоронные процессии движутся извилистым путем к кладбищу, – ее первая осознанная зачарованность Смертью. Об этих печальных и скудных годах, когда Сквайр из-за финансовых затруднений был вынужден временно покинуть «Усадьбу», она тем не менее сохранила несколько счастливых воспоминаний.

Эмили подумала о том, насколько ее жизнь могла бы сложиться по-другому, если бы семья осталась жить ближе к городу, не обрела бы такого благосостояния, не засела бы в своем замке, в «Усадьбе». Быть может, она бы вышла замуж? Или даже уехала отсюда? Теперь это казалось таким неосуществимым…

Впереди открылся Выгон. Эмили заметила, что почти все пешеходы нынче утром направляются в сторону этого пустыря, и заключила, что слухи, которые поманили ее туда, действительно соответствуют истине.

Как и предсказала Винни, возобновление знакомства с городом и правда оказывало на нее бодрящее воздействие. Ласковые майские ветерки все так же веселили ее. Эмили не могла встретить Весну равнодушно. Она ощутила былое желание, торопливость с томительной примесью…

– Прибавь шагу, Винни!

– Не так быстро, Бабочка. Благовоспитанные девицы не бегают на людях.

– Я не благовоспитанная девица, я Королева! А Королевы вольны делать, что им угодно!

Увлекая за собой сестру, Эмили поспешила к собирающейся толпе.

Выгон представлял собой прямоугольное пространство площадью два-три акра, обрамленное и местами усеянное деревьями в яркой майской зелени. Несколько из шести церквей Амхерста выходили на прошнурованный тропками пустырь, как и слегка трущобные, выкрашенные желтой краской строения, известные, в частности, под названием Братский Ряд. Холмистая местность, окружавшая Амхерст, держала в сложенных ладонях места для зрителей – естественный амфитеатр. Окутанные дымкой горы, долины, завершенные ниже.

А теперь, как ясно разглядела Эмили, Выгон щеголял новинкой.

На середине травянистой площадки, закрепленная в своей колыбели на колесах толстыми швартовами, в семидесяти пяти, если не более, милях от ближайшего порта стояла двухмачтовая шхуна, выглядевшая столь же нелепо, как панталоны на туземце Сэндвичевых островов.

Окруженная шумными зрителями шхуна напоминала сбившийся с курса барк, застрявший в косяках плоти.

Подходя ближе, Эмили разглядела подтянутую фигуру профессора Уильяма Крукса, стоящего на палубе. Он наклонялся над землемерным инструментом. Поглядев по направлению трубки, Эмили увидела в некотором отдалении Эндрю Джексона Дэвиса со свинцовым отвесом в руке.

Восемь взмыленных першеронов – без сомнения, те, которые доставили шхуну сюда по дорогам из Восточного Бостона, – были все еще припряжены к колесному днищу. Перед ними с кнутом в руке стоял Генри Саттон, а рядом его подсобник Остин Дикинсон.

Ни Уолта, ни мадам Селяви вокруг не наблюдалось, и Эмили подавила дурную мысль.

– Надо передвинуть ее еще на пятнадцать ярдов дальше, Ген! – крикнул ученый, перекрывая восклицания и шуточки толпы.

Юный Саттон щелкнул кнутом и с помощью Остина погнал упряжку вперед.

– Но-о-о! Поднажмите, молодцы!

Шхуна медленно покатила по траве. В надлежащий момент Крукс резко махнул рукой вниз, сигналя отпрячь першеронов, и Саттон быстро это осуществил, выбив деревянную чеку, скреплявшую постромки. По инерции корабль продвинулся еще немного и остановился.

– Идеально! – крикнул Крукс. – Перо в шляпу ньютоновским законам!

Крукс отошел от своего инструмента, повернулся и обратился к толпе в своей царственной английской манере:

– Леди и джентльмены Амхерста, вам выпала честь стать сегодня свидетелями зари новой эры – эры, в которой регулярное сообщение между царством живых и царством мертвых положит начало Золотому Веку научного богословия. Более жизнь не будет затеняться смертью. А вместо – процветающая коммерция между двумя царствами позволит всем и каждому жить без тревог и страхов, зная, что наши души переживут свои земные оболочки.

Грубый мужской голос в толпе отозвался с насмешкой:

– Может, вы и ваши призраки сумеете разгадать Берделлское убийство!

Упоминание скандала, заполнявшего нью-йоркские газеты года два назад, вызвало бурю смеха. Крукс благодушно его переждал. А когда смех затих, он закончил очень просто:

– Вы увидите очень много и вскоре. Это я вам обещаю. А тогда судите сами.

Затем Крукс повернулся, спустился по веревочной лестнице и

присоединился к трем своим товарищам, которые подкладывали клинья под колеса шхуны. Толпа, убедившись, что пока новых развлечений ждать нечего, начала расходиться.

Винни обернулась к Эмили. Лицо младшей сестры пошло пятнами.

– Ах, Эмили, мне никогда в жизни не было так стыдно! Посмотри на Остина, якшающегося с этими шарлатанами! Как теперь я смогу прельстить мужа?! Не говоря уж о том, как взорвется папа, когда возвратится! Черт знает, как все это обернется!

Эмили еще ни разу в жизни не слышала, чтобы ее сестра употребляла черные слова. Это ее приятно взволновало. Речь Крукса вызвала в ней некую чудесную экзальтацию. Всю жизнь Эмили втайне считала себя бунтовщицей и даже искательницей острых ощущений, хотя у нее эти ощущения оставались исключительно мысленными. «Как я люблю опасность!» – написала она в дневнике своей девичьей юности. И теперь, глядя на этот сказочный, невероятный корабль, стоящий тут подобно пощечине по самодовольной консервативной физиономии Амхерста, она словно почувствовала, что ее настоящая жизнь только-только начинается.

Где был Уолт, чтобы разделить с ней это восторженное волнение и подбодрить ее?

Дергая Эмили за руку, Винни взмолилась:

– Пожалуйста, пожалуйста, вернемся домой… Эмили высвободила руку.

– Можешь сбежать домой, если хочешь, Винни. Но я намерена увидеть, что они затевают.

Винни как будто была шокирована.

– Но, Эмили…

И в этот момент слух Эмили восхитил знакомый звучный тенор:

– Я думаю, лишь моряки вдали от суши способны истинно понять мои стихи.

7
«Належда, оперенная»

Повсюду вокруг Эмили шепчущие Листья, как Женщины, обменивались Новостями Под Секретом.

А так как Эмили тоже была женщиной, она понимала их речи.

Он верен тебе. Он здесь, когда ты нуждаешься в нем.

С сердцем легким, как пушинка, Эмили повернулась.

Он стоял там, вдвое больше натуральной величины: Уолт Уитмен, космос, бурный, мясистый, чувственный, певец самого себя.

Различие между ним в памяти и им вживе – как Алкоголь в Кувшине и Алкоголь между Губами.

Уитмен просиял на сестер, его бородатые щеки пошли морщинами.

– Как приятно видеть вас тут, Эмили. И вас тоже, мисс Лавинья. Самые складки вашей одежды, ваш стиль, пока я смотрел, как вы идете по улице, и особенно ваши нижние контуры безумно меня вдохновляют.

Вытаращив глаза, Винни открыла рот, закрыла его и снова открыла:

– Ну уж!… Эмили, ты сама сумеешь найти дорогу домой!

И с этим восклицанием сестра Эмили удалилась твердым шагом, помахивая рыночной корзиной, как полицейской дубинкой.

Уолт расстроился.

– Боюсь, я обидел вашу сестру. Прошу, простите меня, Эмили. Со мной все время это случается. Я забываю, что не всякий человек так же непосредственен и свободен, как Уолт Уитмен.

– Ах, не верьте ее негодованию, Уолт. Втайне она польщена, я уверена. Просто избегает показать это на людях. Несколько дней назад и я сама могла бы удалиться в притворном негодовании, как требуют приличия.

Уолт положил смелую ладонь на плечо Эмили.

– Едва я увидел вас сегодня, как почувствовал, что изменения, давно в вас назревавшие, почти завершились. Я счастлив, что сыграл в этом роль, пусть и малую.

Против обыкновения Эмили не сочла нужным подорвать свою новую уверенность, проанализировав ее в клочки. Она чуть придвинулась к Уолту, так что его мускулистая рука вся естественно обняла ее плечи. Под защитой его объятия она почувствовала себя еще спокойнее.

– Пойдемте посмотрим, чем занимаются мой брат и его присные.

– Именно туда я и направлялся.

Уолт и Эмили подошли к колесной шхуне. В тени ее высокого носа Остин, Саттон, Дэвис и Крукс взламывали крышку ящика, который только что доставил в своем фургоне местный торговец. Заметив приближающуюся пару, они оторвались от своих трудов. Саттон восторженно приветствовал Уолта, а Остин подозрительно посмотрел на руку, компрометирующую его сестру. Дэвис и Крукс ограничились кивками и вновь атаковали крышку.

– Что тут у нас, Ген? – спросил Уолт.

Крякнув, за него ответил Крукс:

– Идсоплазмовые трубки. Их надо закрепить в предназначенных для них местах и соединить друг с другом при помощи провода. И мы будем готовы отправиться в путь. Возможно, уже завтра.

Под треск дерева и визг гвоздей крышка внушительного ящика наконец поддалась их усилиям. Мужчины осторожно опустили ее наземь, а Эмили с любопытством заглянула внутрь ящика.

Угнездясь в соломе, ряд над рядом, располагались десятки трубок Крукса, все наполненные туманно-серой субстанцией, которая извивалась и закручивалась прихотливыми спиралями.

Горло Эмили сжалось, мешая вздохнуть, дыхание у Грудины замерло на Нуле.

– Уолт… мне нехорошо. Не можем ли мы уйти? Крукс не проявил ни малейшего сочувствия к состоянию Эмили.

– Конечно, идите. Мы вчетвером без труда установим эти электроспиритуальные фиалы. Почему бы вам и барышне не навестить страусов, Уолли? Они больше по вашей части, вы же так распинаетесь в любви к птицам и павианам.

Уолт, казалось, не обратил внимания на полузавуалированное оскорбление.

– Великолепная мысль! Идемте, Эмили, навестим наших оперенных друзей, проникнем в их крылатые предназначения.

Когда они приблизились к краю Выгона, Эмили почувствовала себя лучше. Она попыталась объяснить, что именно на нее так подействовало, не желая, чтобы Уолт счел ее типичной слабонервной старой девой.

– Зрелище этой спиритуалистической слизи подействовало на меня гнетуще, Уолт. Мысль, что вся она источилась из грубой телесной формы мадам Селяви… боюсь, для меня это было чересчур.

– Помнится, мне тоже стало не по себе, когда я впервые

присутствовал при материализации. Но это ощущение исчезает, когда понимаешь, что нет ничего неестественного в любых порождениях нашей земли. Все прекрасно на своем месте, и ничто не бывает не на месте.

Беззаботное признание Уолта, что он наблюдал истечение идеоплазмы, пробудило в Эмили все отвращение, которое она испытала, узнав о неразборчивом поведении мадам Селяви. Вся напрягшись, она остановилась, выскользнула из-под руки Уолта и повернулась лицом к нему.

– Полагаю, вы, следовательно, не видите ничего безнравственного в том, чтобы помогать доить эту непотребную женщину, словно призовую корову! Без сомнения, вы сами часто с радостью предавались такому скандальному занятию. Ведь это же… это… достойно мормонов!

Уолт вздохнул, и Эмили, хотя и сознавая свою правоту, огорчилась, что причинила ему боль. Однако затем его терпеливая улыбка несколько ее ободрила.

– Безнравственность! А я-то надеялся, что вы выше подобных мелочных понятий, Эмили. Нравственно ли море? Или древесная лягушка? Ползучая ежевика нравственна? Нравственность – это жупел мелких умов, если перефразировать моего друга Эмерсона. Я просто ем то, что мне кладут на тарелку, не прибегая ни к хвале, ни к хуле, благодарностям или проклятиям. Жизнь при таком подходе куда приятнее. А что до наших бедных гонимых друзей на берегах Большого Соленого озера – кто может сказать, что их обычай не так хорош, как наш, если не лучше? Во всяком случае, он более естественный. Разве один жеребец не оплодотворяет многих кобыл? Но, если вас это успокоит, буду счастлив заверить вас, что сам я никогда не оказывал материализующей помощи мадам Селяви в… э… способствовании ее истечениям. Это обязанность Дэвиса и профессора.

Слова Уолта и удручили Эмили, и принесли ей облегчение, смутили и успокоили. Ее обрадовало, что Уолт интимно в материализации не участвовал; однако его пренебрежение условностями было нелегко проглотить той, которая – при всей своей независимости – всю свою жизнь провела среди мелочно-пошлых заразных умишек Амхерста.

В конце концов Эмили позволила своей склонности к Уитмену взять верх. Он поэт, и потому обычные мерила к нему неприложимы. Они пошли дальше и весь путь до «Лавров» хранили молчание. Миновав пышность зелени, они оказались перед страусиным загоном. Гигантские птицы сгрудились у изгороди, приветствуя Уитмена, который отвечал им ласковыми

поглаживаниями.

– Думаю, я мог бы бросить все и поселиться с этими птицами, – сказал он. – Такие они мирные и самодостаточные. Они не потеют и не скулят из-за своего положения. Они не лежат во мраке без сна, оплакивая свои грехи. А самое главное, они не доводят меня до тошноты, обсуждая свои обязанности перед Богом!

Все это так соответствовало собственным чувствам Эмили, которая часто воображала себя пчелой или пауком, что она пролила слезинку-другую безмолвной радости. Когда к ней вернулся голос, она спросила:

– Я все еще не понимаю, Уолт, какую роль эти великолепные птицы играют в их экспедиции?

– Вам известно, что движущая энергия для пролома измерений даруется чудотворной стихией, электричеством, а конкретно – системой гальванических пар, ведь так?

– Теперь я это знаю.

– Ну так каждая пара хранит только один заряд – возможно, достаточно, чтобы отправить нас в Обитель Лета, но не на возвращение оттуда. Их необходимо все время подзаряжать с помощью вращения генератора.

– Но почему такие экзотические тягловые животные? Ведь, конечно, лошадь или две вполне могли бы…

– Таковы инструкции принцессы Розовое Облачко, духа-проводника мадам. Она сообщила нам, что страусы – единственные животные с аурой, позволяющей им перенестись вместе с нами в царство духов. В них имеется что-то эфемеричное.

– Этому легко поверить, – сказала Эмили, – только посмотрите на них!

– Красавицы, верно? Я назвал их в честь певиц в моих любимых операх, так как что-то в них напоминает мне этих примадонн. – Уолт принял притворно светский вид. – Мисс Дикинсон, могу ли я представить вас моим дамам? Вот донна Анна и Церлина, Маргарита и Эльза, Лючия и Элиза, Барбарина, Виолетта, Норма, Гильда и Магдалена.

Эмили сделала реверанс.

– Я очень рада.

Тут они оба засмеялись. Хихиканье Эмили постепенно усиливалось в унисон с громовым хохотом Уолта. Им пришлось отступить к скамье, опоясавшей комель могучего развесистого вяза, пока взаимный припадок смеха не кончился.

Когда Эмили наконец обрела дар речи, она сказала:

– Уолт, дорогой, я знаю, почему мой брат и Дэвис и Крукс

участвуют в этой экспедиции. Но каковы ваши побуждения? И вашего юного товарища Генри?

Уолт кашлянул, потом сказал (несколько уклончиво, подумала Эмили):

– О, Ген, отличный малый. И многого добился, если вспомнить его сиротство и грубость, среди которых он рос. Я знаю его с тех пор, как мы работали в «Орле», – десять лет назад, если не больше. Ген был подручным наборщика, а я – редактором, но мы не позволяли этому стать между нами. Мы всегда были большими друзьями. Между нами существует редкая степень ассоциированности, и здесь он просто потому, что я дорожу его обществом.

В «ассоциированности», которую упомянул Уолт, Эмили узнала френологический термин, обозначающий мужскую связанность. Она могла без труда поверить в их отношения, памятуя взгляды, полные приязни, которыми они обменивались.

– Это объясняет присутствие Генри. Ну а ваше?

Уолт взял руки Эмили, как во время их первого тет-а-тет.

– Эмили, то, в чем я признаюсь тебе, я никому не говорил. Они полагают, будто я сопутствую им, просто чтобы набраться мудрости, которая вольет новую силу в мою поэзию. В конце-то концов, какой поэт, чего-то стоящий, откажется участвовать в путешествии в загробную жизнь?

Эмили стало больно, словно Уолт критиковал ее собственное скептическое отношение к их экспедиции. В полном неведении Уолт продолжал:

– И в каком-то смысле это не ложь. В конце-то концов, мой долг – сделать мои песни настолько правдивыми и смелыми, насколько в моих силах. Наша страна, дивная поэма, известная под названием «Америка», вступает в опаснейший период, Эмили. Я в каждом ветерке с юга чую очень много, если вы понимаете, о чем я. И мои песни должны быть сильными, чтобы помочь Америке в ее смутные времена.

Но есть еще одна, более личная причина, почему я хочу побывать в Обители Лета.

Видишь ли, мне надо поговорить с моим отцом.

Уолт умолк и глубоко вздохнул, прежде чем продолжать:

– Мой отец умер в ту самую неделю, когда впервые вышли мои «Листья травы». Он их так и не увидел, не убедился, что я не тратил жизнь понапрасну. Он был неотесанным человеком, мерил успех своим плотницким ватерпасом, и я всегда оставался для него горьким разочарованием. Но не для моей благословенной матери – нет, она всегда верила в своего любимого сына, и она все еще жива и довольна моими трудами. Но мой отец… Ну,

короче говоря, между нами остался неразрешенный вопрос, и если бы мне только удалось еще раз поговорить с ним, я смог бы лучше жить дальше и петь мои песни. Ты понимаешь, Эмили?

У Эмили голова шла кругом, и все мелкие обиды были забыты. Экстатическое страдание бушевало в ее жилах. Ей следовало бы знать, что причина, по которой Уолт связал себя с Провидцем Покипси и его антуражем, не могла быть неблагородной – как и у ее брата.

Обвив руками его шею, Эмили воскликнула:

– Ах, Уолт! Я, никогда не имевшая настоящей матери или отца, которых я могла бы любить, у которых искать поддержки, способна лучше кого бы то ни было сочувствовать вам! Пожалуйста, пожалуйста, простите меня за то, что я была так назойливо любопытна.

– Не мне прощать, и никакой надобности нет, но прощаю.

В экстазе от его слов и от его неотесанной, потной, ароматной близости Эмили закрыла глаза и трепетно ждала. В тот же миг она услышала приближающиеся шаги. Они с Уолтом поспешно отпрянули друг от друга. Но это был всего лишь юный Саттон.

– Уолт, профессор говорит, чтоб ты был так любезен и разбудил цыганку. Они вечером хочут устроить Съянс!

8
«Дух смотрит вниз на прах»

Парализующая застенчивость Эмили не позволяла ей бывать на «Ноктес Амброзиана» [134], которые давались для увеселения сливок Амхерста и гостящих украшений бостонского бомонда. Только через статьи, вырезанные из «Бостон транскрипт» и наклеенные в ее альбомы – бок о бок с журналистскими панегириками, очерками о природе и юморесками, – приобщалась она к радостям этих fetes [135].

Но ей казалось, что эти рауты, какими бы завораживающими и великолепными они ни были, не шли ни в какое сравнение с напряжением и острым волнением, исходившими от необычайного снаряжения и атмосферы и жарких ожиданий в переоборудованной малой гостиной «Лавров».

Тяжелые кроваво-красные гардины были плотно задернуты, чтобы не пропустить ни единого луча – как и большую часть ночных природных звуков. К стенам были прикноплены вырезанные из бумаги кабалистические знаки. Конус «подлинного индусского благовония», как заверил их Дэвис перед тем, как выйти из комнаты, тлел в блюдечке, ароматизируя воздух языческими тайнами. Свет исходил только от пары толстых трупно-желтоватых свечей.

Казалось даже, что находятся они вовсе не в Новой Англии, а где-то еще.

В качестве главного реквизита был задействован хлипкий столик. Вокруг него тесно сдвинули семь стульев, пять из которых были заняты: у одной стороны сидела Эмили, а слева от нее Уолт; по часовой стрелке от певца Манахатты сидели Саттон, Остин и Крукс. Два пустых стула отделяли их от Эмили.

Под столиком колени сидящих прижимались друг к другу в близости, которая, не будь их цель строго научной, была бы верхом неприличия.

Эмили ощущала в воздухе некую странность, гармонировавшую с теми редкими одинокими мгновениями, когда она чувствовала, что завеса между живыми и мертвыми была заметно тоньше, чем полагает большинство людей…

Есть миг, когда Душа близка
К тому, что отнято…
И Лики тех, кто погребен,
Как прежде видим вдруг…

И будто в Склепе не истлев,
Приходит Детства Друг…
И та же куртка все на нем…
Мы давними утрами
Играли, Дети, но теперь…
Разделены мирами.

Предчувствия эти склоняли Эмили преодолеть естественную брезгливость к мадам Селяви и отнестись к французской спиритке без малейшего предубеждения до решающей проверки. Эмили терпеливо ждала появления французского медиума и ее ментора, напоминая себе, что раз ее возлюбленная Элизабет Баррет могла терпеть эти глупости, то сможет и она.

Однако не все участники были столь же покладисты.

– Чертовски глупый способ для решения научной проблемы, – взорвался профессор Крукс после нескольких секунд нетерпеливого ерзанья.

Раздор между Дэвисом и Круксом возник из-за вопроса о том, как именно располагать идеоплазменные трубки на корабле. Дэвис настаивал на ритуальной пентаграмме, тогда как Крукс предпочитал более евклидовское расположение, чтобы их сила распределялась симметрично. В конце концов спорящие договорились прибегнуть к третейскому суду мира духов – хотя Крукс, казалось, теперь сожалел о своем согласии.

Прежде чем натуралист успел снова дать выход своему раздражению, дверь открылась, и вошли Провидец Покипси и мадам Селяви.

Дэвис был в своем обычном костюме и очках, но голову увенчал лиловым атласным тюрбаном, концы которого скрепляла огромная брошь с поддельным бриллиантом. Эмили этот головной убор предательски напомнил дамский кушак, который она видела на страницах раздела моды «Круглого года». Босая, с обнаженными руками мадам Селяви облеклась в широкое ниспадающее одеяние из белого муслина. Судя по тому, как ее обильная плоть приплясывала под муслином, медиум, видимо, расшнуровалась и сбросила корсет – быть может, чтобы идеоплазме было свободнее циркулировать…

Дэвис благославляюще воздел руки.

– Медитация мадам Селяви привела ее дух в гармонию с высшими силами. Она теперь заряжена и готова к истечению. Во имя Азар-Ун-Нефера и Сехет, Аламписа и Кобаха, Велиала и Ивша-деваты пусть же распахнутся врата!

Мадам Селяви заняла свое место во главе столика,

оказавшись прямо справа от Эмили. Тем временем Дэвис установил пергаментный экран перед двумя свечами, погрузив комнату в еще более густой сумрак. Затем он занял последний пустой стул между Круксом и медиумом.

– Пожалуйста, все соедините руки и постарайтесь успокоить и открыть свой разум. Духи чрезвычайно чувствительны ко всякой негативности. И помните: вы ни в коем случае не должны разрывать кольцо до официального завершения сеанса! В противном случае я не отвечаю за последствия.

Эмили подумала, что Дэвис, упоминая «негативность», свирепо посмотрел прямо на нее. Но густота теней не позволяла быть ни в чем уверенной.

Как бы то ни было, она выполнила инструкцию: левой рукой крепко ухватила лапищу Уолта, а правую предоставила пухлому и липкому пожатию мадам Селяви.

Едва кольцо замкнулось, как ветер, взявшись словно ниоткуда, пригнул огоньки свечей. На лице мадам Селяви изобразилось мучительное напряжение. Эмили заметила, что на ее усатой верхней губе выступил пот.

Внезапно из дальнего угла гостиной донеслись громкие стуки. И одновременно без всякой видимой на то причины столик запрыгал и загарцевал, будто резвый жеребенок.

Дэвис произнес приглушенным голосом:

– Дух-проводник, или эпипсихидион, проникает в самое тело мадам.

Глаза медиума закатились – видны были только белки. Затем она заговорила высоким девичьим голосом, совершенно не похожим на ее собственный низкий тембр:

– Зачем Большой Вождь Дэвис вызывай маленькую Розовое Облачко?

– Принцесса Розовое Облачко! Как благодарны мы тебе, что ты отозвалась на наш зов. Мы знаем, как тяжко тебе отрываться от великолепия Обители Лета, чтобы беседовать с нами, простыми смертными…

Вмешался Крукс:

– Хватит призрачных любезностей! Спросите ее про трубки!

Дэвис сохранил полную невозмутимость.

– Принцесса Розовое Облачко, мой друг, хотя и резок, коснулся предмета нашей встречи. Нам необходимо узнать, как следует расположить вместилища идеоплазмы на нашем корабле. Не будешь ли ты так добра, не просветишь ли нас?

Наступила пауза. Затем:

– Ах! Трудно увидеть… Погоди! Сделать священную печать. Но также помещать трубки высоко и низко, покрывать большое

каноэ, как бизонья шкура покрывать типи вождя.

– Хм! – сказал Крукс, но, видимо, был удовлетворен компромиссом.

– Благодарим тебя, принцесса. Теперь ты можешь удалиться…

– Погодите!

Голос Остина. Эмили содрогнулась, увидев, как горе исказило лицо брата.

– Прошу тебя, не могла бы ты передать мне весть от моих нерожденных детей? Они знают, что я прибуду обнять их?

– Малютки, которых плохая скво убивать, ждать отца на полях счастливой охоты.

По лицу Остина покатились слезы.

– Благодарю тебя, принцесса, благодарю тебя…

Теперь, скрепив сердце против горя Остина, заговорила Эмили в согласии со своим тайным планом, который скрывала даже от Уолта:

– У меня тоже есть вопрос к духу, если мне будет дозволено.

Дэвис чуть-чуть поколебался, затем сказал:

– Разумеется, но я ничего гарантировать не могу.

– Я понимаю. Принцесса, мой вопрос к Леонарду Хэмфри, моему старому учителю. Можете ли вы найти его?

Мадам Селяви поизгибалась и поизвивалась, прежде чем ответить:

– Да, Леонард быть со мной тут.

– Спросите его, пожалуйста, что он имел в виду, когда сказал, что мои стихи труха?

– Ах! Леонард приносить большое извинение. Он говорить, что не видеть их достоинства живыми глазами. Но теперь он видеть, они очень хорошие песни.

Эмили улыбнулась.

– Благодарю вас, принцесса.

Хэмфри никогда ничего подобного Эмили не говорил, он даже вообще не видел ни одного из ее детских излияний, робость мешала ей открыться ему.

– Если больше ни у кого нет вопросов… Отлично, мы завершаем сеанс.

Заговорила мадам Селяви:

– Принцесса Розовое Облачко хотеть помахать на прощание.

– Идеоплазмовая манифестация! Великая честь для нас, принцесса!

Как ближайшая соседка медиума Эмили первая узрела манифестацию. Затененная часть одеяния медиума на ее коленях всколыхнулась и словно начала приподниматься, обретать форму (Эмили даже думать не хотела, откуда «идеоплазма»

предположительно истекает на сей раз). Через несколько секунд над столиком, помахивая, появилась светящаяся бледная рука.

– До свидания, до свидания. Я видеть вас в Обители Лета…

Эмили вскочила, прервав контакт справа и слева, и схватила идеоплазмовую конечность.

Мадам Селяви завизжала. Столик опрокинулся – из-за толчка Дэвиса, позже заключила Эмили, хотя в тот момент столик словно бы прыгнул по своей воле, – и воцарился общий хаос.

К тому времени, когда Уолт зажег бра с ворванью, воцарился относительный порядок.

Посреди комнаты стояла Эмили, с торжеством подняв вверх свой приз.

– Посмотрите! – воскликнула она. – Легкий каркас на складывающемся пруте, обвернутый влажным муслином. Полагаю, вы найдете прорезь в ее балахоне, откуда он высунулся, пока она выдвигала его пальцами ног!

Мужчины уже отнесли словно бы бесчувственную мадам Селяви на диван, и она неподвижно распростерлась на нем. Дэвис в позе глубокой озабоченности возле нее теперь свирепо уставился на Эмили.

– Разумеется, сейчас это выглядит так! Едва вы разорвал и звено с медиумом без надлежащего ритуала, идеоплазма преобразилась в наиболее близкий ей земной аналог! Надеюсь только, что вы не убили ее своим кощунственным неуважением!

Эмили швырнула приспособление на пол.

– С помощью подобной логики я могу превратить колибри в дракона! Если вы верите этому мошеннику, вы все ополоумели. Надеюсь только, что не упаду со смеху, когда ваша экспедиция закончится полным фиаско!

Видимо, с трудом владея собой, Остин подошел к сестре.

– Безусловно, тебя там не будет после такой безобразной выходки!

Эмили засмеялась.

– Ах, Остин, ты ошибаешься. Я буду там, и не просто как зрительница, но как член экипажа, иначе я протелеграфирую папе все подробности этого мерзкого дела. И поверь мне, земной телеграф работает не хуже небесного!

При упоминании Сквайра Остин побелел. Почва была выбита у него из-под ног.

Теперь урезонить ее попытался Крукс:

– Откуда такое настойчивое желание сопровождать нас, мисс Дикинсон, если вы не верите в наш успех?

Эмили отошла к Уолту.

– Я намерена помешать тому, чтобы тех, кого я люблю,

представили дураками и больно ранили.

Не соглашаясь с Эмили и не возражая ей, Уолт сказал:

– Или наши мечты настолько зыбки, господа, что мы не можем потерпеть рядом одного скептика с ясным взором? Если наша теория верна, ее присутствие нам не помешает.

Со стороны дивана донесся стон. Все обернулись к распростертой мадам Селяви.

– Пусть petite [136] неверующая отправится с нами. Это никакого значения не имеет… Ибо она не вернется!

9
«Земля по носу! Вечность!»

Шествие страусов по улицам Амхерста привлекло немалое внимание и людей с положением, и черни.

С Генри Саттоном во главе, ласково подгоняемые Уолтом, помахивающим хворостиной – чей вольный костюм на этот раз вполне подходил к его роли пастуха, – великолепные тропические птицы гордо шагали по пыльным мостовым, увлекая за собой толпы зевак.

Эмили пришлось бежать, чтобы не остаться позади этой процессии мужчин, женщин и шалящих детей, – нелегкая задача в ее длинном белом платье. В конце концов она дерзко подобрала юбки, открыв несколько дюймов лодыжек и икр, и сумела поравняться с Уолтом. Весной Безумье нам любезно, оно и королю полезно, напомнила себе Эмили. И Бог свидетель, это была самая безумная весна в ее жизни!

Потребовался не день, а целых три, чтобы расположить идеоплазмовые пропульсионные приспособления так, как устроило и Крукса, и Дэвиса. В чем Эмили убеждалась, посещая Выгон ежедневно. Она еле удерживалась от смеха, наблюдая эту бесполезную кипучую деятельность. Ведь, конечно, трубки окажутся таким же надувательством, как третья рука мадам Селяви…

Все это время Остин и Саттон нагружали шхуну всякими необходимыми припасами: палатками, бутылками с водой, провизией, веревками, кормом для страусов. Эмили они напоминали тот Скот, что меньше Пчелки и кормится случайной Крошкой…

Что до Уолта, он просто исчез после сеанса. На следующее утро за завтраком Эмили нашла возле своего прибора краткую записку с отрывком из стихов самого скитальца:

> Пешком и с легким сердцем в путь отправлюсь,
> Здоровый, вольный – мне весь мир открыт.
> Дорога бурая ведет меня, куда хочу я.

Эмили разбила верхушку яйца всмятку как будто недрожащей рукой, хотя внутри нее забушевала буря неуверенности.

Она вовсе не собиралась объявить о своей любви к Уолту вслух, и уж меньше всего во время сеанса, обернувшегося такой сумятицей! И все-таки сделала она именно это.

Какой-то дьявольский порыв понудил ее выболтать свои истинные чувства к Уолту, чувства, в которых она избегала признаться даже самой себе.

И теперь ее слова, казалось, обратили в бегство предмет ее привязанности. В том ли причина, что он не отвечает на ее глубокую преданность? Или же его чувство к ней так сильно, что он боится оставаться с ней рядом? Скорее всего первое.

Его Достоинств, знаю,
В Сомнениях страшусь…
Ведь рядом с ним сама я
Ничтожною кажусь…
Что, если мой Возлюбленный
Найдет меня не Той…
Вот почему повергнут
В смятенье Разум мой…

Ну, взять назад те слова было невозможно, даже если бы она хотела, и ничего больше она предпринять не могла, пока Уолт не вернется… если вернется.

И потому она хладнокровно съела свое яйцо всмятку.

Но в это же самое утро, привлеченная к окну своей спальни, выходившему на Главную улицу, особым топотом пробегающего стада страусов, Эмили увидела косматую фигуру своего возлюбленного.

Она поспешно завершила свой туалет. Карло, учуяв ее волнение и поспешность, залаял и запрыгал. Эмили окатила внезапная волна чувств. Она твердо знала, что, бросившись за Уолтом, приобщится к великому приключению, которое может навеки разлучить ее с ее четвероногим другом, будь то бегство с любимым или брак, смерть или безумие.

Эмили крепко обняла большого пса, а затем заперла его в спальне.

К тому времени, когда она вышла на улицу, процессия уже намного удалилась. Вот чем объяснялась ее нескромная торопливость.

Но теперь она поравнялась с волосатым пастухом.

– Уолт! Подожди!

Уолт послушно остановился. Страусы продолжали путь без него, толпа обтекала их, мешая им метнуться в сторону. Вскоре два поэта остались в одиночестве, шум и суматоха замерли, едва процессия скрылась за поворотом.

Уолт стоял неподвижно. Эмили обогнула его, чтобы посмотреть ему в лицо. И с облегчением увидела, что его

безмятежные мужественные черты при ее появлении не отразили ни отвращения, ни огорчения, чего она втайне опасалась. Совсем напротив, он ласково улыбнулся ей и снял свою обвислую черную шляпу.

– Эмили, дорогая, рад увидеть вас еще раз до нашего отбытия.

– Так оно назначено на сегодня! Поспешим, не то они отправятся без нас.

– Неужели вы все еще намерены подвергнуться опасности в такой рискованной экспедиции? Прошу…

– Ну разумеется. Никакой опасности я не предвижу… но если и так, неужели выдумаете, что я допущу, чтобы мой Учитель кинулся ей навстречу без меня?

Уолт вздохнул и вернул шляпу на голову. Взяв Эмили под локоть, он сказал:

– Пойдемте. На ходу мне лучше думается. Вот так я провел последние дни.

Они направились к центру города. Через несколько шагов Уолт заговорил:

– Эмили, я не думаю, что вы по-настоящему меня знаете…

– Да нет же, нет, Уолт, я знаю! Ваша душа прозрачна для меня, как лед над ручьем.

– Не могу согласиться. Мы едва познакомились, а вы уже считаете меня своим Учителем. Это одно указывает на то, как неверно вы обо мне судите. Я ничей не учитель, даже, боюсь, не свой собственный! Я все еще тайна для самого себя – после стольких-то лет. Как же я могу не быть тайной для вас?

– Но я люблю вас, Уолт! Уж конечно, это превосходит простое понимание!

– Да-да, согласен. Но, Эмили, подразумеваем ли мы одно и то же, когда говорим о любви? С тех пор как я покинул мою вечно качающуюся колыбель, я пребываю в жесточайшем недоумении о природе любви. Я постоянно болел влюбленной любовью. Разве земля не притягивает? Разве вся материя, изнывая от боли, не притягивает всю остальную материю? Вот так и мое тело для всего, с чем я встречаюсь, что знаю! Меня не удовлетворяет всего лишь большинство – я должен обладать любовью всех мужчин и всех женщин на земле!

– И у тебя есть моя, Уолт! Все мое сердце!

– Эмили, послушай. Из катящихся валов океана, из толпы, ты пришла ко мне кроткая, такая же капля, как я сам. Ты прошептала: «Я люблю тебя. Я проделала долгий путь просто поглядеть на тебя, коснуться тебя». И это хорошо. Но я отвечаю: «Теперь, когда мы встретились и посмотрели, мы спасены!

Вернись в мире к океану, любовь моя. Я тоже часть этого океана, любовь моя. Мы неразлучны. Узри великую сферу, слепление всего, какое совершенство!»

Эмили услышала только слова «любовь моя», повторенные дважды. Путешествие в Обитель Лета было излишним: она уже пребывала в Раю.

– Как тебе угодно, Уолт. Я довольна. Присоединимся же к остальным.

– Только если ты истинно понимаешь меня, ma femme…

– Да, будь уверен, понимаю.

Остальной путь до Выгона они прошли молча.

Толпа собралась колоссальная. Не только людская масса заполнила пустырь, но зрители свешивались изо всех окон окружающих домов. Молодые школяры из Братского Ряда, явно уже под хмельком, распевали какую-то хриплую песенку о теле Джона Брауна – видимо, их представление о надлежащем напутствии для такого торжественного путешествия.

Эмили удивилась, что ни светские, ни религиозные власти не вмешались, чтобы положить конец по сути богохульной экспедиции. Ей оставалось только предположить, что в ход были пущены и деньги, и дикинсоновское влияние.

Сам корабль – с еще свернутыми парусами – преобразился в подобие рождественской елки, изукрашенной шарами. С его оснастки и надстроек свисали заряженные трубки Крукса в паутине электрических проводов. Их подозрительное содержимое, казалось, породило нимб вокруг каждой и заставляло колебаться самый воздух. Это создавало призрачный эффект, и Эмили все еще не могла понять, с помощью какого фокуса мадам Селяви удавалось его создавать.

Последняя страусиха – Норма, подумала Эмили, – как раз поднималась по длинному, очень пологому трапу. Уолт и Эмили последовали за птицей на борт.

Остальной экипаж уже ждал их там.

Остин первым увидел Эмили. Она приготовилась парировать его ожидаемые упреки и совсем растерялась от его слов:

– Хотя уже слишком поздно привести в исполнение твою угрозу телеграфировать папе и тем самым насильственно обеспечить себе участие в экспедиции, мы приглашаем тебя, сестра, сопутствовать нам. Вопреки твоей очевидной и беспочвенной неприязни к мадам Селяви она любезно ходатайствовала за тебя.

Эмили с подозрением посмотрела на медиума, получив в ответ насмешливый книксен и улыбку, напоминавшую выражение на морде одной из кошек Винни, подбирающейся к пернатой

добыче.

Теперь заговорил Крукс:

– Если все томагавки хотя бы временно закопаны, быть может, нам следует вернуться к науке. Наше отбытие намечено точно на полдень, а у нас еще остались кое-какие дела. Генри и Остин, пожалуйста, уберите трап. И мистер Уитмен, не соблаговолите ли вы?…

Крукс вручил Уолту бутылку шампанского. Взяв ее, Уолт ответил:

– Это большая честь, сэр, – и направился на нос.

При появлении поэта там толпа взревела, затем умолкла. С тем достоинством, которое отличало его частые публичные выступления, Уолт обратился к зрителям:

– Вот слова моего доброго убеленного сединами друга Уильяма Каллена Брайанта, и я считаю, что они отвечают нынешнему событию:

Живи же так, чтоб, услыхав призыв,
Присоединиться к каравану множеств,
Что движется к таинственному царству,
Где каждый свой приют найдет в безмолвных
Чертогах смерти, не был ты подобен
Рабу в каменоломне, кто в свою темницу
Бредет, гоним бичом, но твердый в вере.
Приблизься же к своей могиле так, как тот,
Кто полог своего задернет ложа
И ляжет, чтобы сладким снам предаться.

При последних словах Уолт могучим ударом разбил бутылку о корпус корабля с зычным криком:

– Крещу тебя «Танатопсис» [137]!

Шампанское и осколки стекла обдали ближайших зрителей. Воцарилась оглушенная тишина. Уолт повернулся было, чтобы уйти, но тут же снова повернулся лицом к толпе.

– Часы показывают момент – но что показывает вечность? – спросил он.

Никто не ответил ни в шутку, ни серьезно.

Уолт повернулся к остальным. В глазах Эмили он будто увеличивался, как если бы сбрасывал путы цивилизации, готовясь померяться своей большой душой с самой смертью, разминая свои духовные мышцы в преддверии к некой небесной борцовской схватке.

– Ну-с, камерадос, наш корабль благородно окрещен. Остается только поднять паруса. О, капитан, мой капитан – уже

пора?

Крукс сверился с карманными часами.

– Почти. Давайте ляжем на наши кушетки. Заговорил Дэвис:

– Вскоре мы поплывем по Бухте Семи Душ, принцесса Розовое Облачко встретит нас на Гранатовых обрывах, и наши заветнейшие мечты осуществятся.

Остин сказал:

– Скоро я обниму моих деток.

– И c'est vrai [138], после моего возвращения ни один медиум не сравнится со мной.

Крукс повел свой экипаж на корму к кольцу кушеток, несимметрично привинченных к палубе. Внутри кольца идеоплазмовые вместилища образовывали пентаграмму. С одной стороны в сложном порядке стройно выстроились плотно закупоренные металлические канистры и большие странного вида часы. От канистр тянулись резиновые трубки, по две к каждой кушетке. Каждая пара этих трубок завершалась гуттаперчевой маской для лица.

– Мисс Дикинсон, только вы одна не осведомлены о наших мерах предосторожности, а потому слушайте внимательно. Принцесса Розовое Облачко предупредила нас, что переправа с Земли в Обитель Лета сведет с ума человека, если он будет в сознании. Посему мы сочли за благо проделать это путешествие во сне, в таком же неведении об опасностях, как окаменелости профессора Агассиса.

Одна из канистр наполнена эфиром – газом, обладающим свойством усыплять мозг. Быть может, вы слышали о нем в связи с недавними экспериментами по родовспоможению в Центральной массачусетской клинике?… Вторая канистра содержит чистый кислород. Клапаны обеих контролируются вот этими multum-in parvo [139] часами – своего рода электромеханическим прибором для засечения времени. За пять минут до полудня часы включат подачу эфира в наши маски. В полдень они же перекроют подающие трубки. Каких-то шестидесяти секунд будет достаточно, чтобы завершить переброску, и в тот же миг мы все будем разбужены ураганом свежего кислорода. Так вот: готовы ли вы доверить свою жизнь такому механизму?

Неколебимая уверенность ученого – сходная в чем-то с новой бравадой Уолта – вдохновила Эмили. Она ответила:

– Если вы ручаетесь за это приспособление, то я доверюсь ему… и вам, сэр.

Крукс улыбнулся.

– Вот и хорошо. Момент приближается. Дамы и господа,

прошу на кушетки!

Бесстрашные аргонавты, готовясь к отправлению в другое измерение, улеглись на подушках, набитых конским волосом.

Эмили кончиками пальцев взяла свою маску, надела ее и завязала. Закрыв ей рот и нос, маска вызвала у Эмили клаустрофобическое ощущение, будто ее заключили в новейший Металлический Погребальный Футляр Фиска.

Она и правда почувствовала себя мертвой – старейшие ее страхи наконец осуществились.

Уолт занял кушетку прямо напротив нее. Эмили перехватила его взгляд, он подмигнул, и ей сразу стало легче.

Солнце светило прямо над головой, шум толпы доносился до Эмили, будто бессловесный гремящий шум прибоя.

Зашипел газ. Эмили задерживала дыхание, хотя ее легкие готовы были лопнуть, но в конце концов не выдержала и сделала вдох.

Сон – трибуна, куда ни кинешь взгляд, по сторонам за рядом ряд Свидетелей толпы стоят.

Осушая последние капли забвения, она услышала щелчок клапана, за которым последовал Громовой Раскат Рока.

10
«Уронен в акр эфира в одеянии мужеложца»

Ее прах воссоединился и остался жив. На Атомы ее были наложены Черты, царственные, вобранные, немые.

Она была Созданием, облаченным в Чудо. Это была Мука, величественнее, чем Восторг. Это была… *Боль Воскрешения.*

Если Смерть была Тире, то сама она, несомненно, противолежащий дефис.

Все еще вытянувшись на кушетке, смутно заметив, что полуденное небо над ней каким-то образом приобрело закатные оттенки – покров из золота и алости, пурпура и опала, – Эмили поднесла дрожащую руку к лицу и попыталась снять маску.

Над ней возникла фигура озабоченного Уолта.

– Погоди, Эмили, разреши мне.

Он снял с нее маску и помог ей сесть. Эмили заставила свои глаза сосредоточиться на их спутниках, которые мало-помалу приходили в себя, приподнимались, кое-как снимали анестезирующие приспособления.

– С тобой все в порядке? – спросил ее Уолт.

– Я… мне кажется, что да. Хотя я словно боюсь признать это тело своим. Что произошло? Мы действительно миновали рубеж смерти?

– Видимо, да. Но давай поможем остальным, и тогда мы увидим то, что увидим.

Вскоре все путешественники уже стояли на ногах, хотя и подгибающихся.

Затем впервые они осмелились поднять глаза и посмотреть за пределы «Танатопсиса».

То, что они увидели, заставило их всех сомнамбулически шагнуть к перилам.

«Танатопсис» стоял на колесах посреди словно бы безграничной абсолютно плоской равнины, окаём которой каким-то образом казался более отдаленным, чем земной горизонт.

И равнину покрывала изумрудно-зеленая, почти светящаяся трава, скошенная, или подстриженная, или благодаря природному самоограничению уподобившаяся ровной бархатистости газонов какого-нибудь Вельможного Поместья. И кроме этой травы, никаких иных примет.

Они стояли, застыв, в растерянном молчании, пока Уолт не разразился громовыми взрывами хохота, за которым последовала

восторженная, почти безумная речь:

– О мой милый Боже! Я был прав с самого начала. Как прекрасно, как справедливо, как совершенно. Когда-нибудь какой-нибудь поэт получал более верное подтверждение своих видений? Прошу вас, кто-нибудь… спросите меня, что такое эта трава!

Эмили сказала послушно:

– Что… что такое эта трава, Уолт? Уолт выпятил грудь и задекламировал:

– Спросил ребенок: «Что такое – трава?» и полные ее принес мне горсти. Как мог ответить я ребенку? Я этого не знаю, как и он. Догадываюсь я: должно быть, это флаг моей природы, сотканный иззелени надежды. Еще догадываюсь: это Господа платок, надушенный подарок и напоминание, оброненный нарочно и с именем владельца где-то в уголке, чтоб мы могли увидеть, и заметить, и спросить: «Он чей?» Еще догадываюсь я, что это – единые, иероглифические, не стриженные волосы могил!

Юный Саттон захлопал в ладоши.

– Браво, Уолт! Ты все это видел еще до того, как мы добрались сюда!

Теперь нерешительно заговорил Дэвис:

– В мои расчеты, видимо, вкралась неточность. Совершенно ясно, что это не Бухта Семи Душ.

– Более чем очевидно, – согласился Крукс.

– Мне надо свериться с моими картами в каюте. Без сомнения, такая обширная географическая примета, как эта зеленая пустыня, должна быть на них отмечена, даже если это область Обители Лета incognita [140]. В любом случае тревожиться оснований нет. Как только принцесса Розовое Облачко телепатически определит наше местонахождение, она материализуется здесь и астральными средствами перенесет пас в Замок Кошениль, где мы будем вести беседы с Аристотелем и Сократом, с Чосером и Шекспиром среди прочих бесчисленных духовных светил.

Дэвис с надеждой обернулся к мадам Селяви.

– Вы не могли бы установить контакт с принцессой, дорогая Хрозе?

Мадам Селяви закатила глаза и напрягла свои лицевые мышцы, словно пытаясь выдавить не идеоплазму, а почечный камень.

– Космический телеграф полон помех. Меня подавляет близость стольких духов…

Эмили чуть было не спросила, каких это духов? Но тут

заговорил ее брат:

– Кто-нибудь обратил внимание на солнце? Теперь все искоса посмотрели на раздутый оранжевый шар, почти касающийся горизонта. Целых пять минут они не спускали с него глаз, но он не опустился ни на йоту. Слеза обожгла щеку Эмили, и она прервала молчание:

– Спустился сумрак ниже… ниже. Роса не пала на Траву… лишь на моем осталась Лбу… скатилась на мое Лицо. Я знаю этот Свет. Мое настало Умиранье… но не страшусь я это знать.

– Ваше умирание позади, – возразил Крукс. – Это что-то совсем другое.

С этими словами Крукс, сделав видимое усилие, чтобы стряхнуть с себя парализующую слабость, решительно направился к трюму, откуда доносились жалобные крики страусих.

– Остин, Генри, идите помогите мне справиться с птицами, пусть вращают генератор. Мы должны подзарядить гальванические пары на случай, если потребуется безотлагательно вернуться. Мистер Дэвис, вы и мадам, по-моему, должны сосредоточиться на установлении нашего местопребывания и любых предположительных обитателей Обители Лета. Ну а наши два барда… продолжайте сбивать ваши забавные стишки до следующих распоряжений.

Все разошлись, чтобы заняться своими обязанностями, и Уолт с Эмили остались у борта одни.

Вопреки непредвиденным и необъяснимым обстоятельствам, в которых они оказались, Эмили чувствовала, как в ней растут уверенность и спокойствие. Было ли причиной торжество Уолта, которым теперь светилась каждая унция его могучего тела, или капитанская аура Крукса, или сочетание того и другого, она не могла бы сказать. Но каким бы ни был источник, она не только не опасалась за свою судьбу в этом необычном месте, но скорее была исполнена приятных ожиданий.

Эмили уже собралась поделиться своими чувствами с Уолтом, как вдруг заметил а два осенних ручейка слез, струящихся по его бороде.

– Уолт, что тебя тревожит? – сказала Эмили, беря его руку в свои.

– Трава. Она говорит со мной.

– И что она говорит?

– Она утверждает… она утверждает, что она – мой отец. Еще одна пауза, пока Уолт слушал то, чего Эмили не слышала. Затем, встряхнувшись, он заговорил уже не столь самоуглубленно:

– Прилив зеленый подо мной! Тебя встречаю лицом к лицу! Облака на западе! Солнце там вовек на полчаса до заката! Тебя я

также встречаю лицом к лицу! – Он повернулся к Эмили полностью. – Мы завершили переправу, куда более великую, чем мои прежние на Бруклинском пароме, а их я считал несравненными! Но сейчас мы там, где не правят ни время, ни пространство, как и расстояния. Теперь мы с мужчинами и женщинами всех поколений, прошлых, нынешних и будущих. Это подтверждаю я.

В ту же секунду из трюма поднялись трое, спустившихся туда. Все трое являли разные степени обескураженности, от крайнего волнения Крукса к унылой озадаченности Остина и до сочувственного непонимания Саттона.

– Капитан, – окликнул Уолт, – что происходит? Крукс вынул из жилетного кармана шелковый носовой платок и утер лоб. Его лицо было белым, как любимый цветок Эмили – вертляница, более поэтично прозванная Индейской Трубкой.

– Гальванические пары не принимают заряда. Все в полнейшем порядке. Но ток генерировать не удается. Это выглядит… это выглядит так, словно мы действуем в системе новых естественных законов.

– Означает ли это, что мы здесь в ловушке, профессор? – сказала Эмили.

– Боюсь, что так. По крайней мере насколько нам может помочь наука. Посмотрим, на что окажутся способны наши спириты…

Крукс направился к двери, которая вела в каюты, и постучал:

– Мистер Дэвис! Мадам Селяви! Не подниметесь ли вы сюда? Нам необходимо сказать вам кое-что.

Внутри слышались приглушенные шепоты. Они становились все громче и пронзительнее, пока не завершились четким «Batard!» [141], за которым последовал шлепок ладони, вошедшей в резкое соприкосновение с плотью.

Вскоре затем на палубу вышли лучший медиум Парижа и Провидец Покипси; последний щеголял красным отпечатком пятерни на щеке.

Заговорила мадам Селяви:

– Я вступила в контакт с Розовым Облачком, но туг мной завладела злая сущность. Гнусная тварь материализовала идеоплазмическую руку и набросилась на cher Дэвиса. Только благодаря великолепнейшим усилиям смогла я изгнать эту мерзость из себя и сохранить рассудок.

Несмотря на их беду, Крукс улыбнулся.

– Так-так. Но что успела сказать вам принцесса?

– Tout le monde [142] могут чувствовать себя спокойно. Наше появление здесь было устроено духами. Они направили наш

корабль в эти зеленые пустоши не просто так. Наши земные души еще недостаточно очистились, чтобы выдержать тет-а-тет с духами в их собственных владениях. Принцесса Розовое Облачко очень сожалеет, но другого выхода не было. Она никак не могла этого предвидеть до нашего прибытия. В конце-то концов, наша экспедиция – un premier [143]. А потому нам предписано немедля вернуться в нижние сферы и усовершенствовать наши души, прежде чем предпринять вторую поездку.

– Я бы хотел исполнить их предписание, мадам, так как полагаю, что для нас это самое разумное. Но, к несчастью, наша электрическая система вышла из строя.

– Как?! – взвизгнула мадам Селяви, обрушив свое объемистое тело на Крукса и молотя его по груди кулаками. Худощавый ученый выдержал эту внушительную атаку выше всяких похвал. – Ты лжешь, ах ты, тухлая скотина! Мы не можем застрять в этом чертовом месте! Ты нас сюда переправил, подлый алхимик! А теперь, черт тебя дери, изволь вернуть!

Град ударов оборвался, и медиум упала на палубу без чувств. Уолт и Остин помогли уложить ее на кушетку.

– Французский прононс мадам как будто стал нашей первой потерей, – сухо заметил Крукс.

– Явный случай повторной одержимости, вызванный страшным открытием, – слабо оправдывался Дэвис. – Кстати, полагаю, вы не шутили…

– Вы полагаете правильно.

– Быть может, – сказал Уолт, – нам следует слегка подкрепиться и обдумать, что делать дальше.

– Превосходная мысль.

– Я накрою на стол, – предложила Эмили, обрадованная тем, что наконец-то может заняться чем-то полезным.

Вскоре общество из шестерых уже сидело за неприхотливым ужином у серванта, знакомого Эмили по «Лаврам». Ели они в мрачной тишине. Эмили вдруг заметила отсутствие гудения, стрекота и жужжания насекомых. Видимо, астральная прерия обходилась без кузнечиков и цикад, жуков и мух.

Они кончили есть, и тут к ним присоединилась мадам Селяви. Без каких-либо упоминаний о своей вспышке она с аппетитом набросилась на еду. Когда она насытилась, Крукс заговорил об их положении:

– На мой взгляд, у нас есть только два варианта: оставаться здесь на нашем бесполезном корабле, пока не кончатся наши припасы и мы не поумираем от истощения. Или мы можем отправиться по этой мирной глуши на поиски чего-то или кого-то, кто сможет помочь нам. Кто-нибудь предложит что-то другое?

Все промолчали.

– Прекрасно. Поставим на голосование. Мистер Уитмен?

– Отвинтите замки от дверей! Отвинтите двери от петель! Если только час отделяет меня от безумия и радости, так не запирайте меня!

– Я рассматриваю это как предложение отправиться в путь. Мисс Дикинсон?

– Когда карета Смерти останавливается, в нее остается только войти.

– Еще «за». Сократим процедуру. Кто-нибудь хочет остаться на месте? Нет? Да будет так. Начнем сборы.

Это решение гальванизировало всех путешественников, и они принялись задело. Страусих подняли из трюма при помощи веревки. Двух предназначили для дам, остальных быстро нагрузили всеми имеющимися припасами. Трап был опущен, и взнузданных птиц свели по нему вниз. Вскоре к ним присоединились люди, осторожно ступившие на чуждую траву, однако тут же убедившиеся, что она, насколько они могли судить, ничем не отличалась от обычной земной.

– Остается только избрать направление, – сказал Крукс с компасом в руке.

Уолт сказал:

– Могу ли я сослаться на девиз одного моего товарища-журналиста? «Отправляйся на запад, юноша!»

– Другие предложения? Превосходно, значит, на запад.

Усадив Эмили и мадам Селяви боком, благопристойно, хотя и скользковато – Эмили на Норму, мадам на Церлину, – экспедиция отправилась в путь.

Через несколько сотен ярдов от корабля они остановились и обернулись бросить последний прощальный взгляд на шхуну.

– Прощай, моя прелесть! – крикнул Уолт.

Его прощальные слова будто повисли в воздухе, и путешественники вновь зашагали в зеленую неведомость под балдахином заката.

11
«Дел у травы нет никаких, И я хотел бы сеном быть»

Эмили всегда любила закаты. Усердная Хозяйка, метущая многоцветной метлой, золотые Леопарды в небе, пурпурные Корабли на Море Желтых Нарциссов, Герцогиня, рожденная в пламени, Огни Рампы дневного Спектакля… Яркая небесная пунктуация фразы дня всегда представлялась ей одним из самых вдохновенных решений Бога.

Однако теперь, после восьми часов пути под тонко варьирующимися, но, по сути, повторяющимися цирковыми номерами буйного неба Обители Лета, Эмили пришла к выводу, что нисколько не огорчится, если больше никогда в жизни не увидит еще одно расцвеченное облако-клоуна. Теперь бессмысленное зрелище небес действовало ей на нервы, как нескончаемые завывания идиота. Эмили видела, что и остальные испытывают примерно то же.

Мадам Селяви на страусихе рядом с Эмили пребывала в унылой апатии и выходила из нее на краткий миг, только когда у нее возникало желание бросить злобный взгляд в сторону Эмили. Длинношеюю и оперенную кобылицу Эмили вел Остин, уставясь в неменяющуюся траву под ногами, как и Провидец Покипси, который вел страусиху мадам. Крукс и Саттон вели каждый свою цепочку навьюченных страусих и были поглощены собственными мыслями. Вообще-то говоря, из всех членов экспедиции все еще сохранял малую толику уверенности и бодрости один Уолт.

Певец Поманока вскоре взял на себя роль проводника остальных путников.

Шагая на несколько ярдов впереди них, он скрашивал первые часы пути декламацией некоторых своих воодушевляющих произведений.

– Невозмутим я! Вольно стою средь Природы, прямой промеж существ иррациональных, насыщенный, как они, пассивный, чуткий, безмолвный, как они. О, равновесие в себе противу всех невзгод, чтоб ночи, бури, голод, насмешки, беды, отказы мне встречать, как их встречают деревья и животные!

По завершении каждого стиха Уолт оборачивался и комично раскланивался, широко взмахивая снятой шляпой, а остальные останавливались и рукоплескали – подстегиваемые Эмили, которая хлопала громче всех, а страусихи пользовались случаем поклевать безграничное обилие корма, который, видимо,

пришелся им по вкусу.

Спустя несколько часов они остановились на привал. Взобравшись на плечи Уолта, Генри Саттон с трудом различил мачты «Танатопсиса», видимо, ни в чем не изменившиеся. Они вкусили от провианта и освежились глотками воды из бутылок.

– Этот простой напиток, – заметил всегда рациональный Крукс, – о котором в Амхерсте мы никогда не задумывались, теперь отмечает предел нашего выживания. Если мы не найдем какой-либо новый источник воды, мы все в страданиях испустим дух от жажды задолго до того, как истощатся наши съестные припасы.

– Смерть почти столь же мучительная, какую претерпели мои нерожденные дети, – вставил Остин. – Если бы мы только могли обрести контакте бедными потерянными малютками, я уверен, они смогли бы помочь нам. Мадам, не могли бы вы попытаться еще раз?

Ясновидица как будто вновь обрела свой парижский прононс:

– Конечно, я готова попытаться, cher Остин. Давайте же образуем кольцо силы.

Рассевшись на мягком живом ковре, они все соединили руки. Мадам Селяви закрыла глаза и начала заклинание:

– Зелатор, Сотис, Улликумми, отверзните врага! Хотя мы недостойны, даруйте нам ваше присутствие.

Воздух отяжелел от ожиданий. Но вопреки энергичным похрюкиваниям мадам – которые знаменовали верх ее усилий – их надежды не сбылись.

– Ну, попытка не пытка, – сказал Крукс после того, как кольцо распалось и они все вновь встали. – Но возникает впечатление, что здесь вообще нет никаких духов, могущих откликнуться на наши мольбы. Я начинаю подозревать, что это место – еще один материальный мир, быть может, обращающийся вокруг иного солнца, чем наше, куда нас занес случай, и, следовательно, не обитель духов.

Теперь юный Саттон удивил всех и каждого, внезапно нарушив обычное самодостаточное молчание, чтобы высказать свое мнение:

– Не-а, тут я с вами не соглашусь, проф. Тут самое место для загробной жизни, и это верно не меньше, чем то, что у моего папаши были баки. Но вот про что я хочу вас спросить, как мы узнаем, что и взаправду померли? Если заснем с совсем уж пересохшей глоткой и проснемся мертвыми, заметим мы какую-нибудь разницу в пейзаже?

Крукс от души рассмеялся и похлопал Саттона по спине.

– Великолепная головоломка, достойная самого Фомы

Аквинского!

Уолт смахнул со штанов крошки своей трапезы. Они упали на стебли травы, совсем, подумалось Эмили, чужие здесь, вроде булыжников в гостиной. Где хлопотливый Народец, который на Земле бережно унес бы их?

Дюжий поэт попытался смягчить сознание бессилия, почти зримо ими овладевшее.

– Вперед, мои загорелые дети! Постройтесь, мы не можем медлить тут! Марш-марш вперед, дорогие мои! Мы должны выдержать натиск опасностей, мы юная мускулистая раса. Все остальные полагаются на нас. Мы пионеры!

– Точнее сказать, «пленные», – возразил Крукс. Но и он с легкой улыбкой встал в строй.

Однако эта иллюзия надежды продержалась недолго. Вскоре они уже еле-еле передвигали ноющие ноги. Даже Уолт в конце концов перестал взывать к ним и разделил общее унылое молчание.

Для Эмили наиболее тягостный физический аспект этого дня пути проявился в натертости пониже спины, о чем невозможно было упомянуть вслух. Спина Нормы – пуховая подушка на вид – превратилась в пыточное сиденье тверже камня. Эмили было предпочла пойти пешком, но вскоре почувствовала, что устает и начинает отставать от остальных. Ее затворническое существование не подготовило ее к подобному походу, и вопреки протестам своих ноющих ягодиц она была вынуждена вновь взобраться на страусиху.

Затем Крукс поднял ладонь, оповещая о новом привале. Он вынул карманные часы и сказал:

– По амхерстовскому времени теперь восемь часов вечера. Я предлагаю устроиться тут… гм-гм… «на ночь», с тем, чтобы вновь отправиться в путь «на заре». Согласны? Прекрасно. Мужчины, ставим палатки.

Страусихи, временно освобожденные от вьюков, были стреножены и начали пастись. Из вьюков извлекли три палатки и расстелили на траве.

– Остин, Дэвис и я, – сказал Крукс, – разделим одну палатку. Уолт и Ген займут другую. А у дам будет их собственный приют. Теперь давайте поставим их. Хотя небо как будто не угрожает дождем, эта трава должна же когда-нибудь и как-нибудь орошаться.

Ничто не могло быть более трагичным для Эмили, чем перспектива провести ночь бок о бок с противной и – как она обнаружила после долгого соседства с ней – заметно чесночной мадам Селяви. Однако альтернативы, казалось, не было – во

всяком случае, она слишком устала, чтобы искать другой выход.

Эмили следила, как мужчины вбивают колышки в дерн и натягивают веревки. Несколько мшгут спустя внезапный ветерок – первый, который она ощутила в Обители Лета, – заставил се обернуться.

То, что она увидела, оставило ее Легкие Неподвижными, а их Хитроумные Клетки не способными даже на Пантомиму Дыхания.

Менее чем в шести шагах от бивака овал травы пришел в движение.

Словно почва забурлила под действием ста тысяч извивающихся земляных червей. Земля лопалась и бугрилась.

И сама трава поддалась этому феномену. Каждый стебель, казалось, обладал собственной волей, приплясывал и переплетался с соседними, будто щупальца каракатицы.

Эмили, чудилось ей, в ужасе следила за происходящим целую вечность, хотя, вероятно, прошло лишь несколько секунд. Наконец, обретя голос, она еле слышно позвала:

– Кто-нибудь… помогите!

Во мгновение ока ее окружили остальные члены экспедиции. Эмили немо указала, и они ахнули в один голос.

Потому что теперь трава слипалась! Обретала форму и плотность, отдельные стебли утрачивали индивидуальность, вырастали и сплетались в бесшовную ткань.

И эта ткань, зеленая, как сукно бильярдного стола, облекала невидимый каркас скелета и вскоре обрела глянец зеленой плоти – и форму абсолютно нагого ребенка мужского пола!

Трансформация травы завершилась, дитя лежало на спине и дышало, его глазки были закрыты. Младенец растительности.

Никто не издал ни возгласа, не выразил изумления, пока не заговорил Уолт:

– Трава прерии разделяется, выдыхая свой особый запах. Я требую от нее духовного соответствия. Я требую, чтобы стебли вздымались в словах, в делах, в бытии и собственной походкой шли…

Когда Уолт постепенно умолк, зеленый ребенок открыл глаза и посмотрел вверх в небо с тихим удивлением. Уолт шагнул к мальчику. Эмили ухватила его за рукав.

– Нет, Уолт, не надо! Мы не знаем, что это за существо.

Тоном мягкого упрека Уолт ответил:

– Если я хочу заговорить с кем-то, кто передо мной, кто скажет мне «нет»?

Эмили неохотно выпустила его рукав, и Уолт тремя твердыми шагами покрыл расстояние, отделявшее его от мальчика.

Присев на корточки рядом с ним, Уолт сказал:

– Сынок, ты способен слышать и понимать меня? Голос ребенка был сладким, как запах клевера: – Да.

– Где ты? Что случилось с тобой?

Ребенок заморгал. Зеленые ресницы опускались и поднимались над зелеными глазами.

– Я… я был стар. Болен. Умирал. Я… я умер. Дыхание Эмили заострилось подобно колу. Так, значит, правда: они в Обители Лета, прихожей Рая… Былой религиозный трепет объял ее.

– В каком году ты умер? – спросил Уолт.

– Году? А, ты говоришь о времени. Год был тысяча девятьсот… тысяча девятьсот девяностый или вроде… Не помню.

Теперь Крукс обрел дар речи:

– Это нелепость! Как можем мы говорить с духом кого-то, кто еще не жил?

– Время – вещь непростая, – предостерег Дэвис. – Вполне возможно, что Обитель Лета сосуществует со всеми веками, прошлыми, настоящими и будущими. Такая теория объяснит прекогницию, которая отличает некоторых духов…

– Каким было твое смертное имя? – спросил Уолт.

– Имя? – повторил ребенок, будто это было иностранное слово. – По-моему, имя у меня было. Все это так быстро… Аллен. Аллен Гинсберг [144]. Это имя?

Такие земные звуки среди всей этой чужеродности рассмешили Уолта, и он положил руку на плечо мальчика.

– Да, это имя, и притом отличное древнееврейское. При прикосновении ладони Уолта черты ребенка преобразило изумление.

– Ты Уолт Уитмен! – сказал он, и, будто потрясенное таким открытием, дитя лишилось чувств.

Испуганный Уолт быстро подхватил мальчика на руки и выпрямился.

Когда мальчик только что родился в прерии, явив взглядам плодородную бурую землю, образовалась плешь, четко соответствовавшая его абрису.

Но прямо у них на глазах из почвы высунулись острия ростков новой травы и прекратили тянуться вверх, едва их верхушки сравнялись высотой с родичами вокруг. И вскоре отличить это место от остальной прерии было уже невозможно.

Уолт отнес мальчика в кольцо палаток и посадил на землю, прислонив к тюку со снаряжением. Откупорил бутылку и обрызгал водой лицо ребенка.

Аллен – теперь Эмили называла ребенка мысленно именно так – открыл глаза.

– Море, – сказал мальчик. – Я должен найти море и

соединиться с другими в нем.

Аллен встал на ноги и зашагал в сторону заходящего солнца.

– Погоди! – воскликнул Дэвис.

Аллен послушно остановился, но его нагое тельце все еще словно устремлялось на запад.

– Ты говоришь о Турмалиновом море?

– У него нет названия, это просто море. И я должен идти к нему.

Остин протянул руку к ребенку, словно желая прижать его к груди.

– Ты как будто каким-то образом узнал географию этого края. Не можешь ли ты помочь нам отыскать здесь наших любимых?

– Если они уже достигли моря, искать их там вы будете напрасно. И почему ты называешь меня Алленом?

– Но… но ты сказал нам, что таким было твое имя прежде, чем ты оказался здесь.

Мальчик посмотрел на них с наивной и абсолютной искренностью:

– Я никогда нигде не бывал, кроме этого края, никогда. Я знаю только Обитель Лета.

12
«Как странно выглядит жизнь девушки за этим мягким затмением»

Костер был бы таким приятным! Костер отгонял бы страх! Костер развеял бы мрачность.

И это было бы такое веселое пламя, будто зимним вечером в «Имении», когда вся семья Дикинсонов собиралась для чтения Библии; трое детей, еще маленьких, Сквайр в благодушном настроении, мать Эмили, более здоровая, чем теперь. Быть может, это был один из тех редких случаев, когда Эмили дозволялось вскарабкаться на колени к отцу, сидевшему в массивном кресле под гравюрой «Семья лесника», где улыбались счастливые дети, такие не похожие на них. И может быть, Сквайр разнежился бы настолько, что приласкал бы дочку, погладил по волосам, сказал бы ей, что она хорошая девочка, несмотря на то, каким разочарованием явилась: до того глупая, что в десять лет еще не умеет сказать по часам, который час…

Но здесь, в Обители Лета, гореть было нечему, если не считать их корабль. Да и найдись что-нибудь, осмелились бы они развести огонь, который бы неизбежно опалил и повредил эту чудотворную траву: сущность, видимо, способную рожать?

Да и трава *позволила бы им все это?*

Удрученные путешественники были вынуждены сидеть вокруг тускло светящейся единственной лампы с ворванью – совсем затемненной многоцветием неба – и обсуждать до отхода ко сну, что им следует предпринять на следующий «день» ввиду недавних событий.

Там, куда не достигал свет лампы, сгрудились страусихи, недовольно квохча, словно их темный мозг наконец воспринял ненормальность того, что их окружало.

А дальше за птицами стоял Аллен.

Странный непостижимый ребенок стоял лицом к западу, его длинная, не меняющаяся тень почти дотягивалась до бивака. Неподвижный, как нефритовая статуя, он, казалось, общался с кем-то или с чем-то, недоступным для людей. Он сохранял эту неподвижность более часа и словно бы намеревался оставаться так еще много часов.

Ошеломив их своим ответом Остину, мальчик как будто собрался уйти.

– Прошу, – взмолился Крукс в последнюю минуту, – ты должен остаться и помочь нам.

– Я останусь, если этого хочет он, – сказал Аллен. И зеленый ребенок показал на Уолта.

– Меня поражает, как он зафиксировался на вас, – сказал Крукс.

– Это произошло, когда мы коснулись друг друга, – сказал Уолт. – Между нами возник поток интеллекта. Полагаю, так произошло бы, будь на моем месте кто угодно еще. – Торжественно обратившись к мальчику, Уолт сказал: – Мое сердце будет радоваться, если сможет подольше слышать твой голос, сын мой.

– Тогда я останусь, – сказал Аллен.

В ту минуту это выглядело существенной победой. Но теперь их разговоры показали, как далеки они были от разрешения своих трудностей.

Нервно накручивая на палец веревочку, Крукс сказал:

– Предположим, Аллен поможет нам добраться до берега этого безымянного моря, но что это нам даст? «Танатопсис» уже остался далеко позади, и мы не сможем никуда поплыть, даже если это представится желательным. Безусловно, мы можем встретить и других воскресших, если верить Аллену. Но если и они так же наивны, как он…

– Может быть, – сказал Остин, – среди них окажутся старшие, способные оказать нам помощь…

– Больше всего меня, – сказал Дэвис, – разочаровывает то, что мертвые, видимо, забывают все о своей прежней жизни. А я так предвкушал беседу с Александром Великим…

– А я – с моими детьми, – отозвался Остин.

– Ба! – сказала мадам Селяви. – Этот enfant vert [145] не принадлежит к истинным духам! Он из нечеловеческих демонов и подослан сбить нас с пути! Вообразите только, он не отозвался даже, когда я сослалась на принцессу Розовое Облачко! Нет, можете не сомневаться, я распознаю истинных духов, когда мы с ними встретимся. Разве я не разговаривала с ними много лет?

Крукс отбросил свою веревочку и встал.

– Этот разговор ни к чему не ведет. Отправимся же спать, и, может быть, утром все будет выглядеть более обнадеживающе.

И они разошлись по своим палаткам. Внутри приземистого обиталища, отведенного дамам, мадам Селяви поспешила утвердить свое главенство.

– Я не потерплю никакого храпа, никакого ворчанья, мамзель. Следите за своими локтями, оставайтесь на своей половине палатки, не тяните на себя одеяла, и мы прекрасно устроимся.

С этими словами мадам Селяви плюхнулась на их грубый тюфяк, величественно натянула на себя две трети одеяла и,

повернувшись на бок так, что ее толстые ляжки нависли над долей тюфяка, доставшейся Эмили, через тридцать секунд начала издавать похрапывания, колебавшие ее усы.

Втиснувшись в оставленное ей пространство, стараясь держаться как можно дальше от пахучей ясновидицы, Эмили лежала на спине без сна.

Во время только что завершившегося обсуждения ни она, ни Уолт почти ничего не сказали. Чудо рождения Аллена исключало любой рационализм. Эмили знала, что истинное значение этой манифестации возможно постигнуть только поэтически, и томилась желанием услышать, какие великолепные словесные чащобы мог бы взрастить Уолт из этого чуда…

После получаса таких размышлений Эмили тихонько встала и покинула палатку.

В пределах бивака, где все еще горела оставленная без присмотра лампа, не было заметно никакого движения.

Эмили приблизилась к палатке Уолта и робко приподняла полотнище. Юный Саттон спал в одиночестве, его пухлое лицо херувима дышало безмятежностью.

Опустив полотнище, Эмили вышла за пределы неверного света, отбрасываемого лампой.

Уолт сидел, скрестив ноги, рядом с Алленом. Поэт был заворожен точно так же, как на «Танатопсисе», когда услышал, как заговорила трава.

Эмили бережно коснулась его плеча.

Уолт вздрогнул, потом запрокинул лицо.

– Эмили! – сказал он тоном человека, узнающего друга детства, с которым не виделся десятки лет. – Странную стражу несу я здесь в эту ночь и рад человеческому обществу. Сядь же вот тут рядом со мной.

Эмили неловко поджала ноги под юбками и опустилась на бархат травы.

Аллен не обращал внимания на поведение людей и продолжал смотреть в направлении вечно заходящего солнца.

Уолт взял руку Эмили в свои. Ее пульс был стремителен, как весенние ручьи.

– Теперь я в мире с моим отцом, – сказал он. – Хотя я не видел его души, облаченной в человеческий облик, чего я по-глупому так желал, я понял то, что знал всегда, но забыл. Мой отец повсюду вокруг меня – в струпьях мха на трухлявых изгородях, в грудах камней, в бузине, коровяке и черемице. Мне незачем искать дальше.

Эмили почувствовала, как ей щеки обожгли слезы экстаза.

– О, Уолт, я так за вас счастлива!

Уолт перенес руки на ее талию.

– Позволь мне разделить мои обновленные радость и силу с тобой, Эмили.

И тут он ее поцеловал.

Джордж Гулд поцеловал ее – один раз. Но это было много лет назад. И у него было гладенькое лицо юнца, а не зрелого, бородатого *мужчины!*

Уолт оторвался от нее и зашептал:

– Злодейское прикосновение? Что ты творишь? Мое дыханье сперто в горле! Отомкни ворота шлюза! Ты одолеваешь меня. Мои часовые покинули свои посты…

Отлив, уязвленный приливом, прилив, уязвленный отливом. Любовь – плоть во вздуваньи и восхитительной боли. Безграничные прозрачные фонтаны любви, жаркие и огромные. Дрожащий студень любви, белый вихрь и пьянящий сок. Женихова ночь любви, проникающая верно и нежно в распростертую зарю, волнами вздымаясь в приветный и покоряющийся день!

– Да, Уолт… я день, а ты моя ночь!

– И теперь наступает заря!

Уолт испустил дикий рык и навалился на нее, заслонив небо.

Эмили не могла себе представить, что остальные не услышали кульминационный вопль Уолта. Конечно же, конечно, они выберутся из палаток узнать причину. Однако она не попыталась высвободиться из объятий Уолта. Ее не пугало их осуждение – здесь, на грани смерти, в этом чуждом краю. Пусть все увидят, какая она царственная шалунья!

Божественный титул – мой! Без знака стала Женой!

Слегка повернув голову, Эмили обнаружила, что ее ограниченное поле зрения вмещает маленькие ступни зеленого ребенка. Опознав их, она испытала странное чувство, что он – невозможный сын их только что консуммированного союза.

Наконец Уолт зашевелился, и его грузное тело исчезло с нее.

– Мы должны вернуться в наши палатки, Эмили, прежде чем пас хватятся.

– Как скажешь, Уолт.

Пока они шли к своим палаткам, Эмили понемногу овладели грусть, и тревога, и усталость, ее экзальтация угасла.

– Уолт? – Что?

– Для любимого Шмеля Колокольчик развязала пояс девичьей одежды, будет Шмель чтить Колокольчик так, как прежде?

– Я для тебя, а ты для меня, Эмили. И не только ради нас самих, но и ради других. Ты пробудилась только для моего прикосновения и ничьего другого.

– Ах, Уолт!

13
«И была на каждый холмик предназначена фигурка»

Когда Эмили проснулась, вот как она себя чувствовала:

Когда б вес горести мои
Сегодня здесь собрались,
Они от счастья моего
Со смехом бы умчались!

Затерянная в жутком пограничном крае между жизнью и смертью, без всякой надежды на спасение, она должна была бы впасть в то же уныние, что и ее злополучные спутники. Но ласки и объятия Уолта позволили ей вознестись над условностями, в тисках которых она пребывала.

Наконец-то она обрела друга души своей, выковала вместе с ним древние плотские узы, которые время бессильно разорвать. И какая завидная поимка! Нежный, но и закаленный мужчина, достаточно глубокий, чтобы отвечать ее женским нуждам, необузданный поэте корнями, уходящими в потаенную мудрость Вселенной. Наконец-то Эмили узнала, как чувствовала себя ее досточтимая Элизабет Баррет, когда обрела своего Роберта. В эту минуту Эмили поняла, что все эти годы, пожалуй, тайно ревновала к «Португальцу». Теперь она могла легко расстаться с этими детскими эмоциями.

Блаженно потягиваясь в пустой палатке, не обращая внимания на то, что ее длинные каштановые локоны были распущены и неприлично растрепаны, Эмили восхваляла Уолта, который столько для нее сделал. И поклялась, что сделает для него не меньше. Чего бы он ни пожелал, в чем бы ни нуждался, где бы ни странствовал, что бы ни делал, она всегда будет рядом с ним, поддерживая и вдохновляя.

Велика я или мала – да какая б ни была – лишь бы я подходила Тебе.

Внезапно Эмили почувствовала, что должна немедленно, сейчас же увидеть своего возлюбленного. И поспешно покинула палатку.

Все сидели вокруг потухшей лампы, услаждаясь легким завтраком.

Уолт развалился на траве, одним локтем опираясь на скатку

одеял, вытянув перед собой ноги. Его взгляд был сосредоточен на единственном сорванном стебельке, который он держал между большим и указательным пальцами.

– А, мисс Дикинсон! – окликнул ее Крукс. – Мы думали, вы тайком подышали эфиром, так крепко вы спали! Но вы проснулись как раз вовремя. Мы намерены сняться с лагеря. Уолт, не расскажете ли вы мисс Дикинсон то, что вы узнали?

Теперь Уолт поднял глаза на Эмили. Его лицо ничем не намекнуло на то, что произошло между ними ночью, и выражало только обычную благожелательную и солнечную беспристрастность, несколько пригашенную тяготами их положения.

Какой заботливый любовник, – подумала Эмили. – *Он старается скрыть наши отношения и избавить меня от любой возможной неловкости. Мне придется сказать ему с глазу на глаз, что в этом нет нужды. Я прокричу о моей любви с крыш Амхерста…*

Уолт отбросил травинку.

– Я поговорил с Алленом. В течение «ночи» он узнал побольше о том, что ему следует делать. Он должен найти шестерых себе подобных, чтобы они сопровождали его к морю. Только как единое целое смогут они обрести свою судьбу и подняться на следующий уровень существования.

– Это, – сказал Дэвис, имеет глубокий смысл. – Семь – высшее мистическое число. Семь планет, семь дней, семь металлов и семь цветов… Магические свойства семерки должны быть в Обители Лета такими же могущественными, как на земле.

– В этом смысле, следовательно, – добавил Крукс, – наша собственная экспедиция была численно неполной и не сбалансированной до тех пор, пока в последнюю минуту к нам, по счастью, не присоединилась мисс Дикинсон.

Мадам Селяви поспешно заглотила маринованное яйцо, чтобы освободить рот и объявить:

– Сама я предпочла бы быть un peu [146] безнравственной, чем иметь рядом такой враждующий интеллект.

Но в это утро даже мадам не могла вывести Эмили из себя. Она одарила ясновидицу любезной улыбкой, а свои слова адресовала Круксу:

– Я бы отдала весь мир за эту поездку, профессор.

Теперь мрачно заговорил Остин:

– Если Аллен и его компатриоты не смогут помочь нам вернуться домой, дорогая сестра, боюсь, мы именно эту цену и заплатили.

Лишний раз вспомнив, что времени терять нельзя,

изгнанники, не мешкая, нагрузили страусих и отправились в путь. На этот раз – следом за сверхсосредоточенным и безмолвным Алленом и Уолтом, шедшим сразу позади мальчика.

Каким-то образом поводья страусихи, на которой ехала Эмили, оказались в руках Крукса, а Остин повел цепочку вьючных. Они оказались несколько в стороне от остальных, и профессор занял Эмили разговором:

– Мне кажется, если мы можем сделать выводы из событий нашего первого дня, то следует ожидать рождения новой души из травы каждые двадцать четыре часа или около того. Иными словами, потребуется примерно неделя, чтобы их собралось столько, сколько нужно Аллену. По-моему, на такой срок мы можем растянуть наши припасы лишь с некоторой экономией. Хотя на что мы можем надеяться далее, я предсказать не берусь.

Эмили оценила, что Крукс разговаривает с ней так откровенно и так умно. Нет, в сущности, он очень милый человек. Хотя, конечно, не такой великолепный, как Уолт. Она попыталась ответить в том же тоне:

– Меня, профессор, удивляет, что мы в буквальном смысле слова не спотыкаемся на каждом шагу на ту или другую младенческую душу.

– Как так?

– Подумайте. Сколько миллионов и миллионов умерших было в прошлом и сколько миллионов грядет в будущем? Если какая-то их доля поступает в Обитель Лета регулярно – хотя я не берусь судить о несовпадении времени между мирами, – в таком случае через каждые несколько футов почва должна была бы извергать очередного призрака. Древние римляне и греки, персы и мидяне, не говоря уж о будущих пришельцах вроде Аллена.

Анализ Эмили явно ошеломил Крукса. После минутного размышления он сказал:

– Я не вижу никаких нелогичностей в ваших рассуждениях, мисс Дикинсон, и нахожу только два возможных ответа. Не исключено, что подавляющее большинство мертвецов вечности уже перенеслись в Обитель Лета. Из этого следует, что мы прибыли сюда в особое время, в уникальный момент истории загробной жизни. Однако как ученый я склонен считать любую ситуацию репрезентативной, пока не будет доказана ее уникальность. А потому я склоняюсь ко второму постулату.

– И каков он?

– Эта Обитель Лета практически бесконечна. Мертвые действительно прибывают секунда за секундой мириадами – но в разбросе на миллиарды и миллиарды гектаров.

– Значит, то, что мы встретили Аллена так быстро, было

чистой случайностью? И наши шансы встретить кого-то из необходимых ему спутников столь же маловероятны?

– По-видимому, так. Разве что…

– Да?

– Мы с вами постулируем, что мертвые возникают тут случайно, как одуванчики, вдруг вырастающие на газоне Сквайра. Но есть другая альтернатива…

И Эмили назвала ее:

– Какой-то Высший Принцип определяет, где им следует появиться. И нам было предопределено встретить Аллена. И наша судьба – в Неведомых Руках.

Крукс брезгливо поморщился.

– Как мне противно вообразить бородатого еврейского старца ростом с Монблан, который непрерывно щурится через мое плечо и толкает меня под локоть! Но, полагаю, возможно что угодно.

– Только события докажут, какая гипотеза верна. В конце-то концов, радуга убедительнее всех философий.

Крукс засмеялся.

– Мисс Дикинсон, вы редкая женщина. Позвольте мне предоставить мои услуги в полное ваше распоряжение, если они вам когда-нибудь понадобятся.

– Благодарю вас, мистер Крукс, но у меня уже есть защитник.

Крукс злокозненно улыбнулся.

– Ах вот как! Ну, желаю вам и вашему кавалеру всякой удачи. Вам обоим она может очень и очень понадобиться.

Прежде чем Эмили окончательно расшифровала намек Крукса, раздался громовый крик.

– Воскрешение прямо по носу! – ясно прозвучал голос Уолта.

Эмили многозначительно посмотрела на Крукса, который пожал плечами, будто шутливо принимая свое поражение. И вместе с остальными они поспешили туда, где стояли Уолт и Аллен.

Когда они подошли, трава уже завершала трансформацию. Слепленная из метаний и сплетений хлорофилла, перед ними лежала фигурка девочки-младенца. Под их взглядами она открыла глаза.

– Не прикасайтесь к ней, – предупредил Крукс. – Помните, как тяжело подействовал физический контакт на Аллена.

Эмили нагнулась к прелестному личику девочки.

– Как твое имя, милочка?

– Силь… Силь… Сильвия.

– И только?

– Больше я не помню.

Эмили хотелось прижать малютку к сердцу, но она

воздержалась.

– Ничего, милочка. Посмотри, вот и дружок для тебя. Аллен выступил вперед и помог Сильвии встать.

– Море, – сказала она, едва они соприкоснулись.

И, не обращая внимания на людей, пара голых крошек возобновила свое неуклонное движение на запад.

– Возможно ли, – сказал Крукс, – чтобы что-то одновременно и чаровало, и внушало ужас?

– А вы никогда не видели, – спросил Уолт, – обычную проститутку в городе оргий и ее тело – склеп любви?

Остин побелел и воскликнул «Сэр!». Мадам Селяви захихикала. Дэвис стер пятнышко с очков. Юный Саттон ухмыльнулся.

Крукс повернулся к Эмили, подняв бровь, словно говоря: Да, *с таким сумасшедшим кавалером удача нужна, и очень!*

14
«Ухо может человеческое сердце разорвать быстрее, чем копье»

Медленный нескончаемый день двигался вперед, никуда не прибывая. Эмили слышала, как Оси его скрипят, будто вращаться не хотят, ненавидя движение.

И никаких Времен Года, и ни Ночь, ни Утро. Это было Лето, вложенное в Лето, столетия Июней.

Она пребывала в бесконечном путешествии по Улице Эфира.

Эмили прожила вечность в Обители Лета. Простейший факт. Никогда не было Амхерста, Лавиньи, мамы, Сквайра, Карло – все они только плоды ее воображения. А вовеки существовали только не меняющийся ландшафт, ее спутники и стайка детишек.

Теперь их было шестеро: Аллен, Сильвия, Харт, Делмор, Энн и Адриенна. Закопанные в почву Земли их невежественными горюющими близкими, они, как прилежные личинки, прокопали ходы и вышли из своего кокона, дерна, в Обители Лета в прекрасных формах детства и с разумом, прополоснутым Летой.

Не уставая, не нуждаясь ни в еде, ни в питье, дети, несомненно, шли бы без остановки к своему дальнему мистическому морю, если бы их не задерживали люди. Однако узы, возникшие между Алленом и Уолтом, все еще были крепкими, и дети останавливались, когда останавливались люди.

Во время таких остановок – все менее регулярных по мере того, как путешественники утрачивали связь с земными ритмами, дети образовывали безмолвный круг интроспекции. Эмили вспомнился нелепый сеанс в «Лаврах» – кольцо детей походило на тот фарс не более, чем Парламент походит на стаю галдящих ворон.

Что произойдет, когда к ним прибавится седьмой ребенок, предсказать не мог никто. Даже Аллен сказал, что не знает…

Эмили не представляла, что заставляет остальных продолжать эти безумные поиски спасения из загробного мира. Ею самой двигала только любовь к Уолту и мечты о том, какой может быть их жизнь по возвращении на Землю.

Эмили и ее Поманокский Покоритель не насладились другим свиданием после первого. Эмили сама не искала Уолта для второй «полуночной» встречи, а он не пришел к ней. И очень хорошо. Даже по ту сторону смерти следовало соблюдать декорум. Эмили было довольно знать, что их неугасимая любовь все еще пылает подобно вулкану под поверхностью их

дружественности.

Как багряно Огонь бушует внизу, как ненадежна кора. Откройся я, он населил бы благоговейным страхом мою уединенность.

Она испытывала жалость к остальным, лишенным такой опоры, и пыталась делиться с ними своей силой и бодростью.

Но в этот день – возможно, седьмой после их прибытия, возможно, семисотый, – среди истомленных путешественников не отыскалось бы и искры надежды.

Когда знакомый возглас Уолта вывел их из апатии, они еле побрели к месту реинкарнации, несмотря на ее решающее значение.

– Наше последнее утомительно безупречное дитя, – протянул Крукс, когда они окружили завершающего младенца травы. – Кто-нибудь уже услышал Трубный Глас?

Уолт смотрел на заново рожденного мальчика непонятным взглядом, с выражением непривычной тревоги на лице.

– Что-то путает меня там, где я думал себя безопасней всего! Как может самая эта земля не занемочь, переполненная мертвечиной? Где гнусные жидкости, которыми она напитана? Если я проведу борозду моим плугом, он вывернет смрадную плоть! Каждый комочек этого перегноя прежде был частью больного, поколений пьяниц и обжор!

Уолт упал на колени и погрузил пальцы в почву.

– Самый ветер должен нести заразу!

Эмили поспешила к Уолту, опустилась на траву и обняла его.

– Уолт, прошу тебя! Ты нужен нам! Не поддавайся бреду… ради меня!

Мало-помалу рыдания стихли, и Уолт пришел в себя. Он встал и вытер выпачканные землей руки о штаны.

– Ну хорошо. Я не земля и не придаток земли. Я друг и спутник людей, таких же бессмертных и неизмеримых, как сам я.

– Гораздо лучше, – одобрила Эмили.

Пока Уолт переживал свой миг устрашающего сомнения в видимостях, мадам Селяви кругами приближалась к новейшему ребенку. Теперь, опустившись рядом с ним на колени, она спросила с сахариновой сладостью:

– Скажи нам твое имя, petit be be [147].

– Мое имя Езра…

И тут мадам Селяви завизжала:

– Слушай, Езра, черт проклятый! Ты вытащишь нас из этого ада, не то я снова тебя пришибу!

Ясновидица сжала горло ребенка обеими руками… И замерла, будто парализованная Гальваническими Силами.

Изо рта Езры раздался голос мадам, звонкий, как колокол унитариев:

– Мое имя – Мод Фрикетт. Я родилась у незамужней торговки рыбой на Фултонском рынке в Нью-Йорке. В семь лет я осиротела и жила на улицах, ночуя на ист-ривсрской барже. В десять лет меня изнасиловали матросы. В тринадцать я стала проституткой. В пятнадцать лет вдобавок стала карманницей и приторговывала джином. И накопила достаточно денег, чтобы в двадцать лет открыть свой собственный бордель. Когда полиция его закрыла, я сменила занятие. Я поселилась в Олбени как медиум. Вот где меня нашел Энди. Он думает, будто использует *меня,* но все как раз наоборот. Никто не использует старушку Мод! Никому на это ума не хватит. Все они лохи, все до единого, ощипывать их и ощипывать…

С невероятным усилием мадам Селяви отдернула руки от ребенка, прервав непроизвольную речь. Секунду-две она оставалась на коленях. Затем ее глаза закатились, и она рухнула наземь в глубоком обмороке.

Дэвис бросился помочь сокрушенной ясновидице, а следом за ним и остальные. Дети тем временем спокойно занялись Езрой, который тоже потерял сознание. После того как неподвижное тело мадам было бережно уложено между стреноженными страусихами, Крукс высказал вслух их общий вывод:

– Форма передачи мыслей…

Уолт выразил то же более поэтично:

– Ребенок возник и стал тем, на что бросил первый взгляд.

Дэвис возразил:

– Но вы же не верите, будто нелепая биография, которую изрыгал ребенок, имеет отношение к мадам Селяви? Это же явный пример случайного спиритического излияния неприкаянной души, наложившей себя на соединившиеся сознания Хросы и Езры…

Остин отмел оправдания Дэвиса: – Довольно, Дэвис. Даже если вы и правда слепы к уловкам этой женщины, не ждите того же от нас. Вы и Мод, как теперь нам следует ее называть, ошибались во всем, что касается этого места. И не забудьте, как я застиг вас, когда вы готовили свою «идеоплазму» у меня на кухне! Господи, каким дураком я был, что принял ваши жалкие потуги объяснить! Видимо, мое горе свело меня с ума и ослепило! Дэвис сломался:

– Это правда! Помилуй меня Бог, это правда. Идеоплазма – это просто вата, намоченная в растворе разных солей и минералов, которые каким-то образом светятся. Но намерений прямого обмана у нас не было. Мод, каково бы ни было ее

происхождение, наделена истинным даром. Мы просто искали помочь людям в их горе. И брали деньги только-только, чтобы обеспечить себе самую малую толику комфорта…

Крукс задумчиво подпер подбородок ладонью.

– Нам следует определить составные части вашего идеоплазмического рецепта, мистер Дэвис. Это поставит нашу экспедицию через измерения на более научную основу…

– Как ни интересны эти признания, – перебил Уолт, – и как ни полезно облегчить совесть, они имеют малое отношение к нашему безвыходному положению. Видимо, пока малыш Езра не очнется, дальнейшее развитие событий не ожидается. Не использовать ли нам этот промежуток для отдыха? Кто-то из нас должен будет следить за детьми…

– Я готов, – сказал Дэвис.

– Я останусь с вами, – сказал Остин. – Не хочу, чтобы меня еще раз обманули или надули…

– Мистер Дикинсон, уверяю вас…

– Прошу вас, избавьте меня от ваших уверений. Приступим к нашему бдению.

Они отошли на расстояние нескольких шагов от терпеливо ожидающих детей, которые сгрудились вокруг своего лежащего товарища. Остальные люди быстро поставили три палатки.

– Я буду внимательно следить за Мод, – сказал Крукс, едва все еще бесчувственная женщина была по его указанию помещена в его палатку. – Я кое-что понимаю в медицине и смогу оказать ей помощь. Я уверен, мисс Дикинсон будет рада не разделять свою палатку с такой пациенткой.

На этом все разошлись по палаткам.

Эмили беспокойно ворочалась. Как она ни старалась, ей не удавалось уснуть. Что произойдет, когда Езра очнется? Каким образом мистификация Дэвиса и Мод превратилась в мрачную реальность? Увидит ли кто-нибудь из них родной дом, или все они умрут здесь, прежде впав в безумие?

Измученная и этими мыслями, и еще многими, Эмили решила поискать утешения и поддержки Уолта.

Она поднялась с тюфяка и покинула палатку.

У закрытого входа в палатку, которую делили Уолт и Саттон, Эмили заколебалась.

Наружу просачивался хрипловатый шепот:

– О камерадо рядом! О ты и я наконец-то, и только двое нас. Мои руки обнимают тебя, и мне довольно? Как? Не этим ли прикосновением я в трепете обрету иную личность? Пламя и эфир устремляются в мои жилы! Предательский мой кончик тянется помочь им. Расстегивая мои одежды, обнимая нагой мой торс,

ведя себя со мной распутно, нецеломудренно сметая мои чувства! Вымя сердца моего роняет сладкое млеко! Отдели рубашку от моей грудины! Положи голову свою поперек моих бедер и нежно повернись на мне!

Генри Саттон засмеялся и ответил:

– Ну и трепло же ты, старичок! Но я тебя все равно люблю.

Тут все речи стихли.

Эмили, спотыкаясь, попятилась, закрывая лицо локтем.

Нет, этого быть не может… Она, наверное, ошиблась.

Из палатки донеслись несомненные звуки наслаждения, которые Эмили хранила в памяти с той ночи, когда сдалась Уолту.

Всплыл непонятно тревожащий образ ее школьных дней: древнегреческое изваяние двух нагих олимпийских борцов, экстатически переплетших мускулистые члены. *Познать Восторг через Боль, как Солнце познают Слепые! Вот Высшая из Мук! Вот воплощенье Горя!*

Слезы помутили ее зрение, Эмили устремилась в свое последнее убежище.

Откинув полу палатки Крукса, она была уже готова излить свои страдания, как вдруг ее чувства восприняли непристойное зрелище внутри.

Лжеясновидица как будто отчасти обрела сознание, подобно любителю поспать, высвобождающемуся из объятий Морфея, или томной распутнице. Верхняя часть ее одежды была спущена до талии, обнажив пышные прелести – по виду совершенно нормальные, нигде ни капли идеоплазмы.

Эти прелести неторопливо ласкал Крукс и не встречал никакого сопротивления.

– Только вообразить – простая уличная девка. Да, ты мне не откажешь…

Эмили поперхнулась океаном желчи. Давясь, она отпрянула.

Ей хотелось кричать, но ее лицо словно обтянула мембрана, удерживая весь ужас внутри. Она помешалась или другие? И тут донесся крик ее брата:

– Быстрей! Дитя пробуждается!

Эмили слепо побрела на голос Остина. Если бы на ее пути оказался хотя бы камешек, она не дошла бы. Но трава не таила препятствий, она кое-как добралась до брата и упала в его объятия.

– Эмили, что случилось?

«За что?» – мучительный вопль Любви, который разбивает самые гигантские сердца, – вот все, что она сумела выговорить.

Прежде чем Остин успел продолжить вопросы, к их трио

присоединились остальные четверо.

Крукс поддерживал одурманенную Мод, одна из грудей которой все еще оставалась обнаженной. На Уолте и Саттоне были только их нижние рубашки, к счастью, достигавшие коленей.

– Аллен, – окликнул Уолт, – что происходит?

Дети образовали кольцо. Внутри него воздух мерцал, словно вокруг идеоплазмичных трубок «Танатопсиса».

– Теперь, когда мы целое, мы идем к морю, – ответил ребенок.

– Возьмите нас с собой!

Наступила пауза, словно дети совещались между собой. И затем:

– Хорошо. Войдите в круг.

Аллен отпустил руку товарища слева, разорвав кольцо. Медленно, зная, что выбора у них нет, люди прошаркали в круг.

Эмили подумала было остаться на месте, чтобы умереть в одиночестве. Однако в последнюю минуту она обнаружила, что ноги несут ее рядом с остальными.

Кольцо восстановилось.

Воздух вокруг людей словно зазвенел и завибрировал. Эмили подумала:

Есть утро в дали потаенной, узнай, где дети встречают свой Ангельский Май. Танцуют, играют, и льются их песни. Бывает ли праздник на свете чудесней? Круг на зеленом-зеленом…

Послышалось жужжание, ощущаемое только костями…

Люди и дети стояли на морском берегу.

Но это не был песчаный берег.

Колоссальный язык воды нежно облизывал пологий травянистый откос.

А сама вода была зеленой, как весеннее яблоко, и нигде не морщилась, будто шелковый саван на трупе.

Моментальная переброска оглушила Эмили, как, видимо, и всех остальных. Слишком много всего произошло, слишком быстро. Ее ноги подкосились, и она упала на траву.

Дети построились в шеренгу лицом к океану.

Аллен обернулся к Уолту:

– Прощай, отец.

Возрожденные души вошли в море. Дно, видимо, круто уходило вниз. Всего в двух шагах от кромки воды они погрузились в нее по подбородок. Еще шаг, и вода сомкнулась у них над головами. Они исчезли.

Последняя надежда людей на спасение рухнула… Эмили почувствовала, как мимо нее кто-то пробежал. Это была Мод.

Подобно сомнамбуле, возможно, влекомая остатками своей крепчайшей связи с Езрой или же просто отчаянием, ясновидица бежала к морю.

Никто не успел ее остановить, и она вступила в воду.

Только два шага – и вода дошла ей до талии, и платье вокруг нее заколыхалось, как колокол медузы.

Дэвис было бросился спасать свою партнершу, но Крукс решительно его остановил:

– Стойте! Или вы не видите, что происходит? Она не тонет – она растворяется.

Он не ошибся. Стоя там, где под водой скрылись лишь самые маленькие дети, Мод не могла бы погрузиться так глубоко. Более того: она стояла теперь неподвижно, но вода продолжала всползать по ней вверх! Вода неумолимо поглотила ее на глазах исполненных ужаса людей. Без каких-либо признаков страдания, с выражением неземного блаженства, женщина растаяла в объятиях океана, и вскоре только ее одежда осталась на поверхности тихой воды.

Дэвис вскричал: «Мод!» и рухнул на землю.

Эмили перенесла все мыслимые потрясения. Преданная, обманутая, лишившаяся самого дорогого, мысленно она теперь словно пребывала в какой-то холодной разреженности, точно птичка, которую буря занесла в верхние слои атмосферы, а она обнаруживает, что каким-то образом еще может дышать и летать.

Эмили хихикнула про себя, подавляя бурлящую истерику.

Раз к Морю спозаранку
Пришла с друзьями я…
Русалки из Подвала
Глазели на меня…

Прилив, а не Мужчина
Туфли моей коснулся…
Потрогал Юбки, Пояс,
К Корсажу потянулся…

И поглотил бы Он меня…
Как капельки Росы…

Одновременно с вторжением Мод в жадное море с равнины позади них будто в ответ донесся громовый рокот.

Остин поддерживал Эмили, а Крукс – Дэвиса, и так вшестером они поднимались вверх по склону, пока снова не оказались на плоской равнине с травянистым покровом. Только теперь некая зеленая Гора на среднем плане нарушала ее плоскость. Ее возможную высоту пока маскировал знакомый профиль.

Затем Гора поднялась выше пояса.

Заговорить осмелился только Уолт:

– Мы как будто разбудили кого-то…

Мгновение Гора восседала посреди Равнины на своем колоссальнейшем троне. Взгляд ее был всепоглощающ, поиски – вездесущи…

И вот она узрела людей.

Гора поднялась на ноги и пошла.

И мгновение спустя уже нависла над членами экспедиции, погружая их в холодную тень.

Гора, заметила Эмили, была гермафродитом.

Разделенная по вертикали: ее левую сторону составляла обнаженная Эмили, правую – обнаженный Уолт.

Борода и одна грудь, составные гениталии – уж не их ли возрожденная великолепная душа, каким-то образом слившаяся в вечности? Или это всего лишь удобная личина для чего-то вне их понимания?

Эмили почувствовала непостижимую мудрость, исходящую из этой Гигантской Сущности. И Сущность эта, казалось, знала, зачем они здесь, казалось, охватывала все их жизни от начала до невидимого конца, примерно так, как человек может познать и охватить весь краткий век мухи-поденки.

И от Горы исходила жалость.

Затем Колосс протянул к ним ладонь, такую же огромную и зеленую, как амхерстовский городской Выгон…

В ушах Эмили раздался рев, будто моря. Что-то налипло на ее лицо. Где она? Что произошло?

Она зацарапала то, что ее душило, и сумела его содрать.

Это была газовая маска.

Эмили с трудом поднялась на ноги.

Она находилась на борту «Танатопсиса», каковое судно все еще торчало на своих колесах посреди травянистого городского пустыря, а с его носа все еще капало шампанское. Вверху простиралось милое сердцу голубое небо, а солнце стояло в зените, как в этот час ему и полагалось. Знаковые городские здания утешительно окружали их на прежних расстояниях. Из

трюма доносилось приглушенное квохтанье страусов.

Куда громче был шум толпы, собравшейся посмотреть их отбытие. Теперь приветственные крики сменялись злобными:

«Давай начинай!», «Когда отплывете-то?», «Я видел, как они вроде задрожали, а потом опять оказались на месте!», «Поднять паруса, сухопутные крысы!», «Где призрачный ураган?», «Покажите нам скелетики!», «Отчаливайте либо проваливайте!».

Корабельные спутники Эмили теперь тоже были на ногах. И казались ошеломленными и растерянными не меньше, чем она сама.

– О мертвецах я грезил, – сказал Уолт. – Странно это было, но теперь скрывается в тумане, все дальше, дальше…

Крукс сказал:

– Я тоже помню приключение, не поддающееся описанию. Причина только в эфире, или же это было…

– Обнял ли я моих малюток? – спросил Остин. – Ответьте мне кто-нибудь! Я не смогу вернуться к Сью, не зная…

– Где мадам Селяви? – спросил Дэвис с тревожной настойчивостью.

Теперь Эмили заметила, что медиум действительно исчезла.

Дэвис кинулся к борту и обратился к толпе:

– Кто-нибудь видел, как женщина покинула корабль? Отвечайте же, Бога ради!

«Я не видел» – «Значит, спрыгнула, раз ее на корабле нет» – «Думается, я видел, как она перелезала через борт» – «Эй! Теперь и я вроде бы припоминаю…» – «Угу, я видел, как она подобрала юбки и припустила» – «Не могла снести неудачи…»

Дэвис вернулся к остальным, устало потирая лоб.

– Просто немыслимо, чтобы Хрос скрылась… Но альтернатива… Невозможно даже подумать… Наверное, я найду ее в «Лаврах»…

Остин сказал сухо:

– Боюсь, вы более нежеланный гость там, мистер Дэвис. Как и мадам. Вся эта затея свелась к дорогостоящему и тягостному фиаско. Если вы не откажете любезно собрать ваши вещи, я буду счастлив оплатить ваш билет до Покипси.

– Уеду и я, – сказал Крукс. – Эта бесплодная вылазка в сторону от пути науки продлилась слишком долго.

– Мы с Генри тоже отправимся восвояси, – сказал Уолт. – Миллиононогие улицы Манахатты зовут меня. – Дюжий поэт обвил рукой плечи своего юного товарища, который улыбался с бездумным дружелюбием, словно просто погулял по кварталу. Затем Уолт повернулся к Эмили:

– Вы бы не подумали о том, чтобы отправиться с нами в Нью-

Йорк, мисс Дикинсон? Хотя я не могу гарантировать вам легкий entree [148] в литературное общество, быть может, общество пишущей братии в Салуне Пфаффа придется вам по душе. И с небольшим везением это вполне может способствовать опубликованию ваших стихов…

Наконец-то приглашение, в чаянии которого она прожила долгие годы и от человека, относившегося к ней со всяческим уважением и восхищением.

Так почему же ее захлестнула волна отвращения?

Что-то, что она узнала, что-то об Уолте и юном Саттоне…

Нет, никакого воспоминания. Причина осталась неизвестной, но обостренное ощущение брезгливости сохранилось.

Эмили сказала холодно:

– Боюсь, мои понятия помешают моему легкому приобщению к крупам, в которых вы вращаетесь, мистер Уитмен.

Уолт грустно улыбнулся.

– Как вам угодно, ma femme.

И она чуть было не смягчилась. Но ее закованная в камень новоанглийская душа не могла разбить свои железные оковы.

Мужчины спустили трап, и путешественники сошли с корабля. На полдороге вниз Эмили увидела ждущую ее Винни и помахала ей.

Едва нога Эмили коснулась травы, как внезапно на нее снизошло видение – четкое, подробное, всеохватывающее.

Она увидела свои будущие дни во всей их совокупности. Годы проходят без мужского общества, если не считать Сквайра и Остина. Она все больше и больше времени проводит у себя в комнате. Ухаживает за своим садом, ухаживает за своими родителями по мере того, как их здоровье все больше слабеет. Пишет письма, пишет стихи. Винни каким-то образом по-прежнему с ней, становясь все более озлобленной и вздорной. Ее собственная смерть со временем, ее тело вынесут из задней двери, понесут через луга…

А возрождение, о котором она грезила?

Откуда-то возник образ зеленого моря. Странно утешительный.

Печальными и одинокими будут эти годы, тянущиеся долго и холодно, однако не лишенные некоторой ледяной славы…

Это путешествие, пусть и не состоявшееся, явилось поворотным пунктом. И возвращения назад не было.

Что, если бы она искренне отвергла Уитмена и ею улещивания, когда он устроил первую серенаду под ее окном? Решительно повернулась бы к нему спиной, вместо того чтобы бегать за ним? Облегчило бы это ее будущее?

Нет. Иначе она поступить не могла.

Но цена за то, чтобы узнать, кто она такая, выглядела довольно высокой…

За каждый миг блаженства
Страданьем платим мы
Трепещущей пропорцией
К экстазу самому.

Лет тягостная скудость
За каждый час чудес…
С трудом добытый грошик…
И Клады горьких Слез!

notes

Примечания

1

Карл Линней (1707 – 1778) шведский натуралист, создатель классификации растительного и животного мира. – *Здесь и далее примеч. пер.*

оскорбление величества *(фр.);* приравнивалось к государственной измене.

3

Популистская экономическая теория, широко пропагандировавшаяся в годы президентства Рейгана, согласно которой чем больше увеличивается богатство верхушки общества, тем больше его «просачивается» через все слои населения, повышая материальные условия жизни самых низших.

4

Эндрю Джексон (1767 – 1845) – седьмой президент США.

американское прозвище англичан.

6

Тератология – наука о врожденных уродствах. хоть какого-нибудь намека, пусть самого неправдоподобного и взятого с потолка.

7

Сестры, сделаем себя такими – Сапфо (лет.).

морские звезды, морские кубышки *(лат.)*.

9

Персонаж «Тома Сойера и Гскльберри Финна» Марка Твена (написанных много позже 1837 года) – добродетельная вдова, взяв-«гая Гека Финна под свою опеку и пытавшаяся его перевоспитать. Ганнибал – город, где родился Марк Твен.

10

Название одного из тех расследований Шерлока Холмса, которые доктор Ватсон упоминает как им не описанные.

11

Флоренс Найтингейл (1820 – 1910) – английская медсестра. Орга-|1изатор и руководитель отряда санитарок во время Крымской войны.

острота (*фр*.).

13

Мусью *(фр.)*.

нечто особое, перл *(фр.)*.

15

Здесь: всем и каждому *(фр.)*.

16

Хорошо *(фр.)*.

17

Комната рядом с писсуаром *(фр.)*.

18

Одно из имен Моцарта.

19

Барнум Ф. Т. (1810 – 1891) – знаменитый американский импресарио и владелец цирка, начавший свою карьеру с разных ярмарочных зрелищ и в 1838 году еще никому не известный.

20

Агассис Жан Луи (1807 – 1873) – швейцарский натуралист.

Ледниковый период *(нем.). – Здесь и далее примеч. пер.*

22

Персонаж повести Марка Твена «Визит капитана Стормфилда на небеса».

23

Лоуренс Эббот (1792 – 1855) – владелец торговой фирмы, специализировавшейся на импорте английских товаров, дипломат, государственный деятель и филантроп, сыграл значительную роль в развитии промышленности Новой Англии; в 1847 г. подарил Бостону $50 000 на учреждение «Научного института».

окаменелые экскременты.

25

Английский писатель, (1709 – 1789), известен прежде всего романом «Фанни Хилл, или Мемуары развратной женщины» (1750), в то время и в следующем веке считавшимся порнографией.

26

Здравствуйте *(фр.)*.

27

Латинское название гризли.

да *(нем.)*.

Здесь: а *(нем.)*.

без *(фр.)*.

женские наружные половые органы *(лат.)*.

32

Реальная Саартье Баартман (р. 1789 г.), привезенная в Европу английским корабельным врачом Уильямом Данлопом, умерла в 1816г.

33

Кювье Жорж (1769 – 1832) – выдающийся французский естествоиспытатель, известный своими трудами в области сравнительной анатомии, палеонтологии и систематики животных.

передник *(фр.)*.

малая губа *(лат.)*.

36

Талисман из законсервированной с помощью ритуалов черной магии правой руки казненного убийцы, отрубленной, пока тело еще качается в петле; используется во всевозможном колдовстве, якобы позволяет грабителям проникать в здания.

37

Музей человека *(фр.)*.

38

Персонаж цикла романов Пола Андерсона «Торгово-техническая лига».

жена *(нем.)*.

40

«К оружию, граждане!» *(фр.)* – цитата из «Марсельезы», государственного гимна Франции.

41

Олкот Амос (1799 – 1881) – американский педагог и писатель, пропагандировал нравственное самосовершенствование как средство разрешения социальных противоречий.

коммуны последователей английского социалиста-утописта Роберта Оуэна (1771-1858).

последователи французского социалиста-утописта Шарля Фурье (1772-1873).

44

Тайное общество, возглавившее национально-освободительную борьбу против турецкого владычества.

Труд *(иск. голландск.)*.

46

Британская колония, основанная в 1848 г., в 1865-м присоединена к колонии Кейптаун.

47

«Зоономия», полное название «Зоономия, или Законы органической жизни» *(лат.)*.

«Система беспозвоночных животных» *(фр.)* Жана Ламарка.

Средоточие *(греч.)*.

санкюлот *(фр.),* букв.: голоштанник.

51

Букв.: редкая птица *(лат.),* перен. значение: диковина, чудак.

свершившийся факт *(фр.)*.

53

Франклинова печка – провальное изобретение американского президента Бенджамена Франклина, спроектированная так, чтобы дым выходил снизу и печка давала больше тепла. В действительности, стоило от нее отвернуться, печка гасла. В конечном итоге сходная печь с выводом газов через трубу наружу была спроектирована Дэвидом Р. Риттенхаусом, и к 1790-м была уже широко распространена. Однако в обиходе она так и осталась «франклиновой».

Пчелы *(лат.)*.

Тут, собственно говоря, намек на вызывающую неполиткорректность.

56

Санта-Анна Антонио Лопец (1794 – 1876) – генерал, президент, затем диктатор в Мексике; возглавил мексиканскую армию в войне против США за Техас.

57

Фешенебельный район, спроектированный Буллфинчем: выстроенные двумя полукругами особняки в стиле классицизма должны были «обнимать» роскошный парк, но из-за нехватки средств был выстроен только один «полумесяц», отсюда – кресцент *(транс, с англ.)*.

жилище *(фр.)*.

59

Полное название «Спутник гостиной в картинках Глизона»; еженедельная иллюстрированная газета, издававшаяся с 1851 г.

60

Джордж Брайан (Красавчик) Бруммель (1778 – 1840) – английский денди, введший в моду темное платье простого покроя с пышным жабо или шейным платком; его имя стало нарицательным для обозначения щеголей.

«Нищета философии» *(фр.)*.

«После меня хоть потоп» *(фр.)*.

система переброски беглых рабов-негров из южных штатов в северные (в XIX в.).

64

Американский прогрессивный общественный деятель и поэт, аболиционист.

65

Изначально граница между штатами Пенсильвания и Мэриленд; в период, предшествовавший Гражданской войне, так обычно называли границу между Севером и Югом.

66

Сен-Пьер-Руффин Жозефина (1842 – 1924) – аболиционистка и суфражистка, издательница первого американского женского журнала.

67

Ривер Пол (1734 – 1818) – незначительная фигура в истории Войны за Независимость, увековеченная в поэме Лонгфелло «Скачка Пола Ривера».

68

Холл Принс (1748 – 1807) – аболиционист; участник Войны за Независимость; считается отцом черного масонства в США, поскольку добился принятия негров в масонские ложи.

69

Священник, один из обвинителей на Салемском процессе ведьм (1692).

70

Бробдингнег – название вымышленной страны великанов в «Путешествии Гулливера» Дж. Свифта.

71

Заговор, утроенный в 1820 г. в Лондоне приблизительно двадцатью экстремистами, намеревавшимися убить всех членов кабинета министров, назван по улице Като, на которой собирались заговорщики; среди заговорщиков оказался доносчик, они были арестованы, одни по приговору суда повешены, другие сосланы в колонии.

72

О'Хиггинс Бернардо (1778 – 1842) – видный деятель освободительного движения в Чили в период войны за независимость испанских колоний в Америке; подписал декларацию о независимости Чили.

73

Виси Денмарк (1767 – 1822) – руководитель провалившегося восстания рабов в 1822 г. в окрестностях Чарльстона, самого крупного в истории Америки. Тернер Нэт (1800 – 1831) – визионер, создавший в 1831 г. в окрестностях Саутгемптона конный отряд из 40 беглых негров, с которыми забивал до смерти белых (всего ими было убито 52 человека); сам Тернер был пойман через два месяца после разгрома его отряда и приговорен к повешению. Битва при Подковном повороте – эпизод войны 1812 – 1814 гг., в которой был вырезан отряд из 186 индейцев-криков, почти все мужчины этого племени. Томас Дорр (1805 – 1854) – руководитель «Доррова восстания» (1842) на Род-Айленде, по колониальной конституции которого голосовать могли только те, кто обладал значительной земельной собственностью; 1842 г. на Род-Айленде были созданы фактически два правительства, после неудачной попытки захватить арсенал Дорр был вынужден бежать. «Подмастерья портных» – профессиональный союз портных, организованный в 1869 г.

головорезам (исл.).

75

Браун Джон (1800 – 1859) – аболиционист; в 1859 г. во главе небольшой группки сторонников захватил арсенал в Харперс-Ферри (Виргиния), но поднять восстание ему не удалось.

Трехсторонняя торговля между Африкой, островами Карибского моря и Северной Америкой: нагруженные произведенными в Европе товарами корабли отправлялись в Западную Африку, где груз обменивался на рабов; затем рабов продавали в колонии на островах Карибского моря и в Северной Америке, после чего корабли с грузом сахара, табака и хлопка возвращались из колоний в Европу.

77

В настоящий момент – крупнейшее американское научное общество, основанное в 1848 г., среди его основателей действительно был Луи Агассис, однако его первым президентом был Уильям Редфилд.

78

Польский оккультист (1776 – 1853) – полагавший, что с помощью ритуальной магии человек может обрести божественное состояние.

79

Бывший католический священник Альфонс Луи Констан взял себе в 1854 г. магическое имя Элифас Леви Захед, переведя для этого на иврит имя Альфонс Луи.

80

Имеется в виду Гермес Трисмегист, величайший авторитет в Области алхимии.

81

Основоположник палеонтологии, открывший четыре из пяти видов динозавров, известных в его время (1790 – 1852).

82

Выдающийся англо-американский трагический актер (1796 – 1852).

83

Бывшая рабыня, аболиционистка и одна из первых американских суфражисток (1797(?)-1883).

84

Создатель первого передвижного балагана уродов, считается основоположником американского цирка.

85

Самый известный и любимый в XIX в. американский писатель и оратор (1803– 1882).

86

Торо Хэнк (1817 – 1862) – натуралист, философ-трансценденталист, антрополог и писатель, известный трудом «Гражданское неповиновение», современники считали его учеником Эмерсона.

87

Тикнор Джордж (1791 – 1871) – американский педагог и писатель, профессор литературы в Гарварде и основатель Бостонской публичной библиотеки; Уэбстер Дэниэль (1782 – 1852) – политический деятель и оратор, самый ревностный проповедник американского национализма своего времени.

88

Фелтон Корнелий Конвей (1807 – 1862) – американский филолог, редактор и переводчик ряда античных текстов, а также работ по древнегреческой литературе и поэтике.

быстро *(фр.)*.

90

Уиттьер Джон Гринлиф (1807 – 1892) – американский поэт и эссеист, воспевавший пасторальную жизнь Новой Англии, ревностный аболиционист и пацифист.

91

Возможно, отсылка на мормонов: издатель газеты «Рефлектор в Пальмире» критиковал «Книгу Мормона» под псевдонимом Догберри.

92

Готический роман Г. Уолпола.

93

Ставшее нарицательным имя английского палача, отправлявшего эти обязанности в 1678 – 1686 гг. и прославившегося жестокостью и некомпетентностью.

сеньориальное право *(фр.)*.

95

Барон Юстус фон Либиг (1803 – 1873) – немецкий химик, один из открывателей хлороформа.

Mystic Aeterna *(букв.)* – «Мистическая вечность»; Stella Matutina – «Утренняя звезда»; Ordi Templi Orientis – «Орден Восточного храма». Ганс Бопп перечисляет различные существовавшие в двадцатом веке оккультные общества, некоторые из них существуют и по сей день. Вероятно, самые известные из вышеперечисленных Ordi iTempli Orientis (оккультный орден, основанный Алистером Кроули на базе языческих традиций) и общество «Туле» – немецкий оккультный орден, основанный в 1912 г.; на основе, в частности, его идей в 1919 г. была создана «Немецкая партия рабочих», которая год Спустя превратилась в НСДРП, которую возглавил Адольф Гитлер.

разговор с глазу на глаз *(фр.)*.

98

К сожалению, непереводимая игра слов. Выражение «Mark twain», которое взял себе как псевдоним писатель Сэмуэль Клеменс, имеет буквальное значение «норма пополам». В XIX в. его использовали лоцманы и матросы речных судов для обозначения замеров глубины фарватера.

99

СэмюэльДж. Мортон (1799 – 1851) – врач из Филадельфии, измеривший сотни черепов с целью доказать врожденные различия между расами, прежде всего разного объема мозга.

100

Агассис имеет в виду ирландскую легенду о двух котах, которые дрались до тех пор, пока от них не остались только хвосты.

община в системе утопического социализма Фурье.

предварительные рассуждения; введение в изучение (чего-либо).

103

Здесь, вероятнее всего, имеется в виду сам писатель Лавкрафт (1890 – 1937), полное имя которого Говард Филлипс Лавкрафт, городок Марблхед, недалеко от Салема, описан в романс «Фестиваль», Мискатоник – название реки, на которой стоит другой вымышленный город Лавкрафта – Архем, место действия многих его романов, еще существует также Университет Мискатоник – общество по изучению творческого наследия Лавкрафта; в ряде романов рассказывается о том, как поклоняющиеся древнему божеству Дагон жители небольшого приморского городка превращаются в чудовищ – наполовину людей, наполовину рыб.

Студенческого общества *(нем.)*.

большое зеркало в подвижной раме.

Укол *(фр; фехт.)*.

107

В мифологии американских индейцев – гигантский бобер, который жил на берегу полного рыбы озера Кле-эль-лум и не подпускал к нему других зверей, пока его не убил Койот.

108

Реальный «США Бибб», одномачтовый тендер, построенный в 1937 г., участвовал во вторжении на Окинаву во Второй мировой войне, затем использовался как конвойный корабль, а по окончании войны – как корабль береговой охраны. В 1987 г. затоплен в шести милях от Кей Ларго (Флорида). В настоящее время является искусственным рифом и аттракционом для профессиональных аквалангистов.

109

Дэвис Чарльз Генри (1807 – 1877) – американский адмирал, участник военных действий в Гражданской войне.

110

Реальное китобойное судно, на котором плавал Герман Мелвилл и которое он описал в своих романах.

111

Романы Германа Мелвилла.

112

Здесь явно виден персонаж романа Германа Мелвилла «Моби Дик».

113

Верховное божество в мифологии алгонкинов, творец небес, земли, людей, животных и растений.

Эти два имени фигурируют в списке жертв Салемского процесса над ведьмами, повешены 22 сентября 1692 года.

115

Защищайтесь! *(фр.)*

116

Первая действующая подводная лодка, спроектированная в 1800 г. по заказу Наполеона американским изобретателем Робертом Фултоном.

хладнокровие *(фр.)*.

визитная карточка *(фр.). – Здесь и далее примеч. пер.*

119

Уиттиер Джон Гринлиф (1807 – 1892) – американский поэт, убежденный аболиционист.

120

«Небесный остров» – индейское название Манхэттена.

121

Поэма Э. Б. Браунинг (1806-1861).

милый *(фр.)*.

123

Фамилия созвучна с французским выражением «се ля ви» – такова жизнь.

124

Примерно: «Общенебо» – слияние двух латинских слов.

125

Таллий был открыт У. Круксом (1832-1919) в 1861г.

моя женщина (жена) (фр).

127

«Орлеанский театр» (*фр.*)

Да, мой друг (*фр.*).

129

Ужасный жнец (фр.). Образ смерти.

мой милый *(фр.)*.

131

Члены возникшей в США в 1850-х годах партии, выступавшей против иммигрантов. Прозваны так они были потому, что на вопросы посторонних о деятельности своей партии отвечали: «Я ничего не знаю».

груди (*фр.*).

133

Джон Браун (1800-1859) – канзасский фермер, борец за освобождение негров. После неудавшегося восстания против рабовладельцев в Виргинии был повешен. Во время войны Севера с Югом песня, начинавшаяся словами «Тело Джона Брауна тлеет в могиле, его дух марширует вперед…», была у северян чем-то вроде военного гимна.

«Ночи амброзии» *(лат.)*.

праздники (фр.).

маленькая (фр.).

«Размышления о смерти» (греч.).

это правда (фр.).

многое в малом (лат).

Здесь: неизвестная (лот.).

141

Здесь: сукин сын (фр.).

142

Все (фр.).

143

Здесь: первая (фр.).

144

Гинсберг Аллен (1926-1997) – американский поэт, один из лидеров битников и контркультуры середины XX века.

зеленый ребенок (фр.).

немного (фр.).

младенчик (фр.).

148

Здесь: доступ (фр.).